

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОЛИТЭКС

POLITECH

Научный журнал. Издаётся с 2005 года

2020. Том 16, № 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель:

Санкт-Петербургский государственный университет

Редакционный совет:

Н. А. Баранов (д-р полит. наук, профессор, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС)

Е. Ю. Вятр (д-р полит. наук, профессор Варшавского ун-та)

П. Дуткевич (д-р наук, профессор Карлтонского ун-та)

С. Г. Еремеев (д-р экон. наук, профессор, ректор Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина)

М. В. Ильин (д-р полит. наук, профессор, ординарный профессор Национального исследовательского ун-та «Высшая школа экономики», рук. Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН)

А. П. Клемешев (д-р полит. наук, профессор, ректор Балтийского фед. ун-та им. И. Канта)

В. И. Пантин (д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Российской академии наук)

С. П. Поцелуев (д-р полит. наук, профессор, профессор Южного фед. ун-та)

И. В. Радиков (д-р полит. наук, профессор, и. о. зав. кафедрой Санкт-Петербургского гос. ун-та)

Р. Саква (профессор Кентского ун-та, член Королевского института международных отношений)

Е. Б. Шестопал (д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова)

А. Ю. Шутов (д-р ист. наук, профессор, декан факультета политологии Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова)

Редакционная коллегия:

А. В. Курочкин (д-р полит. наук, профессор, и. о. декана факультета политологии Санкт-Петербургского гос. ун-та) — главный редактор

О. В. Попова (д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского гос. ун-та) — заместитель главного редактора

Т. В. Агарин (д-р наук, дир. Центра изучения этнических конфликтов Королевского ун-та Белфаста)

В. А. Ачкасов (д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского гос. ун-та)

Г. Баккен-Кнапп (профессор Гетеборгского ун-та)

Р. Бэкер (профессор Торуньского ун-та)

Г. И. Грибанова (д-р социол. наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского гос. ун-та)

В. А. Гуторов (д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского гос. ун-та)

А. Н. Данилов (д-р социол. наук, профессор, чл.-кор. НАН Беларуси, зав. кафедрой Белорусского гос. ун-та)

Р. Карамачу (Гейдельбергский центр в Южной Азии, Германский дом науки и инноваций)

И. В. Мирошниченко (д-р полит. наук, доцент, зав. кафедрой Кубанского гос. ун-та)

Н. М. Мухарямов (д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой Казанского гос. энергетического ун-та)

Г. Ю. Никипорец-Такигава (канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой, декан гуманитарного факультета Российского гос. соц. ун-та, профессор Кембриджского ун-та)

О. Д. Сафонова (канд. полит. наук, доцент Санкт-Петербургского гос. ун-та)

Л. В. Сморгунов (д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского гос. ун-та)

Г. Соотла (профессор Таллинского ун-та)

И. Н. Тарасов (д-р наук, профессор, профессор Балтийского фед. ун-та им. И. Канта)

А. П. Цыганков (Ph.D., профессор Калифорнийского ун-та)

Ю. П. Шабаяев (д-р ист. наук, профессор, зав. сектором Коми научного центра УрО РАН)

А. А. Ширинянц (д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова)

Д. А. Будко (канд. полит. наук, ассистент Санкт-Петербургского гос. ун-та) — ответственный секретарь редколлегии

Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-29520 от 14 сентября 2007 г. (Роскомнадзор)

Адрес журнала в Интернете — <https://politex.spbu.ru/>

Содержание

Современные политические процессы и технологии

Завершинский К. Ф. Политическая социализация детей
как символическая репрезентация «политики детства» 308

Вайшла С. Конфликт интерпретаций латгальской этнополитической
идентичности в современном латвийском обществе 329

Онопко О. В. Институты государственного сектора
внешнеполитической экспертизы на Украине: аналитический обзор 340

Feenstra C. M. Back to the beginning of the future: Comparing digital
policies of the Netherlands and Germany 360

Теоретическая политология

Цанавя Б. З. Понятие политического в философии Т. Гоббса 375

Федорищев К. М. Майкл Оукшотт и образование:
современные интерпретации 397

Размышляя над прочитанным

Баранов Н. А. Россия — это империя или нация-государство? 414

Contents 423

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «ПОЛИТИКИ ДЕТСТВА»*

К. Ф. Завершинский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассматривается значение политической социализации детей для обеспечения поколенческой преемственности и устойчивости политических коммуникаций. Автор полагает, что доминирование исследовательской установки на процесс политизации детей как реализации институциональной и идеологической активности старших поколений по отношению к возрастному меньшинству ограничивает возможности понимания качественных изменений в современных коммуникациях. Размытие границ между «миром детства» и «миром взрослых» сегодня ведет к тому, что отношения между поколениями усложняются и приобретают высокую степень вариативности и произвольности. Диверсификация символического производства, умножение акторов современных политических коммуникаций, растущая вариативность политических идеологий и способов репрезентации политики актуализируют исследование политической социализации детей как специфической политической коммуникации, зависящей от особенностей пространственно-временного дизайна политических событий в тех или иных национальных сообществах. По мнению автора, это позволяет учитывать различия в восприятии значимости тех или иных политических событий поколениями и особенности позиционирования детей и молодежи по отношению к старшим. В этом случае смысл и содержание политической социализации не редуцируются к процессу адаптации детей к институтам и идеологическим режимам «взрослого общества», а предстают как процесс выбора и оспаривания молодым поколением коллективно значимых символов старшего. Решающую роль в исследовании политической социализации детей играет изучение влияния на нее динамики профилей легитимации национальной памяти, включающих разнообразие конкурирующие символические репрезентации образов прошлого и будущего, типологии героического, представления о вине и ответственности. Автор подчеркивает важность описания и прикладного анализа действенности символических структур национальной памяти и роли иконической власти в реализации политики детства на примере кинематографа США и современной России. Используя теоретические и практические экспликации современной культурсоциологии как методологическую основу, автор предлагает новый подход к изучению политической социализации детей и политике детства в современном обществе.

Ключевые слова: политическая социализация, политика детства, символические репрезентации, национальная память, профили легитимации, иконическая власть, образы детей в кинематографе.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

Если смена поколений не соответствует смене институциональных или культурных паттернов, то новое поколение склонно рассматривать общество как слишком консервативное или даже репрессивное [Giesen, 2004b, p. 31].

Структурное сопряжение феноменов детства и политики очевиднее всего проявляется в предметной области исследований политической социализации, где политическая социализация в раннем возрасте рассматривается как значимая стадия политического развития, ведущая к оформлению позитивных установок по отношению к политическим институтам и к сфере политических взаимодействий в целом. Несмотря на то что с момента начала комплексной научной концептуализации феномена политической социализации детей¹, связанной с выходом в свет работы Д. Истона и Дж. Денниса «Дети в политической системе» [Easton, Dennis, 1969], теория политической социализации детей неоднократно критически дорабатывалась, основные теоретические посыпки в исследовании этого феномена, обозначенные американскими учеными, остаются значимыми доминантами для многих зарубежных и отечественных работ, выполненных в этой предметной области. Процессы политизации, политической персонализации, идеализации и институционализации при возрастной эволюции детей продолжают оставаться фокусом современных межпредметных исследований политической социализации, «политики детства» (politics of children and childhood) и символической репрезентации детей и детства в современной политической культуре.

В то же время очевидна необходимость существенной коррекции теоретико-методологических оснований исследований политической социализации детей. Проблема не только в культурной специфике естественно-исторического позиционирования «детей и отцов», на что обращал внимание еще Д. Истон, а в качественных изменениях способов позиционирования детей во «взрослом обществе» в реалиях современных политических коммуникаций. Мир переживает процессы трансформации национальных политических систем, сопровождающиеся не только политическими конфликтами, но и изменениями социо-

¹ Существуют многообразные варианты терминологии и временных градаций, используемые при описании детей и феномена детства в социологии, психологии, правоведении, педагогике, медицине. В своей основе настоящее исследование терминологически строится вокруг двух основных понятий, представленных в литературе социологического спектра, — *детство* и *поколение*, где детство и его символические репрезентации рассматриваются в основном в диапазоне политической социализации от 11 до 18 лет. Термин *молодежь*, используемый в статье, подразумевает процесс социализации, наступающей после детства и продолжающейся примерно до 25–30 лет. Понятие *взрослое, старшее поколение* употребляется в статье в достаточно широком контексте без спецификации процесса социализации в группах среднего, зрелого, старшего или пожилого возраста. Соответственно, термин *поколение* используется для характеристики состояния социального единства людей, родившихся в интервале примерно в 20 лет, социокультурная специфика общности которых интерпретируется в связи с коллективно значимыми событиями, повлиявшими на их трансформацию «из детства» во «взрослое состояние».

культурных параметров поколенческих общностей и способов их политической и гражданской идентификации. Семантическая диверсификация и эрозия ценностных компонентов политической социализации современных сообществ, вариативность и гибридизация политических идеологий и институтов, реализующих политику поколенческой преемственности, актуализируют исследование влияния противоречивой динамики современных политических коммуникаций и их символических репрезентаций на политическую социализацию детей. Очевидны и идеологические издержки позитивистской в своих основаниях теории политической социализации, когда все труднее верить в универсальность либерально-демократических версий политической социализации детей в реалиях растущей политизации молодежи и демонстрируемого ею недоверия к эффективности существующих политических институтов. Интернет-мем «они же дети» («ониждети»), порожденный украинским Евромайданом и легитимирующий деструктивную активность молодого поколения по отношению к существующим политическим институтам и образцам политического поведения, в той или иной мере стал не только значимым хештегом (hashtag) — символическим маркером русскоязычного сегмента молодежного Интернета, а прослеживается как семантическая составляющая протестных движений во всем мире в виде оправдания и обоснования массового участия детей в радикальных политических акциях.

Статья нацелена ответить на ряд вопросов, значимых, по мнению автора, для осмысления специфики процесса политической социализации в реалиях современных политических коммуникаций: *на какие теоретико-методологические посылки ориентируются современные исследования политической социализации детей и молодежи? В чем специфика исследования феномена политической социализации детей как коммуникативного процесса? Наконец, в чем значимость иконических образов и символов для политической социализации детей и молодежи и какую роль в этом играет кинематограф?*

ВАРИАТИВНОСТЬ И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ

В современных исследованиях политической социализации детей, на наш взгляд, можно проследить *две магистральные стратегии* изучения этого феномена и интерпретации специфики политизации детей и молодежи, их взаимодействия со «взрослыми». Обе стратегии так или иначе разделяют посылку, что теории политической социализации детей связаны с концепцией политической «зрелости» (*взрослости*) и спецификой отношений между «детьми», «молодежью» и «старшими поколениями» при оформлении и включенности этих социальных страт в политический процесс.

При этом *первая исследовательская стратегия* тяготеет к посылке, что существуют общие институциональные параметры процесса политической социализации, обусловленные тем, что отношения между поколениями всегда детерминируются иерархическими структурами (макроэкономическими, политическими и социальными), в рамках которых оформляются политические

ориентации и проявляется политическая активность детей. При этом задача политической социализации — обеспечение стабильности регулятивного влияния старших поколений на эту социально-возрастную страту для ее нормативной устойчивости. Разрушение иерархических структур подобного влияния рассматривается как некая аномалия и противоестественное состояние. Дети и молодые люди включаются в политическую жизнь и социальное конструирование политической культуры как «будущие», потенциальные граждане посредством существующих демократических институтов воспитания и образования, находящихся под контролем старших поколений. Эти институты, в свою очередь, детерминированы особенностями функционирования политико-правовых и идеологических институтов [Sears, Levy, 2013, p. 59–95]. В рамках этой теоретической установки политическая социализация и идентификация детей рассматриваются как политизация возрастного меньшинства, обусловленная в конечном счете политической активностью старших («совершеннолетних», «взрослых») поколений.

В основе *второй исследовательской стратегии* лежит посылка, что не существует универсальных нормативных характеристик политической социализации детей, поскольку они зависят от конкретных исторических, социальных, экономических и культурных условий, а репрезентация детства в политической культуре связана с особенностями восприятия поколениями пространственных и темпоральных границ политических коммуникаций, характерных для тех или иных сообществ на конкретном этапе их политической эволюции. Дети — это не только социобиологический, психологический или социально-экономический фактор общественной институционализации, но и социокультурная категория, поэтому концепции политической социализации и политики детства должны быть пластичны по содержанию и учитывать коммуникативную автономию детей и молодых людей. Подобный подход нацелен на то, чтобы уделять большее внимание «голосам» детей, их способности быть активными социальными субъектами коммуникативного процесса, способам включения или исключения молодежи из политики [Leonard, 2016]. Политическое «послушание» или уровень протестной активности детей зависит не только от институционального порядка, но и от пространственно-временного дизайна событийной ситуации, в которой они существуют. *Политику детства* при этом можно рассматривать как вариативные способы социального конструирования ожиданий ребенка, которые *категоризируются* и символически репрезентируются в национальной памяти сообществ в семантическом фокусе их значимости для политических коммуникаций.

Из этой парадигмальной установки в исследовании политической социализации детей следует, что дети не просто адаптируются к «взрослому обществу», но активно выбирают и оспаривают политические представления старших поколений посредством создания своих, нередко альтернативных субкультур и собственных нарративов политической идентичности. Так, например, быстрое распространение в России социальных сетей, в частности Instagram и YouTube, стимулировало появление такого явления, как детские и молодежные видеоблоги и специфические субкультуры, оформляющиеся вокруг их коммуникатив-

ной активности. Активными участниками подобных коммуникаций достаточно часто выступают представители молодого поколения, которые в соответствии с социологической номинацией относятся к категории детей. Такие блогеры все чаще являются действенными акторами политической социализации и нередко становятся символическими фигурами, своего рода прототипом некоего нового героизма, вступающими в острый семантический конфликт с образами героического прошлого старших поколений. Эти субкультуры сверстников не существуют независимо от мира взрослых и могут быть «присвоены» «взрослыми» политическими субъектами, но у них есть свой постоянный потенциал прямого и косвенного влияния на политический мир взрослых. Размывание границ между «миром детей» и «миром взрослых» ведет к тому, что отношения между поколениями усложняются и приобретают высокую степень вариативности и произвольности.

В отечественных исследованиях политической социализации современных детей и молодежи в той или иной мере можно проследить присутствие обозначенных выше стратегий. Первая стратегия, исходящая из посылки, что дети — «граждане в ожидании» и поэтому нуждаются в знании и практиках сбалансированного участия в политических процессах до достижения ими возраста официального включения в избирательный процесс, продолжает оставаться доминирующей. Исследования политической социализации детей идут в русле рефрена, что политическая социализация вообще и молодежи в частности — общественно организованный процесс. Политическая социализация детей осуществляется посредством политического образования и воспитания как относительно управляемая составляющая политической социализации, изучение которой предполагает уяснение взаимосвязей между различными сферами жизни общества [Головин, 2004; Коршунова, 2006, с. 48–51]. При этом анализ политики детства часто фокусируется на вопросах социальной политики как фактора обеспечения безопасности детей и реализации их социальной активности [Политика детства и юношества..., 2019; Политика семьи и детства, 2014].

Наиболее очевидно стремление к комплексному изучению процесса политической социализации детей и молодежи присутствует в современных политико-психологических исследованиях, где наряду с методологией институционального анализа и аксиологическим моделированием широко используются аппарат когнитивных исследований и социально-психологический анализ процессов символической репрезентации политического в сознании молодежи. Симптоматично, что в исследованиях такого рода отчетливо присутствует акцент на специфике идентификации молодежи и представителей старших поколений в современных политических коммуникациях, динамичности процессов «тотальной» политической социализации и ресоциализации в современном российском обществе [Шестопап, 2019, с. 9–20].

Прослеживается в современных отечественных исследованиях политической социализации молодежи и детей тенденция на ее трактовку как динамичного социокультурного феномена, связанного с влиянием коммуникативных процессов и высокой степенью автономии и амбивалентности символической политики в социальном конструировании политической идентичности детей

и молодежи. В работах подобного рода осмысляются методологические основания коммуникативных стратегий исследования политической социализации молодежи и детей, дискурсивные и символические репрезентации образа детства [Кирдяшкин, 2013, с. 185–188; Щербинин, 2009, с. 19–27]. Следует отметить появление работ и исследовательских проектов, которые нацелены на специализированное исследование образа детства в символической политике, где рассматривается роль символических репрезентаций детей на примере легитимации и делегитимации власти в социальном конструировании политической идентичности, артикулируется потенциал сакрализации символических проекций детства [Рябова, Рябов, 2019, с. 95–112].

Не подвергая значимость и перспективность исследования политической социализации детей и молодежи в контексте социокультурной динамики способов символического маркирования идентичности, следует заметить, что подобные исследования обращают внимание преимущественно на пространственные границы подобной идентификации, особенности символического позиционирования детей и молодежи в политическом поле. В то время как темпоральные измерения этого процесса и его коммуникативная тематизация, связанная с социальным конструированием смысловых образцов политических ожиданий (от чего, собственно, зависит степень автономности и действенности позиционирования детей и молодежи), часто остаются на периферии исследований.

В этом отношении представляет интерес методологическая позиция Б. Гизена, который полагает, что социологический взгляд на коммуникативную динамику социальной жизни, в особенности на современную, должен быть существенно скорректирован в контексте модели «асинхронности» («разновременности»). Эта парадигма, по его мнению, способна преодолеть инерцию модернистской модели, рассматривающей общество как систему взаимосвязанных подсистем, которые в идеале должны быть плотно соединены друг с другом (обмениваться информацией точно и вовремя) и последовательно преодолевать несовершенство прошлого и сбои в координации систем [Giesen, 2004b, p. 27–40]. Социальная жизнь в контексте подобной исследовательской установки не работает согласно функционалистскому и прогрессистскому сценарию. Важно учитывать асинхронность («разновременность») различий в восприятии социального времени поколениями и связанную с этим значимость для них тех или иных социальных событий и способность людей к взаимной адаптации. Именно подобная «разновременность» ведет к тому, что новые поколения могут рассматривать институциональные нормы и образцы предыдущего поколения как «устаревшие», нуждающиеся в радикальных преобразованиях. В стремлении сохранить поступательность в эволюции социальных институтов и культурных образцов из прошлого в настоящем и будущем поколения часто сталкиваются с групповыми различиями в своих временных горизонтах, восприятии значимости ключевых событий прошлого. То, что одно поколение помнит как победу, другим поколением или группой людей, живущей в отличном горизонте времени, может восприниматься как поражение или малозначимое событие. Молодое поколение

может быть ориентировано на собственные, значимые для них «события», в частности — массовое участие в радикальных протестных акциях, или во-ображаемые объекты «успешного» существования в настоящем и будущем. Это может привести к существенной эрозии и разрушению границ понимания внутри социума. К тому же экстраординарные политические события в жизни нового поколения, подростков могут стремительно вывести их из «тени» политического опыта предшествующих поколений и принудить действовать самостоятельно, стимулировать действия по радикальному переформатированию существующих культурных образцов и институтов. Политические дискурсы о детях и детстве, о том, как они вписываются в социальные, культурные, экономические, политические и правовые коммуникации, всегда связаны с вариативными контекстами времени у акторов подобных дискурсов.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ

В связи с обозначенными выше теоретико-методологическими особенностями предметной области исследований политической социализации детей как специфической политической коммуникации актуальным для интерпретации этого процесса, на наш взгляд, представляется понимание *политической социализации как социокультурной динамики темпорального структурирования политических коммуникаций*.

В свое время известный немецкий социолог Н. Луман заметил, что социализация — это всегда «самосоциализация», поскольку базируется не на «переносе» смысловой модели от одной системы к другим, а на коммуникативном процессе социального взаимопроникновения (понимания). Участие в этом коммуникативном процессе либо в качестве источника информации, либо в роли «передатчика сообщения», либо в качестве «принимающего» и «понимающего» есть основа всякой социализации [Луман, 2007, с. 319–321]. Коммуникацию как возникновение / разрушение смыслового единства (понимания) никогда нельзя целиком сводить к целеполаганию взаимодействующих, поскольку действия, интересы и мотивы в процессе коммуникации обретают новое смысловое измерение. Социализируют не действия, а событие коммуникативного понимания / непонимания и его символические репрезентации.

В этом контексте политическая социализация детей не только некий продукт целенаправленной политики детства или организационного противодействия ей. Успех или неуспех политической социализации детей и молодежи предопределяется в значительной степени тем, как происходит процесс становления межпоколенческого коммуникативного понимания. Анализ социального конструирования символических границ поколений предполагает выход за рамки трактовки политической социализации как социокультурной динамики ценностно-нормативных предпочтений или организационной активности. При социальном конструировании диалога между возрастными сообществами важно учитывать различия в понимании ими значимого прошлого, настоящего и будущего, особенностей их коммуникативного «связывания» в символических структурах многообразных коллективных представлений.

В современных коммуникативных реалиях актуализируются теоретические посылки социологии дискурсивных и символических измерений политической социализации, получившие свое развитие в современной культурсоциологии и антропологии политики и нацеливающие на изучение символических кодов и базовых нарративов политической идентичности, обеспечивающих солидарное существование в комплексных обществах.

Политическая социализация в современных обществах, о чем свидетельствует современная коммуникативная реальность, продолжает в значительной степени определяться процессами национальной идентификации. В связи с чем, по мнению автора, сохраняют актуальность теоретические посылки, обозначенные Ш. Эйзенштадтом и Б. Гизеном, которые полагали, что при исследовании исторической динамики *внутригруппового и внешнего* позиционирования национальных сообществ, наряду с такими измерениями, как социальная дифференциация, контроль над распределением ценностей и институционализация, важно учитывать символическую специфику пространственного и временного кодирования границ подобных сообществ [Eisenstadt, Giesen, 1995, p. 72–102; Eisenstadt, 2002, p. 3–12]. Национальная идентичность, как и иные формы коллективной идентичности в комплексных обществах, нуждающихся в поколенческой преемственности, возникает при социальном конструировании символических границ сообществ на основе символизации процессов включения / исключения «других» из этих сообществ. Подобное различие предполагает эволюцию и усложнение символических кодексов этого различия от примордиальных и сакральных к гражданским, которые возникают при специфическом пространственно-временном маркировании в комплексных обществах. Радикальное переформатирование подобных кодов и семантическая эрозия, умножение метанарративов национальной идентичности очевидно наблюдаются в современном политическом пространстве.

У многих национальных общностей в современном мире существуют политические, экономические, социальные границы, но при этом очевидно нарастает неопределенность в символических границах, связанных с динамикой социальной памяти под влиянием современных коммуникаций. Процессы, происходящие в современной социальной памяти, все чаще являются решающими «символическими триггерами» политической социализации, производства идентичностей, интересов и значений во времени, а не только статическим отражением эволюции институциональных структур или ценностных предпочтений культурных и политических элит при организации политической социализации, политики детства и молодежной политики.

Исследование символической динамики процесса политической социализации в контексте культурсоциологии предполагает анализ темпоральных режимов и исторических форм, уровней национальной памяти [Ассман, 2017], «прагматики» ее мнемонических практик и продуцирования символических кодов публичного пространства [Alexander, 2006a, p. 29–89; Alexander, 2012a, p. 6–30; Alexander, 2006b, p. 45–68]. Важной предметной областью исследования «работы» национальной памяти по продуцированию и разрушению национальной идентичности становится изучение специфики ее «символических

фигураций», отражающих меняющиеся отношения между прошлым и настоящим. Эти отношения обусловлены взаимосвязью конфликтной борьбы «памятей», конкуренции жанров и профилей легитимации [Olick, 2016, p. 36–76].

Решающую роль в исследовании политической социализации детей, на наш взгляд, играют описание профилей легитимации национальной памяти, исследование конфликтной динамики ее символических контуров, включающей разнообразные конкурирующие смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с «врагами»), определяющие характер возникновения и умножения конфликтов идентичностей. Все эти элементы так или иначе определяют направленность политической социализации детей и молодежи, а их конфликтная динамика может стимулировать политизацию молодежи, ориентированную на радикальное переформатирование профилей национальной легитимации.

Интерпретируя антропологические основания символических репрезентаций границ коллективной памяти, динамику процессов сакрализации / десакрализации в контексте таких идеал-типических концептов, как триумф и травма, Б. Гизен артикулировал четыре основные символические фигуры, лежащие в основании национальной идентичности, — герой-триумфатор (*triumphant hero*), трагический «жертвенный» герой (*tragic hero*), жертва (*victim*) и преступник (*perpetrator*) [Giesen, 2004a]. Развивая теоретические основы этой феноменологии героизма и жертвенности, он интерпретирует процесс перехода от героизма к жертвенности в коллективной идентичности современных обществ, констатируя на примере Европы, что в «западной цивилизации» в процессах национальной идентификации прослеживаются «гибель героизма и рост жертвенности» [Giesen, 2013, p. 75–90]. Это размывает бывшее ранее более отчетливым маркирование сообществ на «героические» и «преступные», репрезентация «жертвенного» и «преступного» ведет к дискурсивным расколам в процессе политической социализации. Эти теоретические посылки, на наш взгляд, весьма эвристичны не только для анализа профилей легитимации национальной памяти, но и для понимания процессов виктимизации и дегероизации, которые все интенсивнее охватывают молодое поколение и стимулируют его протестный потенциал в национальном пространстве Европы и США. Кроме того, репрезентация образа ребенка в культурном производстве политического так или иначе воспроизводит эту модель в виде образов детей — героев и невинных жертв.

Значимой в исследовании политической социализации как коммуникативного процесса является проблема действенности ее символических структур, их способности воплощаться в повседневности и порождать мобилизующий, пассионарный эффект. Социальная память — процесс конфликтного производства интересов и значений во времени, а не статическое их выражение [Olick, 2016, p. 36–76]. При этом важно учитывать автономию и спонтанность социальной памяти как динамичного «принуждения к действию» посредством комплекса ее символических фигураций, легитимирующих «борьбу за власть». Ядром этого семантического процесса является соотнесение «реальных» «неотлож-

ных вещей» с тем, что фактически создает смысл, — «с системами символов» [Александр, 2009, р. 72], порождающих сакральные объекты [Alexander, 2006a, р. 29–89; Alexander, 2012b, р. 25–39].

В современной культурсоциологии и близких к ней по интеллектуальной интенции исследованиях действенности символических форм на уровне повседневности получила развитие концепция «иконического» опыта, «иконического сознания», «социального бессознательного», «чувственного сознания» как посредника, медиатора между более абстрактными символическими репрезентациями и повседневными представлениями, обремененными телесным, «материальным» опытом существования. Для иконических знаков характерно отображение объектов с высокой степенью приближения к их телесно-чувственным воплощениям. В иконических образах и их символических репрезентациях происходит сочетание смыслов профанного и сакрального, что придает им особую действенность. При этом подчеркивается, что иконические образы и символы не только не утратили своей действенности в современном обществе, а благодаря современным коммуникациям усиливают свое влияние. Иконическая власть, иконические образы, отмечает Дж. Александр, могут действовать без помощи других сил. Оформившись, они обладают силой, независимой от процессов, которые произвели их. В современном обществе процесс продуцирования иконических образов диверсифицирован, а поэтому постоянно ускользает от контроля официальных организаций [Alexander, 2012b, р. 34–35].

На подобные аспекты обращает внимание и итальянская исследовательница Кьяра Боттичи, которая, решая проблему снятия дихотомии воображения как субъективной и объективной способности человека в политических взаимодействиях, вводит понятия политической имаджинерии (*imaginary*) и имаджинального (*imaginal*). Они призваны описать процессы, связанные с продуцированием коллективно значимых образов и символов, выступающих источником чувства политической реальности, «политической телесности». Политические коммуникации, как полагает она, достигли критического порога в своих количественных и качественных изменениях в продуцировании «имаджинальных» образов, когда они не только опосредуют политическую деятельность, но претендуют на то, чтобы заниматься политикой вместо нас [Bottici, 2014, р. 178; Bottici, 2019, р. 433–441].

Иконические образы и символы «оповседневнивают» более рациональные или абстрактные сакральные формы символической репрезентации политического, трансформируя их в мифический нарратив как коммуникативное средство связи практик фонового повседневного знания и категоризации коллективных представлений. При этом символы и более абстрактные обоснования прошлого, настоящего и будущего дополняются символизацией телесно-чувственного восприятия социальной действительности посредством символизации событий героического и жертвенного. Это принципиально значимо для процесса политической социализации детей, поскольку чувственно-образная компонента на этом этапе социализации занимает весьма значимое место в когнитивном развитии и процессе включения в социальные коммуникации.

**ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ
В КИНЕМАТОГРАФЕ США И РОССИИ**

Обозначенные теоретико-методологические основания анализа социокультурной динамики «работы» социальной памяти и ее роли в процессах социализации позволяют сделать некоторые значимые, на наш взгляд, практические экспликации в связи с политической социализацией детей на примере символических репрезентаций периода холодной войны и их дискурсивных проекций в настоящем в американском и российском кинематографе.

Несмотря на возрастание роли иных аудиовизуальных средств коммуникации, участвующих в процессе социализации детей и молодежи, современный кинематограф, используя новые коммуникативные технологии массмедиа, остается одним из эффективных способов продуцирования иконических образов и символов при политической социализации детей и реализации политики детства в конкретных обществах. В частности, анализ политических аспектов кинопродукции позволяет говорить о сложных процессах пролонгированного влияния их символического содержания на формирование политической идентичности поколения. Важным является и то, что зарубежное и отечественное кинопроизводство располагает новыми технологическими ресурсами влияния на политическую социализацию, социальное конструирование морально-политических образцов действия. Кинематограф, как справедливо отмечают многие авторы, остается важным символическим ресурсом социального конструирования, поскольку дает возможность построения визуальных моделей альтернативного общественного развития, утопий и антиутопий, новых образцов человеческого поведения в различных социальных средах, в том числе и в политической [Лапшин, 2015, с. 44–47].

В контексте культурсоциологических концепций иконической власти кинематограф можно рассматривать как важный способ ее реализации, а его иконические формы влияют на участие детей и молодежи в политических коммуникациях, развивая чувство солидарности и порождая новые формы политико-культурной иерархии. Фильмы и телевизионные адаптации литературных текстов для детей играют существенную роль в культурном воспроизводстве и политической социализации, представляя собой богатый ресурс для изучения процесса передачи и адаптации идеологических ценностей и моделей поведения.

Выбор кинематографии периода холодной войны не является случайным. В этот период чувственные образы детей, воплощающих символизм сакральной жертвенности и жертвенного героизма, требующих отмщения, часто присутствуют в фильмах с политическим контекстом, влияя на процесс политической социализации и одновременно репрезентируя его. Образы ребенка в фильмах отчетливо воспроизводят проблемы политической социализации детей. В то же время они семантически нацелены на преодоление идеологической противоречивости образов взрослых, конструирование общего нарратива противостояния беспощадному и жестокому врагу, легитимируя использова-

ние насильственных действий по отношению к нему. Кроме того, на наш взгляд, современные проблемы политической социализации детей в американском и российском обществах так или иначе связаны с ее кризисом, начавшимся в этот период, когда две сверхдержавы достигли апогея своего политико-идеологического могущества. Обращение к этой эпохе, на наш взгляд, позволяет проследить нарастающую темпоральную асинхронизацию представлений поколений о значимости тех или иных политических событий как во внешнеполитическом плане, так и внутри сообществ.

Интерес в связи с этим представляет сравнительный анализ фильма «Красный рассвет» («Red Dawn», 1984, реж. Дж. Милиус) и одноименного ремейка этого фильма (2012, реж. Д. Брэдли), вышедшего в российском прокате под названием «Неуловимые». В нашем случае сравнительный анализ этих фильмов интересен с точки зрения как состояния специфического сегмента национальной памяти США и России, так и социокультурной динамики «патриотического жанра», изменения фигураций «памяти о холодной войне» в силу постепенного переформатирования профилей легитимации «образа врага» в политической культуре США.

Оба фильма повествуют о партизанской войне подростков и представителей молодого поколения против жестокого врага, в ходе которой происходит символическая трансформация рядовых американских школьников, юношей и девушек, в патриотов-героев. Несмотря на серьезную критику фильмов в аспекте их эстетической значимости и антигуманистической направленности, кинокритики и зрители в США и за рубежом признали их, особенно первую версию «Красного рассвета», репрезентативными не только в качестве образца символической продукции, обусловленного «духом» и стереотипами холодной войны, но и с точки зрения политической прагматики использования символического капитала в легитимации активности, мобилизации консервативных кругов и групп влияния [Shaw, 2007, p. 276].

Важно также учитывать, что эти фильмы отличает отчетливый семантический фокус на репрезентацию образов детей и молодежи с очевидным политическим контекстом, они вписаны в общий контур дискурса борьбы с терроризмом, обеспечивающий жизненность продуктов в культуре следующих поколений, поскольку этот дискурс и по сей день остается значимым для американского общества. Тема терроризма актуализируется в американском кинематографе в 80-е гг., и хотя в фильмах этой направленности дети не выступают главными политическими субъектами, косвенно в них эксплуатируется образ ребенка. Хотя большая часть американского «кинематографа терроризма» оставляет на периферии политическую рефлексию, концентрируясь на зрелищной психодраме самоопределения личности в процессе участия в террористических актах или противостояния им, в целом такие фильмы ориентированы на конструирование образа злобного врага, чужака, сеющего насилие на американской земле и угрожающего американскому образу жизни, жизни детей и женщин. Как замечает один из исследователей фильмографии терроризма в американском кинопроизводстве, появление подобного рода фильмов свидетельствует о динамике в политических представлениях американского общества. За этими фильмами стоит

драматургия национального превосходства, поскольку Америка, несмотря на ее достижения в вопросах внутренней и внешней политики, начинает все чаще сталкиваться с политическим противодействием [Cettl, 2009, p. 10–11].

Показательны в этом отношении фильмы режиссера, сценариста и продюсера многих боевиков Джозефа Зито, отличающиеся ярко выраженным нигилизмом и презрением к человеку. Весьма иллюстративен его фильм «Вторжение в США» (1985) с участием Чака Норриса, где террористы по приказу из Советского Союза с помощью кровавых актов против мирного населения стремятся сокрушить американскую демократию [Cettl, 2009, p. 161]. Этот фильм отчетливо коррелирует по своей семантике и символизму с фильмом «Красный рассвет» Джона Милиуса. В фильме Д. Зито дети представлены как невинные жертвы террористов, их образы используются для того, чтобы дегуманизировать образы преступных врагов, готовых взорвать школьный автобус и заживо сжечь детей и женщин в их домах, что символически оттеняет гражданские достоинства главного героя — патриота, спасающего невинных.

Характеризуя символические репрезентации «памяти о холодной войне» в этих фильмах, можно сделать несколько принципиальных, на наш взгляд, выводов. Память о холодной войне оформилась как важный устойчивый сегмент национальной памяти США, обусловленный потребностью в артикуляции дискурса героического патриотизма и поисками его «праведного» нарратива как способа консолидации нации с целью преодоления рисков, опасностей разрешения травматических ситуаций [Huddy, Khatib, 2007], межпоколенческих разломов 60-х годов. Именно в рамках этого нарратива происходит символическая репрезентация участников партизанского движения в «Красном рассвете», которая стимулирует дискуссии о символической значимости этого фильма и жанровой устойчивости подобной кинопродукции и патриотической риторики в настоящем.

Внешний, «террористический» контур профиля легитимности национальной памяти США, на наш взгляд, вызвал к жизни ремейк «Красного рассвета» в 2012 г., но уже в реалиях трансформации «образа врага» и борцов с ним в связи со сменой дискурса «империи зла» на дискурс «оси зла» в политической риторике американских политических элит [Gentile, 2008, p. 83–85]. Для этих двух профилей легитимации характерен акцент на доминировании образа «ребенка-героя» как «последней надежды», символизирующей поиски перспективного измерения модальности героического при новой актуализации этого измерения в рамках профиля «оси зла». При этом режиссер пытался учесть особенности самопрезентации молодежи на новом витке их политической социализации.

Сегодняшняя коммуникативная реальность США показывает, что процесс символической репрезентации героического, обозначенный в 80-е и 90-е гг., не привел к ожидаемому социализирующему эффекту. После распада Советского Союза во внутриполитическом пространстве США дискурс героического в политической социализации детей и юношества стал трансформироваться в дискурс виктимизации в связи с размыванием границ в символических репрезентациях детей и молодежи. В настоящее время достаточно очевидны кризисные

изменения во внутреннем профиле легитимации национальной памяти США, обусловленные в том числе и рассогласованностью темпоральных горизонтов поколений в процессе политизации расовых, гендерных, социальных проблем и, соответственно, реактуализацией процессов символизации образов «жертвы», «преступника», «внешнего врага». Это достаточно отчетливо прослеживается на фоне последних расовых волнений, сопровождаемых радикальным переформатированием фигур героического, жертвенного и преступного. Тенденцию на «смерть триумфатора-героя» и сакрализацию «жертвы» можно проследить в перевертывании символических фигур в процессе массовых протестных движений.

Очевидно, что политическая социализация детей в пространстве современной России и Америки отличается по своей динамике и контекстам политической социализации и репрезентации образа ребенка. Для анализа специфики профиля легитимации национальной памяти современной России и его влияния на поколенческую динамику и политическую социализацию детей, выявления ее специфики по сравнению с кинопродукцией США принципиальным является обращение к различиям в событийной структуре политической социализации. Процессы политической социализации и ресоциализации детей и молодежи в современной России связаны с символическим переформатированием границ сообщества в процессе распада Советского Союза и декодированием, делегитимацией структур его политической памяти. Именно эти события стали «символическим триггером» процессов символического кодирования, конкуренции политических нарративов поколений и драматического поиска объединяющего нарратива гражданского патриотизма, адекватного социокультурным особенностям эволюции социальной памяти российской цивилизации. Подобная динамика политических коммуникаций неизбежно породила диверсификацию и рассогласование временных горизонтов поколений, что проявилось в символических репрезентациях образа ребенка в российском кинематографе.

Кризисные явления, предпосылки «разновременности поколений» в процессе политической социализации детей и молодежи начинают прослеживаться в социокультурном пространстве периода «развитого социализма» как специфического этапа в эволюции политической системы Советского Союза, что репрезентируется в образах детей, характерных для этого периода. В отличие от США, где в этот период в кинематографе прослеживается тенденция на артикуляцию дискурса патриотизма, в Советском Союзе конца 80-х гг. начинается символическая инфляция советского метанарратива героики социалистической гражданственности в настоящем и постепенно исчезает артикуляция присутствия детей в политическом пространстве, за исключением фильмов о Великой Отечественной войне, обращенных к прошлому. Образ ребенка, репрезентирующий настоящее периода «развитого социализма», постепенно деполитизируется. Исчезают образы «неуловимых мстителей» и борцов с иностранными шпионами, характерные для начальных этапов холодной войны. Советские дети в фильмах позднего социализма спасают животных, борются с инопланетными персонажами, обучают роботов, что свидетельствует

о том, что социально-политические аспекты их общественного существования постепенно приобретают периферийный характер («Приключения Электроника», 1980; «Сказка о звездном мальчике», 1983; «Гостя из будущего», 1984, «Остров ржавого генерала», 1988). Семантически начинает акцентироваться значимость индивидуализированной дружбы, любви, появляется дихотомия ребенка-«ангела» и прагматичного, в чем-то циничного, укорененного в повседневной жизни «маленького взрослого» («Вам и не снилось», 1981; «Каникулы у моря», 1986; «Чучело», 1983; «Пацаны», 1983; «Курьер», 1986).

В реалиях перестройки происходят окончательная деконструкция советского профиля легитимации и десакрализация политического образа ребенка. На смену образам детей, так или иначе воплотившимся в таких реальных персонажах, как Екатерина Лычева или ее семантический американский аналог Саманта Смит, апеллировавших к мировым лидерам и боровшихся с детской непосредственностью за мир, приходят амбивалентные и драматические образы детства периода социальной аномии и прототипы отечественных «грет тумберг» и «успешных» в самоутверждении любой ценой молодых героев («Забавы молодых», 1987; «Дорогая Елена Сергеевна», 1988; «До первой крови», 1989; «Школа», 2010).

Ситуация гибридизации культуры, в которой Россия оказалась в связи с открытием политико-идеологических границ, привела, как и в других странах, к появлению культурных текстов, противоречащих друг другу идеологически, и породила многообразные амбивалентные образы детей: невинных существ, нуждающихся в защите от враждебных сил циничного мира политики и экономики, и одновременно носителей новых проекций непредсказуемого и фантазийного будущего, наполненного монстрами [Screen adaptations..., 2018]. Это стимулировало появление репрезентаций «ребенка нового типа», который обвиняет, культивирует во взрослых чувства вина и стыда, требует возмездия и отрицает существующий социальный порядок взрослого мира. Симптоматично, что в весьма обстоятельном современном исследовании состояния детского кино в современной России при анализе особенностей восприятия фильмов и жанровых пристрастий, несмотря на амбициозный заголовок «Детское кино: формирование человека и гражданина», констатируется, что в ценностных профилях отечественного кинопроката отсутствуют отчетливые доминанты гражданственности. В описании ценностных профилей кинематографической продукции обнаруживается, что гражданская направленность носит периферийный характер [Детское кино..., 2016].

Можно согласиться с мнением тех авторов, которые, опираясь на социологические исследования предпочтений и ожиданий современных школьников и молодежи, констатируют, что у современного поколения при декларировании патриотизма реально прослеживаются парадигма «я никому ничего не должен» и стремление к самореализации в карьере, присутствуют слабое знание и понимание политических проблем и истории страны при обостренном чувстве социальной справедливости [Проект..., 2019; Касамара, 2020]. Подобные исследования фиксируют низкий уровень политизации детей, несмотря на регулярную артикуляцию представителями «взрослого поколения» социальной потребности в молодежном активизме. Однако, как показывают поколенческие

расколы в странах Европы и США, на Украине и в Беларуси, наблюдаемая политическая аномия может внезапно обратиться резкой и спонтанной активностью молодежи по делегитимации существующих социальных институтов. Достижение динамичного согласия поколений в современном российском обществе нуждается не только в развитии организационных ресурсов политической социализации или патриотических кампаниях по поддержанию значимости героического прошлого, но и в политике социального конструирования будущего, его событийного содержания — реального и воображаемого, способного вывести ожидания молодежи за горизонт «событий» потребительской повседневности и радикального нигилизма по отношению к старшим поколениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семантическая диверсификация и эрозия ценностных компонентов политической социализации современных сообществ, вариативность и гибридизация политических идеологий и институтов, реализующих политику поколенческой преемственности, актуализируют проблему существенной коррекции исследовательских парадигм изучения процессов политической социализации детей и молодежи в современном обществе. На наш взгляд, более традиционная исследовательская стратегия в изучении политической социализации детей как политизации возрастного меньшинства («будущих», но «не настоящих» граждан), обусловленной политической активностью старших («совершеннолетних», «взрослых») поколений, должна быть дополнена исследовательскими стратегиями, которые интерпретируют политику детства как комплекс символических практик социального конструирования ожиданий ребенка, которые *категоризируются* и символически репрезентируются в национальной памяти сообществ в семантическом фокусе их значимости для политических коммуникаций. Из этой парадигмальной установки исследования политической социализации следует, что дети и молодежь в реалиях современных коммуникаций не просто адаптируются к институтам и идеологическим режимам «взрослого общества», а активно выбирают и оспаривают политические представления старших поколений посредством создания своих, нередко альтернативных, нарративов национальной идентичности.

Подобная политическая социализация детей обусловлена динамикой темпорального структурирования в пространстве политической памяти современных сообществ, а успех или неуспех политической социализации детей и молодежи предопределяется в значительной степени тем, как происходит процесс становления межпоколенческого коммуникативного понимания, связанного с различиями в дизайне символизации значимого прошлого, настоящего и будущего. Решающую роль при этом, на наш взгляд, играет исследование профилей легитимации национальной памяти, конфликтной динамики ее символических контуров, включающей разнообразные конкурирующие смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с «врагами»), определяющие характер возник-

новения и умножения конфликтов идентичностей. Все эти элементы так или иначе определяют направленность политической социализации детей и молодежи, а их конфликтная динамика может выступить семантическим триггером политизации молодежи, направленной на радикальное переформатирование существующих профилей национальной легитимации.

В контексте культурсоциологических исследований прагматики, действительности символических аспектов политической социализации детей и молодежи кинематограф является важным способом реализации иконической власти, а его иконические формы влияют на участие детей и молодежи в политических коммуникациях, культивируя / подавляя чувство солидарности и порождая новые формы политико-культурной иерархии. Фильмы и телевизионные адаптации культурных текстов для детей играют существенную роль в культурном воспроизводстве и политической социализации, представляют собой богатый ресурс для изучения процесса социального конструирования и тиражирования идеологических ценностей и моделей поведения.

Обозначенные выше тенденции в политической социализации детей и способах их символической репрезентации в национальной памяти на примере кинопродукции США и России свидетельствуют о нарастании процесса конфликтной борьбы «памятей», столкновении «политик памяти» вследствие конкуренции жанров и профилей национальной легитимации как внутри этих обществ, так и во внешнеполитическом их позиционировании. Современные общества переживают динамичный процесс смены профилей легитимации национальной идентичности, сопровождающийся противоречивой динамикой символических контуров национальной памяти, конкуренцией образов прошлого, переформатированием символических фигур героического, представлений о долге, вине и ответственности за события прошлого и настоящего, что стимулирует возникновение и умножение конфликтной динамики не только во внешнеполитическом контуре этих сообществ, но и в межпоколенческих коммуникациях.

Литература

Александр Д. С. Демократическая борьба за власть: президентская кампания США 2008 года // Вестник МГИМО — Университета. 2009. № 1. С. 62–72.

Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.

Головин Н. А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 288 с.

Детское кино: формирование человека и гражданина / общ. ред. А. О. Лужин, А. А. Наумова, Ю. С. Трифонова, К. М. Колкова, Я. Р. Альмухаметова, Д. В. Лавриненко. М., 2016. 68 с.

Касамара В. У «поколения Путина» зачастую жива парадигма — я никому ничего не должен. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/165359-valeriya-kasamara-sostavila-portret-rokoleniya-putina> (дата обращения: 09.06.2020).

Кирдяшкин И. В. Политическая социализация молодежи: эпистемологическое измерение // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. № 4. С. 185–188.

Коршунова О. С. Педагогические условия политического воспитания школьников в транзитивном обществе // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2006. № 9. С. 48–51.

Лапшин В. А. Кинематограф как фактор политической социализации молодежи // Человек. Общество. Инклюзия. 2015. № 4. С. 44–47.

- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
- Политика детства и юношества // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 4. С. 489–490.
- Политика семьи и детства в постсоциализме: коллектив. моногр. / под ред. В. Шмидт, Е. Ярской-Смирновой, Ж. Черновой. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2014. 260 с. (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»).
- Проект «Мы считаем»: «Российские школьники: политические, сексуальные и карьерные предпочтения». URL: <http://m-p-a.ru/myi-schitaem-2.html> (дата обращения: 09.06.2020).
- Рябова Т. Б., Рябов О. В. Образы детства и детей в символической политике // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 3. С. 95–112.
- Шестопал Е. Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 9–20.
- Щербинин А. И. Конструирование образа (на примере выстраивания концепта Родины) // АртМаркетинг. 2009. № 4 (28). С. 19–27.
- Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy // Social Performance. Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / eds J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge: Cambridge University Press, 2006a. P. 29–89.
- Alexander J. C. The Civil Sphere. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006b. 816 p.
- Alexander J. C. Trauma: A Social Theory. Malden: Polity Press, 2012a. 226 p.
- Alexander J. C. Iconic Power and Performance: The Role of the Critic // Iconic Power. Materiality and Meaning in Social Life / eds J. C. Alexander, D. Bartmański, and B. Giesen. New York: Palgrave Macmillan, 2012b. P. 25–39.
- Bottici C. Imaginal politics: images beyond imagination and the imaginary. New York: Columbia University Press, 2014. 258 p.
- Bottici C. Imagination, Imaginary, Imaginal: Towards a New Social Ontology? // Social Epistemology. 2019. Vol. 33:5. P. 433–441. <https://doi.org/10.1080/02691728.2019.1652861>.
- Cettl R. Terrorism in American Cinema: An Analytical Filmography, 1960–2008. North Carolina; London: McFarland, 2009. 321 p.
- Easton D., Dennis J. Children in the Political System. New York: McGraw-Hill, 1969. 638 p.
- Eisenstadt N. S., Giesen B. The construction of collective identity // European Journal of Sociology. 1995. Vol. 36, iss. 1. P. 72–102.
- Eisenstadt S. N. The Continual Reconstruction of Multiple Modern Civilizations and Collective Identities // Borderlines in a globalized world. New Perspectives in a Sociology of the World-System / eds G. Preyer, M. Bös. Dordrecht, Netherlands: Springer-Science+Business Media, B.V., 2002. P. 3–12.
- Gentile E. God's Democracy: American Religion after September 11. Westport: Prager Publishers, 2008. 189 p.
- Giesen B. Triumph and trauma. Boulder CO: Paradigm Publishers, 2004a. 196 p.
- Giesen B. Noncontemporaneity, Asynchronicity and Divided Memories // Time & Society. 2004b. Vol. 13, no. 1. P. 27–40. <https://doi.org/10.1177/0961463X04040741>.
- Giesen B. Ambivalent Representations and Fragile Boundaries: Heroes, Victims, Perpetrators // Rethinking the public sphere through transnationalizing Processes Europe and Beyond / eds A. Salvatore, O. Schmidtke and H.-J. Trenz. New York: Palgrave Macmillan, 2013. P. 75–90.
- Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement // American Journal of Political Science. 2007. Vol. 51, no. 1, January. P. 63–77.
- Leonard M. The Sociology of Children, Childhood and Generation. London: SAGE Publications, 2016. 184 p.
- Olick J. K. The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method. Chicago; London: University of Chicago Press, 2016. 517 p.
- Screen Adaptations and the Politics of Childhood: Transforming Children's Literature into Film. London: Palgrave Macmillan, 2018. 286 p.

Sears D. O., Levy S. Childhood and adult political development // Oxford Handbook of Political Psychology / eds D. O. Sears, L. Huddy, and R. Jervis. New York: Oxford University Press, 2013. P. 59–95.

Shaw T. Hollywood's Cold War. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 342 p.

Завершинский Константин Федорович — д-р полит. наук, проф. ;
zavershinskiy200@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 15 июля 2020 г.;

рекомендована в печать: 21 августа 2020 г.

Для цитирования: *Завершинский К. Ф.* Политическая социализация детей как символическая репрезентация «политики детства» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 3. С. 308–328. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.301>

POLITICAL SOCIALIZATION OF CHILDREN AS A SYMBOLIC REPRESENTATION OF THE “POLITICS OF CHILDREN”*

Konstantin F. Zavershinskiy

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
zavershinskiy200@mail.ru

The article examines the importance of the political socialization of children to ensure generational continuity and stability of political communications. The author supposes that the dominance of the research attitude towards the process of politicization of children as the implementation of the institutional and ideological activity of older generations concerning the age minority limits the ability to understand qualitative changes in contemporary communications. The blurring of boundaries between the “world of childhood” and “adults” in the contemporary society leads to the fact that relations between generations become more complicated and acquire a high degree of variability and arbitrariness. The diversification of symbolic production, the multiplication of actors in contemporary political communications, the growing variability of political ideologies and ways of representing politics, actualizes the study of the political socialization of children as a specific political communication depending on the features of the spatio-temporal design of political events in certain national communities. According to the author, this allows us to take into account the differences in the perception of the significance of certain political events by generations and the peculiarities of the children’s and youth’s positioning concerning the older generation. In this case, the meaning and content of political socialization is not reduced to the process of adaptation of children to the institutions and ideological regimes of “adult society”, but appears as a process of choosing and challenging the collectively significant symbols of the older generation by the younger generation. A decisive role in the study of the political socialization of children is played by the research of the influence of the dynamics of the profiles of the legitimation of national memory, including various competing symbolic representations of images of the past and the future, the typology of the heroic, ideas of guilt and responsibility. The author emphasizes the importance of description and applied analysis of the effectiveness of the symbolic structures of national memory and the role of iconic power in the implementation of politics of children on the example of the US and contemporary Russian cinema. Using the theoretical and practical explications of contemporary cultural sociology as a methodological

* The study was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00233 “Cinema images of Soviet and American enemies in the symbolic policy of the Cold War: Comparative Analysis”.

basis, the author proposes a new approach to the study of the political socialization of children and the politics of children in contemporary society.

Keywords: political socialization, politics of children, symbolic representations, national memory, legitimization profiles, iconic power, images of children in cinema.

References

- Aleksander D. S. Democratic Struggle for Power: U. S. Presidential Campaign of 2008. *Vestnik MGIMO – Universiteta*, 2009, no. 1, pp. 62–72. (In Russian)
- Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance. *Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*, eds J. C. Alexander, B. Giesen and J. L. Mast, Cambridge University Press, 2006a, pp. 29–89.
- Alexander J. C. *The Civil Sphere*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2006b, pp. 45–68.
- Alexander J. C. *Trauma: A Social Theory*. Malden, Polity Press, 2012a, 226 p.
- Alexander J. C. Iconic Power and Performance: The Role of the Critic. *Iconic Power. Materiality and Meaning in Social Life*, ed. by J. C. Alexander, D. Bartmański and B. Giesen. New York, Palgrave Macmillan, 2012b, pp. 25–39.
- Assman A. *The time is out of joint? The rise and fall of the temporal regime of Modern*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, 272 p. (In Russian)
- Bottici C. *Imaginal politics: images beyond imagination and the imaginary*. New York, Columbia University Press, 2014, 258 p.
- Bottici C. Imagination, Imaginary, Imaginal: Towards a New Social Ontology? *Social Epistemology*, 2019, vol. 33:5, pp. 433–441. <https://doi.org/10.1080/02691728.2019.1652861>.
- Cettl R. *Terrorism in American Cinema: An Analytical Filmography, 1960–2008*. North Carolina and London, McFarland, 2009, 321 p.
- Children's cinema: the formation of a person and a citizen*, eds A. O. Luzhin, A. A. Naumova, I. S. Trifonova, K. M. Kolkova, I. R. Al'mukhametova and D. V. Lavrinenko. Moscow, 2016, 68 p. (In Russian)
- Easton D., Dennis J. *Children in the Political System*. New York, McGraw-Hill, 1969, 638 p.
- Eisenstadt N. S., Giesen B. The construction of collective identity. *European Journal of Sociology*, 1995, vol. 36, iss. 1, pp. 72–102.
- Eisenstadt S. N. The Continual Reconstruction of Multiple Modern Civilizations and Collective Identities. *Borderlines in a globalized world. New Perspectives in a Sociology of the World-System*, eds G. Preyer, M. Bös. Dordrecht, Netherlands: Springer-Science+Business Media, B. V., 2002, pp. 3–12.
- Family and childhood politics in post-socialism*, eds V. Shmidt, E. Iarskia-Smirnova, Zh. Chernovaia. Moscow, OOO «Variant», TsSPGI Publ., 2014, 260 p. (Biblioteka «Zhurnalna issledovaniia sotsial'noi politiki»). (In Russian)
- Gentile E. *God's Democracy: American Religion after September 11*. Westport, Prager Publishers, 2008, 189 p.
- Giesen B. *Triumph and trauma*. Boulder CO, Paradigm Publishers, 2004a, 196 p.
- Giesen B. Noncontemporaneity, Asynchronicity and Divided Memories. *Time & Society*, 2004b, vol. 13, no. 1, pp. 27–40. <https://doi.org/10.1177/0961463X04040741>.
- Giesen B. Ambivalent Representations and Fragile Boundaries: Heroes, Victims, Perpetrators. *Rethinking the public sphere through transnationalizing Processes Europe and Beyond*, eds A. Salvatore, O. Schmidtke and H.-J. Trenz. New York, Palgrave Macmillan, 2013, pp. 75–90.
- Golovin N. A. *Theoretical and methodological foundations of the political socialization study*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2004, 288 p. (In Russian)
- Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. *American Journal of Political Science*, 2007, vol. 51, no. 1, January, pp. 63–77.
- Kasamara V. U. *The "Putin generation" often has a vivid paradigm – I don't owe anyone anything*. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/165359-valeriya-kasamara-sostavila-poret-pokoleniya-putina> (accessed: 09.06.2020). (In Russian)

- Kirdiashkin I. V. Political socialization of youth: an epistemological dimension. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 2013, no. 4, pp. 185–188. (In Russian)
- Korshunova O. S. Pedagogical conditions of political education of students in a transitional society. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 2006, no. 9, pp. 48–51. (In Russian)
- Lapshin V. A. Cinematography as a factor in the political socialization of youth. *Chelovek. Obshchestvo. Inkluziia*, 2015, no. 4, pp. 44–47. (In Russian)
- Leonard M. *The Sociology of Children, Childhood and Generation*. London, SAGE Publications Ltd., 2016, 184 p.
- Luman N. *Social systems. Outline of General theory*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 648 p. (In Russian)
- Olick J. K. *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 2016, 517 p.
- Politics of children and youth. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 489–490. (In Russian)
- Project “We believe”: “Russian students: political, sexual and career preferences”. Available at: <http://m-p-a.ru/myi-schitaem-2.html> (accessed: 09.06.2020). (In Russian)
- Riabova T. B., Riabov O. V. The images of childhood and children in the symbolic politics. *Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 95–112. (In Russian)
- Screen Adaptations and the Politics of Childhood: Transforming Children's Literature into Film*. London, Palgrave Macmillan, 2018, 286 p.
- Sears D. O., Levy S. Childhood and adult political development. *Oxford Handbook of Political Psychology*, eds D. O. Sears, L. Huddy, and R. Jervis. New York, Oxford University Press, 2013, pp. 59–95.
- Shaw T. *Hollywood's Cold War*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2007, 342 p.
- Shcherbinin A. I. Construction of the image (on the example of building the concept of the Motherland). *ArtMarketing*, 2009, no. 4 (28), pp. 19–27. (In Russian)
- Shestopal E. B. Quarter-century-long project: study of the images of authorities and leaders in post-soviet Russia (1993–2018). *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2019, no. 1, pp. 9–20. (In Russian)

Received: July 15, 2020

Accepted: August 21, 2020

For citation: Zavershinskiy K. F. Political socialization of children as a symbolic representation of the “politics of children”. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 308–328. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.301> (In Russian)

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ЛАТГАЛЬСКОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЛАТВИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

С. Вайшля

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Латгальцы — этническая группа в Латвии, характеризующаяся крайне неопределенным статусом. В публичном дискурсе присутствуют два противоположных по смыслу нарратива, по-разному конструирующих этнополитический статус латгальцев и их историческую память. Первый отражает официальную позицию латвийского государства и основан на непризнании латгальцев как самостоятельной этнической группы, трактовке латгальского языка как варианта латышского и исторической отсылке к Латгальскому конгрессу 1917 г., объединившему Латвию. Противоположный нарратив утверждает историко-культурную автономию латгальцев и самостоятельность латгальского языка, опираясь на историю борьбы за политическую автономию Латгалии и историческую память дискриминации со стороны в том числе латышского большинства. В статье анализируются фундаментальные факторы, способствующие неустранимой неопределенности в конструировании латгальской идентичности, и неосуществимость обоих политических нарративов. Показана ограниченность и недостаточность логики постколониальной теории, которая регулярно используется для характеристики этнополитических процессов на постсоветском пространстве, и в частности в Латвии. Сделан вывод, что фундаментальные факторы неопределенности латгальской идентичности, усиленные действием евроинтеграционных процессов, препятствуют возможности политической мобилизации, основанной как на националистической государственной политике, так и на идее латгальской этнополитической автономии.

Ключевые слова: латгальцы, латгальский язык, Латвия, этнополитика, политика идентичности, историческая память, постколониальная теория.

ВВЕДЕНИЕ

Этнополитическая ситуация в странах бывшего СССР, в частности странах Балтии, рассматривается, как правило, с точки зрения отношений между национальным большинством и русскоязычным меньшинством, а также национальной политики в отношении последнего. Нередко этот анализ осуществляется в логике постколониальной теории, которая обращает внимание на восприятие общего советского прошлого политическим классом и гражданами как внутри новых государств, так и в России как политической наследнице СССР [Brubaker, 1996, p. 202; Nanovs, 2016, p. 133]. В соответствии с этой логикой бывшие национальные меньшинства, став в новых государствах большинством, пытаются сохранить и упрочить свое доминирующее положение, тогда как Россия (бывшая метрополия) стремится рассматривать новые государства как сферу сво-

их интересов, в том числе через политику поддержки и защиты русскоязычных меньшинств. Политические элиты новых государств, воспринимая угрозу со стороны бывшей «метрополии», проецируют ее на русскоязычное меньшинство, результатом чего становится националистическая и ассимиляционистская государственная национальная политика [Duina and Miani, 2015, p. 535].

Однако применение подобной логики к исследованию современных этнополитических процессов в странах региона может быть неполным как минимум по трем причинам. Во-первых, такой взгляд исходит из представления об этнических группах как четко оформленных политических субъектах, имеющих свои цели и интересы. Однако современная этнополитическая теория рассматривает более сложную картину социальных и социально-психологических механизмов конструирования этнических групп и их политизации. Во-вторых, этнополитическая ситуация не сводится к отношениям двух групп. И особенно это характерно для Латвии, которая имеет сложную этническую композицию, включающую латгальскую этническую группу — предмет радикально различающихся интерпретаций ее этнического статуса и положения в латвийском обществе. В-третьих, такой подход склонен игнорировать важные процессы европейской интеграции стран Балтии, которые являются самостоятельным фактором, структурирующим процессы формирования национальной идентичности и национальную политику.

Тем не менее элементы постколониальной логики могут присутствовать в восприятии и поведении политических элит и граждан стран Балтии и задавать общий контекст межэтнических отношений. В данной статье анализируются процессы формирования латгальской этнической идентичности в современном латвийском обществе и факторы ее политизации в контексте как национальной государственной политики, так и процессов европейской интеграции.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛАТГАЛЬСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

В современной этнополитической теории считается, что к пониманию этничности существует два противоположных подхода: примордиализм и инструментализм [Yang, 2000, p. 312; Jones, 1997, p. 185]. Согласно первому из них, границы этнических групп являются устойчивыми и объективными в силу либо биологических, либо культурных причин, а этническая принадлежность — однозначно определяемой и неизменной. Инструментализм, напротив, исходит из того, что границы этнических групп являются объектом и результатом политического процесса, отражая коллективные или индивидуальные стратегии поведения элит. Для современного этапа развития этнополитической теории характерны отказ от подобных крайних взглядов и поиск более интегрированных подходов, основанных преимущественно на принципах социального конструктивизма [Шаров, 2006, с. 59], согласно которым этнические группы конструируются в ходе социального взаимодействия. Этот процесс структурируется и ограничивается социально-когнитивными механизмами восприятия социального мира, а также совокупностью общественных норм и практик. Латгальская

этническая группа является ярким примером действия сложных механизмов социального конструирования этнической идентичности и подтверждением недостаточности логики постколониальной теории и других подходов, анализирующих межэтнические отношения в странах Балтии как отношения между четко оформленными этнополитическими группами.

Латгальцы — этническая группа, традиционно проживающая преимущественно в восточном регионе Латвии — Латгалии (Латгале). В настоящее время Латгале является одним из четырех историко-культурных регионов Латвии, перечисленных в Конституции, наряду с Видземе, Курземе и Земгале. Исторически формирование латгальской этнической группы принято связывать с балтским племенем латгалов, населявшим правое побережье Даугавы с XIII в. Развитие этого региона вначале проходило под влиянием соседства с Киевской Русью, а затем — Ливонского ордена, который способствовал распространению католицизма [Plakans, 2011, p. 64]. В XVII в. Латгалия оказалась в составе Речи Посполитой, в то время как остальная часть современной Латвии находилась под контролем сначала Швеции, а затем — Пруссии. Именно польский период принято связывать с формированием ключевых этнокультурных особенностей латгальцев — латгальского языка и католической религии. С 1772 г. Латгалия вошла в состав Псковской, а затем — Витебской губернии России. В XIX и начале XX в. территория современной Латвии находилась под влиянием России и Германии, а большая часть населения современных Видземе и Курземе называли себя балтийцами. Напротив, жители Латгалии называли себя латвисами, что стало основанием для утверждений ряда современных политических деятелей о том, что именно латгальцы являются ядром современной латвийской нации.

В ходе политических событий 1917–1918 гг. Латгалия оказалась в центре ожесточенных дискуссий. Политические силы во главе с Ф. Кемпом выдвинули идею Латгалии как самостоятельной республики в составе России, обосновывая это существованием латгальцев как особой этнокультурной группы. Этот проект, однако, остался нереализованным. Вместо этого в ходе Латгальского конгресса, состоявшегося в 1917 г. в Резекне, большинством голосов было признано, что Латгалия, Видземе и Курземе должны объединиться в государстве Латвия, в котором Латгалии следует предоставить автономию. В ходе краткого периода независимости Латвии (1918–1940) латгальцы так и не смогли получить возможности для развития своей языковой и культурной автономии, прежде всего из-за националистической политики К. Улманиса, не признававшего самобытность латгальского языка и культуры. Несмотря на все трансформации политической системы Латвии в середине — второй половине XX в., такое положение фактически сохранялось до повторного утверждения независимости Латвии в 1990 г.

Сложная и неоднозначная история формирования латгальской этнической группы является важным фактором, обуславливающим ее неопределенность в современном латвийском обществе. Она содержит факты и события, которые могут служить основой для кардинально различающихся интерпретаций положения и статуса латгальцев, их этнической идентичности и исторической памяти. Длительное существование на пересечении различных историко-

культурных традиций (русско-православной, польско-католической, немецко-протестантской, советской) позволяет определять латгальскую группу через исторические отсылки к древним племенам латгалов, формирование латгальского письменного языка и распространение католической религии и культуры в польский период, попытки создания этнополитической автономии, участие в формировании независимого латвийского государства (в том числе в качестве ядра латвийской нации), этнического меньшинства, в разное время притесняемого русским, немецким, советским или латышским большинством.

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ПОЛИТИЗАЦИЯ ЛАТГАЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЛАТВИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Анализ современного положения латгальской этнической группы показывает, что исторический потенциал конфликта интерпретаций в конструировании латгальской этнической группы в полной мере реализуется в современном латвийском обществе, становясь основой сложной картины этнополитических процессов и формирования этнической и национальной идентичности. Политический дискурс современной Латвии характеризуется противостоянием двух основных нарративов, принципиально по-разному трактующих положение и место латгальцев в латвийском обществе.

Официальный дискурс, разделяемый значительной частью латвийского политического истеблишмента и воплощенный в государственной национальной и языковой политике, исходит из представления о том, что латгальцы — это обычные латыши, а латгальский язык является не более чем вариантом латышского языка, даже не диалектом [Lazdina and Marten, 2012, p. 66]. В результатах последней переписи населения 2011 г. при описании этнического состава Латвии отсутствует какое-либо упоминание латгальцев, хотя приводятся данные о численности жителей, говорящих на латгальском языке (164 тыс. чел.). Закон о государственном языке определяет латгальский язык как исторический вариант письменного латышского языка [Valsts valodas likums, ст. 4]. Опорной точкой для конструирования исторического фундамента этого нарратива стал Латгальский конгресс 1917 г., обращение к которому во время празднования столетнего юбилея в 2017 г. стало важным элементом публичных попыток символической интеграции латгальцев в латвийское общество. В частности, премьер-министр Латвии М. Кучинскис в своем обращении подчеркнул значение Латгальского конгресса в формировании латвийской нации, позиционируя латгальскую идентичность как региональную и являющуюся составной частью латвийской национальной идентичности: «Латгалия присутствует везде в Латвии, точно так же как Латвия присутствует везде в Латгалии» [Ministru kabinets, 2017].

Второй, противоположный, нарратив был предложен рядом пролатгальских активистов и политиков в 1990-е гг. и в особенности в первом десятилетии XXI в. Он базируется на работах ряда этнолингвистов, обосновывающих, что латгальский язык является самостоятельным, который к тому же выполняет важные

социальные и культурные функции [Lazdina and Marten, 2012, p.82; Marten, 2012, p. 19]. В рамках этого нарратива латгальцы образуют самостоятельную этническую группу, имеющую собственную историю и культуру, ядро которой составляют латгальский язык и католическая традиция. Важно, что, согласно масштабному этнокультурному исследованию, проведенному в 2010 г., именно латгальский язык и католические культурные символы (прежде всего Аглонская базилика) лежат в основе этнической самоидентификации латгальцев [Lazdina and Marten, 2012, p. 71].

Исторической основой этого нарратива выступают, с одной стороны, истоки латгалоязычной католической культуры времен польского правления, а с другой — неудавшаяся борьба за языковую, культурную и политическую автономию начала XX в. Исключительное значение для этого нарратива имеет тот факт, что с 1934 г. (начало националистической диктатуры К. Улманиса) источником дискриминации латгальского языка и культуры стала именно политика латышских элит. Таким образом, этот нарратив основан на противопоставлении латгальского меньшинства именно латышскому большинству, а не другим этническим группам современной Латвии, например русским. Практическими следствиями его публичного продвижения стали требования придать латгальскому языку официальный статус, расширить возможности его использования в образовании и официальных коммуникациях, предоставить латгальцам большую политическую автономию.

Наличие конфликтующих интерпретаций латгальской этнической группы отражается в публичном политическом дискурсе и образует самостоятельную линию напряженности в латвийском обществе [Lazdina and Marten, 2012, p. 75; Marten, 2012, p. 24; Krauze, 2014, p. 42]. На это обращают внимание не только исследователи, но и структуры Совета Европы, которые фактически поддержали представление о латгальцах как самостоятельной этнической группе, имеющей собственные язык и культуру, хотя и не называя их этническим меньшинством [Council of Europe, 2018]. Высокая степень неопределенности в установлении латгальской группы характерна и для самих латгалоговорящих жителей Латвии. Согласно ряду исследований, среди них нет однозначного консенсуса относительно статуса латгальского языка и положения латгальской этнической группы, а стратегии самоидентификации могут существенно различаться с точки зрения позиционирования в отношении латышей [Lazdina and Marten, 2012, p. 72; Lazdina, 2019, p. 63].

Как было отмечено ранее, в объяснении этнополитических процессов в странах Балтии нередко используются элементы постколониальной теории, в логике которой национальная политика рассматривается через призму отношений новых государств с бывшей метрополией и русскоязычными меньшинствами, которые воспринимаются в качестве ее «агентов». Применение этой логики к менее очевидному случаю латгальской этнической группы может выглядеть следующим образом. Националистическая и ассимиляционистская государственная политика Латвии в отношении латгальцев является отражением и проекцией политики в отношении русскоязычного меньшинства. Нежелание расширять языковые и культурные права латгальцев

объясняется тем, что в этом случае неизбежным окажется расширение прав русскоязычного меньшинства, что, в свою очередь, создает угрозу для сохранения доминирующего положения латышского большинства. Напротив, нарратив «латгальцы — это обычные латыши» позволяет увеличить численность латышей и их долю в составе латышского общества, сохранив тем самым их доминирующие позиции.

В свою очередь, обращение к «латгальской проблеме» со стороны метрополии и русскоязычного меньшинства может рассматриваться как часть политического инструментария, используемого для укрепления их собственных позиций. В этой связи представляет особый интерес то, что в случае признания латгальцев самостоятельной этнической группой именно русскоязычное население окажется доминирующей этнической группой в Латгалии, тогда как латгальцы останутся региональным меньшинством. Тем самым главными бенефициарами поддержки культурной и региональной автономии латгальцев станет как раз русское меньшинство.

Признаки такой логики действительно могут быть обнаружены в политическом поведении и публичном дискурсе современного латвийского общества, у представителей как латышского большинства, так и русского меньшинства. Однако, на наш взгляд, объяснительные возможности такой логики ограничены прежде всего представлением о четко определенных этнических группах как политических, имеющих общие интересы. Более глубокий анализ факторов и механизмов конструирования латгальской идентичности позволяет понять, почему фактическая динамика этнополитических процессов не может сводиться к деятельности акторов политической мобилизации, а ни один из конфликтующих нарративов не является точным описанием этнополитической ситуации в современной Латвии.

Официальный нарратив, основанный на непризнании латгальцев в качестве самостоятельной этнической группы и автоматическом включении их в этническую группу латышей, независимо от мотивов и поведения националистических элит наталкивается не только на альтернативную интерпретацию, но также и на ряд фундаментальных факторов, действующих в латвийском обществе.

Во-первых, он противоречит самоидентификации значительного числа граждан как в Латвии, так и за ее пределами, в частности в России, где перепись населения содержит данные о латгальцах.

Во-вторых, он противоречит фактическим практикам, касающимся использования латгальского языка (имеющего собственный письменный стандарт). Хотя в Латгалии, по некоторым данным, до 62% населения владеют латгальским языком [Lazdina and Marten, 2012, p. 70], его использование ограничено бытовой и культурной сферами. Попытки использования латгальского языка в официальных коммуникациях и системе образования наталкиваются на жесткое институциональное сопротивление [Lazdina and Marten, 2012, p. 82; Marten, Šuplinska, Lazdiņa, 2009, p. 64].

В-третьих, латгальская этническая идентичность основана на сочетании нескольких дифференцирующих признаков, что усиливает ее воспринимаемое отличие как от русского меньшинства, так и от латышского большинства. Хотя

главным дифференцирующим признаком является использование латгальского языка, он в значительной степени сочетается с большей распространенностью католической религии (в отличие от православия у русских и лютеранства среди большей части латышей), наличием собственной бытовой, народной и высокой культуры и региональным фактором — традиционным проживанием в латгальском регионе.

В-четвертых, в современном латвийском обществе присутствуют четкие признаки того, что принято называть структурным замыканием — сочетанием границ этнических групп с неравенствами в распределении значимых ресурсов [Szauna, 2000, p. 329]. Хотя латгалцы, признаваясь в качестве «настоящих» латышей, не имеют, в отличие от русских и других меньшинств, каких-либо ограничений, связанных с гражданством или участием в политической жизни, объем их фактических возможностей и ресурсов в целом ниже, чем у латышей. Уровень социально-экономического развития Латгалии ниже, чем в других регионах Латвии, фактический статус латгальского языка ниже не только латышского, но и таких экзогенных языков, как английский и русский [Lazdina and Marten, 2012, p. 73], а в обществе существуют негативные стереотипы в отношении латгалцев, что признается даже официальными лицами [Ministru kabinets, 2017]. Выраженный факт структурного замыкания препятствует восприятию латгалцев в качестве «обычных латышей» как в обществе, так и самими латгалцами.

Вместе с тем противоположный нарратив, подчеркивающий уникальность латгальского языка и культуры и рассматривающий латгалцев в качестве самостоятельного этноса, также сталкивается с действием ряда фундаментальных факторов. Прежде всего число носителей латгальского языка сравнительно невелико (150–200 тыс. чел.), что ограничивает возможности его развития даже при благоприятных условиях. При этом латгальский используется преимущественно в семейном, бытовом контексте и предоставляет крайне ограниченные возможности для доступа к культурным и интеллектуальным ресурсам. Не менее важно и то, что на практике для латгалцев характерна диглоссия и они не испытывают больших практических проблем, связанных с необходимостью общаться на латышском языке. Латгалия никогда не существовала как самостоятельное национальное политическое образование латгалцев и всегда характеризовалась высоким национальным и культурным разнообразием. Это ограничивает возможности апелляции к прошлому для обоснования существования латгалцев как особой этнополитической группы. Наконец, тот факт, что латгальский язык де-факто и де-юре является низкостатусным, уменьшает мотивацию к его защите и развитию среди латгалоговорящих, а стратегии, направленные на обособление латгальской этнической группы, в практическом смысле не имеют очевидных преимуществ, учитывая относительно низкий уровень социально-экономического развития Латгалии и доминирование в регионе русскоязычного населения.

Следствием действия этих фундаментальных факторов становятся высокая степень неопределенности латгальской этнической идентичности и невозможность успешной политической мобилизации латгалцев со стороны как госу-

дарственных акторов, так и групп пролатгальских активистов или иных политических сил. Конфликт интерпретаций, присутствующих в публичном дискурсе латвийского общества и эксплуатирующих различные эпизоды латгальского прошлого, отражает противоположные интересы политических групп, однако лишь частично описывает реальность социальных и социально-психологических механизмов конструирования этнической идентичности. Поведение субъектов этнополитической мобилизации (государства, партий, групп активистов и др.) не следует автоматически принимать ни как репрезентацию интересов этнических групп (в логике примордиализма), ни как причину их формирования (в логике инструментализма). Неудачные попытки политической мобилизации «латгальской идеи» в первом десятилетии XXI в. [Lazdina and Marten, 2012, p. 82; Krauze, 2014, p. 43] и низкий уровень политической активности в латгальских районах показывают, что практические интересы и цели латгальцев не соответствуют нарративу «самостоятельного латгальского этноса» и его политической автономии. Одновременно, несмотря на то что государственная политика в отношении латгальцев сохраняет националистический характер, нет оснований полагать, что она оказалась сколько-нибудь эффективной и может де-факто привести к ассимиляции латгальцев.

Исследователи и политики, участвующие в формировании того или другого этнополитического нарратива, склонны недооценивать практические интересы и возможности индивидов, их способность к стратегическому поведению, а также изменение социально-политического контекста, связанного с процессами европейской интеграции стран Балтии. Особенно большое значение имеют символические и практические аспекты евроинтеграции, которая задает более широкий контекст самоидентификации, снижая значимость межэтнических противоречий внутри латвийского общества и способствуя формированию не только европейской, но и национальной гражданской идентичности. Подтверждением этой тенденции могут служить данные мониторинговых исследований «Евробарометр», согласно которым доля латвийцев, испытывающих чувство принадлежности к ЕС, выросла с 44 % в 2006 г. до 73 % в 2019 г. [Eurobarometer Interactive, 2020]. При этом идентификация как с ЕС, так и с государством в Латвии выше, чем в других странах Балтии и большинстве стран Евросоюза в целом.

Процессы европейской интеграции, задавая новый контекст самоидентификации и выстраивания личных стратегий, способствуют смягчению оппозиции «латышское большинство — русское меньшинство» как базовой модели этнических отношений в Латвии, которая структурирует восприятие в том числе и латгальской проблемы. Если фундаментальные факторы, связанные с механизмами конструирования латгальской идентичности, делают неосуществимыми ее полярные политические интерпретации, то евроинтеграционные процессы снижают чувствительность латвийского общества к конфликту интерпретаций и восприятию межэтнических отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фундаментальная неопределенность латгальской этнической идентичности и наличие в публичном дискурсе двух противоположных интерпретаций, поразному конструирующих историческую память и современный статус латгальцев и латгальского языка, демонстрируют ограниченность объяснительных возможностей традиционных подходов к описанию этнополитических процессов на постсоветском пространстве. Логика постколониальной теории, объясняя поведение политических элит, представляющих, с одной стороны, доминирующее этническое большинство, а с другой — русскоязычное меньшинство, склонна игнорировать сложные процессы социального конструирования этнических групп, ярко проявляющиеся в случае латгальцев. Она также склонна недооценивать прагматику социального взаимодействия и вариативность индивидуальных стратегий идентификации.

Неопределенность латгальской идентичности, которая зачастую воспринимается как следствие конфликта интерпретаций, продвигаемых различными политическими силами, имеет более фундаментальную природу, коренящуюся в социальных и социально-психологических механизмах конструирования социальной идентичности. Однако эту неопределенность не следует воспринимать как практическую проблему. Напротив, именно она потенциально может способствовать гармонизации межэтнических отношений в Латвии, содействуя формированию в обществе представления о множественной, контекстуальной и динамичной этнической идентичности, смягчающей остроту локальных линий напряженности. Этот потенциал в значительной мере может усиливаться в случае успеха процесса интеграции Латвии в европейское экономическое, культурное и политическое пространство.

Литература / References

Brubaker R. *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, 202 p.

Council of Europe. 3rd Opinion on Latvia. Advisory committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities. 23.02.2018. Available at: <https://rm.coe.int/revised-version-of-the-english-language-version-of-the-opinion/1680901e79> (accessed: 08.07.2020).

Duina F., Miani C. Fitting in the Baltics: national identity, minorities and compliance with EU accession requirements in Lithuania and Latvia. *Comparative European Politics*, 2015, vol. 13.5, pp. 535–552.

Eurobarometer Interactive. Public Opinion. 2020. Available at: <https://ec.europa.eu/comfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/index> (accessed: 08.07.2020).

Hanovs D. Can postcolonial theory help explain Latvian politics of integration? Reflections on contemporary Latvia as a postcolonial society. *Journal of Baltic Studies*, 2016, vol. 47.1, pp. 133–153.

Jones S. *Constructing identities in the past and present*. London and New York, Routledge, 1997. 185 p.

Krauze M. Latvian nationalism and the construction of 'Latgalian identity'. *Journal of the Anthropological Society of Oxford Online*, 2014, no. 1, pp. 35–60.

Lazdina S. Latgalian in Latvia: layperson regards to status and process of revitalization. In: *Multilingualism in the Baltic States: Societal Discourses and Contact Phenomena*, eds S. Lazdina and H. F. Marten. London, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 59–88.

Lazdina S., Marten H. F. Latgalian in Latvia: A continuous struggle for political recognition. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 2012, vol. 11, pp. 66–87.

Marten H. F. 'Latgalian is not a language': linguistic landscapes in Eastern Latvia and how they reflect centralist attitudes. In *Minority Languages in the Linguistic Landscape*, eds D. Gorter, H. F. Marten, L. Van Mensel. New York, Palgrave Macmillan, 2012, pp. 19–35.

Marten H. F., Šuplinska I., Lazdiņa S. *Latgalian: The Latgalian language and education in Latvia*. Ljouwert, Mercator European Research Center on Multilingualism and Language Learning, 2009, 64 p.

Ministru kabinets. Ministru prezidenta uzruna Latgales simtgades kongresā 2017.gada 5.maijā. 05.05.2017. Available at: <https://www.mk.gov.lv/lv/content/ministru-prezidenta-uzruna-latgales-simtgades-kongresa-2017gada-5maiija> (accessed: 08.07.2020).

Plakans A. *A Concise History of the Baltic States*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, 474 p.

Sharov K. S. Constructivist Paradigm in Studying Nationalism and National Problems. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija*, 2006, no. 1, pp. 59–72. (In Russian)

Szayna T. S. *Identifying Potential Ethnic Conflict: Application of a Process Model*. Santa Monica, RAND, 2000, 329 p.

Valsts valodas likums. Latvijas Vēstnesis, 428/433. 21.12.1999. Available at: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/14740-valsts-valodas-likums> (accessed: 08.07.2020).

Yang P. Q. *Ethnic Studies: Issues and Approaches*. New York, State University of New York Press, 2000, 312 p.

Вайшля Станислав — аспирант; st065752@student.spbu.ru

Статья поступила в редакцию: 14 июля 2020 г.;

рекомендована в печать: 21 августа 2020 г.

Для цитирования: Вайшля С. Конфликт интерпретаций латгальской этнополитической идентичности в современном латвийском обществе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16, № 3. С. 329–339. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.302>

CONFLICT OF INTERPRETATIONS OF LATGALIAN ETHNO-POLITICAL IDENTITY IN MODERN LATVIAN SOCIETY

Stanislavs Vaisla

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
st065752@student.spbu.ru

Latgalians are an ethnic group located in Latvia characterized could be characterized by an extremely undefined status. In the public discourse there are two narratives, that are opposite in meaning, constructing which form the ethnopolitical status of the people of Latagle and their historical memory. The first reflects the official position of the Latvian state, and is based on the non-recognition of Latgalians as an independent ethnic group. Also, interoperating the Latgalian language is viewed as a variant of the Latvian language and there is historical reference to the 1917 Latgale Congress that united Latvia. The opposite narrative affirms asserts the historical and cultural autonomy of the Latgalian people and the independence of the Latgalian language, based on the history of the struggle for the political autonomy of Latgale and the historical memory of discrimination by the Latvian majority as well. The article analyzes the fundamental factors contributing to irreparable the unavoidable uncertainty of in the construction of Latgalian identity and the impracticability of both political narratives. The limited and insufficient logic of postcolonial theory, which is regularly used to characterize ethnopolitical processes in the post-Soviet space and, in particular, in Latvia is shown in the article. It is concluded that the fundamental uncertainty factors of Latgalian identity, intensified by the action could be reinforced by the action of European

integration processes, impede the possibility of political mobilization based on both nationalist state policy and the idea of Latgalian ethno-political autonomy.

Keywords: Latgalian, Latgalian language, Latvia, ethno-politics, politics of identity, historical memory, postcolonial theory.

Received: July 14, 2020

Accepted: August 21, 2020

For citation: Vaisla S. Conflict of interpretations of Latgalian ethno-political identity in modern Latvian society. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 329–339.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.302> (In Russian)

ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА УКРАИНЕ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

О. В. Онопко

Донецкий национальный университет,
283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Важным условием защиты и реализации Россией своих национальных интересов на Украине является понимание круга субъектов, влияющих на выработку украинской внешней политики. Одними из таковых являются экспертные институты, обеспечивающие аналитическое и научное сопровождение внешнеполитических решений, принимаемых органами государственной власти. Внешнеполитическая экспертиза на Украине — «белое пятно» для российской политической науки. Статья открывает серию публикаций, цель которых — решить данную проблему. В ней систематизированы сведения об украинских институтах внешнеполитической экспертизы, чья деятельность прямо или опосредованно финансируется государством. Выявлено, что в период президентства В. Януковича (2010–2014) госсектору был нанесен значительный структурный урон, его последствия до сих пор не преодолены. На сегодняшний день к украинским государственным институтам внешнеполитической экспертизы относятся Национальный институт стратегических исследований, Институт всемирной истории Национальной академии наук Украины и университетские аналитические центры. Автор рассматривает данные организации сквозь призму конструктивизма и институционализма — как политические структуры, деятельность которых влияет на контекст украинской внешней политики, поведение ее действующих лиц. Установлено, что их главные научные и прикладные исследовательские интересы связаны с проблемами национальной, региональной, международной безопасности, российской внутренней политикой, проблемами информационного, военного, политического противостояния России. Данные вопросы рассматриваются институтами исключительно сквозь призму евроатлантизма и антироссийской политической мифологии. Как минимум с 2014 г. в украинскую политическую и академическую элиту ими транслируются враждебные России смыслы. В этом же ключе осуществляется политическая социализация студенческой молодежи, в которой активное участие принимают университетские аналитические центры, тесно взаимодействующие с государственными и неправительственными организациями стран — членов НАТО. На сегодняшний день госсектор внешнеполитической экспертизы на Украине находится не в лучшем состоянии, но он неизменно сохраняет свой аналитический и научный потенциал, равно как и жесткую антироссийскую позицию.

Ключевые слова: внешнеполитическая экспертиза, внешняя политика Украины, аналитические центры, государственный сектор внешнеполитической экспертизы.

После свержения президента В. Януковича на Украине, воссоединения Крыма с Россией и начала вооруженного конфликта в Донбассе в 2014 г. российско-украинские отношения оказались в глубоком кризисе. Новый политический режим и правящая элита Украины заняли активную антироссийскую и проевро-

атлантическую позицию, что создало целый спектр угроз как для национальной безопасности России, так и для региональной и международной безопасности в целом. Украинская сторона стремится проводить такую внешнюю политику, которая бы, во-первых, наносила максимальный вред интересам Российской Федерации на постсоветском пространстве и в мире в целом, а во-вторых, содействовала интеграции Украины со структурами НАТО и ЕС. В этих условиях актуальными задачами для российской политической науки и практики являются как можно более глубокое и полное понимание интенций и мотивов, стоящих за принимаемыми украинской стороной внешнеполитическими решениями, а также определение тех субъектов, которые влияют на формирование политической картины мира украинской политической элиты. К ним, среди прочих, относятся государственные экспертные организации, привлекаемые для аналитического и научного сопровождения внешней политики.

В российской политической науке пока отсутствуют исследования, предметом которых являлась бы украинская внешнеполитическая экспертиза. Вместе с тем существует ряд работ, направленных на выявление специфики функционирования данной отрасли в России и США. Речь идет о публикациях А. Беляевой [Беляева, 2015], Ф. Войтоловского [Войтоловский], Е. Егоровой [Егорова, 2012], А. Еленского [Еленский, 2004], И. Истомина [Истомин, 2012; Истомин, 2015], А. Макарычева [Макарычев, 2006; Макарычев, 2015], М. Хрусталёва [Хрусталёв, 2008] и др. Украинские исследователи также фокусируются исключительно на изучении американского опыта организации внешнеполитической экспертизы [Головченко, 2013; Исторична панорама..., 2004].

Принимая во внимание теоретические и практические разработки указанных выше исследователей, автор преследовал цель систематизировать сведения об институтах государственного сектора украинской внешнеполитической экспертизы, а также дать оценку их текущему состоянию.

Для достижения поставленной цели автором была применена методология, представляющая собой синтез институционализма и конструктивизма А. Вендта (A. Wendt). Как отмечает Т. Алексеева, «под структурой конструктивисты обычно понимают “институты и разделяемые смыслы, которые создают контекст международных действий, а под агентами... любую единицу, которая действует в этом контексте”. Вендт подчеркивает одинаковый онтологический статус агентов и структуры, поскольку они взаимно обуславливают и трансформируют друг друга в процессе развития» [Алексеева, 2014, с. 8]. Исходя из этого автор рассматривает внешнюю политику Украины как результат отношений между структурами и агентами, но только на внутригосударственном, а не международном уровне. Отсюда следует, что государственные организации, специализирующиеся на внешнеполитической экспертизе и международных исследованиях, представляют собой институты (политические организации [Патрушев, 2001]), деятельность которых отчасти формирует контекст принимаемых в сфере внешней политики решений. Она порождает, распространяет и легитимирует идеи, смыслы и ценности, влияющие на поведение агентов — действующих лиц украинского политикума, ответственных за выработку внешнеполитической программы государства, его внешнеполитическое целепола-

гание и образ действий в международной системе. В свою очередь, данные агенты (главы государств, должностные лица, органы государственной власти и пр.) также влияют на поведение экспертных организаций, задавая направления их работы, меняя состав и структуру, устанавливая нормативные правовые основания деятельности.

В каждом государстве существует собственная система институтов внешнеполитической экспертизы, структура, функции и возможности которой определяются как спецификой правящего режима, так и состоянием политической науки и экспертного сообщества. В ней можно выделить два основных сектора: государственный, в состав которого входят организации, чья деятельность финансируется из бюджета страны, и негосударственный, состоящий из частных аналитических компаний и неправительственных организаций.

Цель и применяемый теоретико-методологический подход обусловили решение следующих исследовательских задач: для каждого компонента госсектора были обозначены основные организационные изменения, имевшие место начиная с 2010 г., определены основные цели данных организаций, установлены тематические направления и идеологические особенности их работы, выявлена специфика коммуникации с другими экспертными и научными организациями, медиа.

К институтам внешнеполитической экспертизы, действующим в настоящее время на Украине и входящим в государственный сектор, относятся такие организации, как Национальный институт стратегических исследований (НИСИ), подчиненный президенту Украины; Институт всемирной истории Национальной академии наук Украины (НАН) и его структурные подразделения; университетские аналитические центры.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В настоящее время на Украине существует лишь одна крупная научно-исследовательская организация, цель которой заключается в экспертном обеспечении работы высших органов государственной власти, в частности президента страны и Совета национальной безопасности и обороны (СНБО), — это созданный в 1992 г. Национальный институт стратегических исследований. Ранее — до прихода к власти В. Януковича — при президенте и СНБО существовали еще две организации, осуществлявшие научную и экспертно-аналитическую работу в сфере внешней политики и международных отношений: Национальный институт проблем международной безопасности (создан в 2001 г. указом президента Л. Кучмы на базе Национального института украинско-российских отношений¹, директор — профессор А. Власюк) и Институт проблем

¹ Указ Президента України від 16.03.2001 № 173/2001. Про Національний інститут проблем міжнародної безпеки. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/173/2001> (дата обращения: 01.06.2020).

национальной безопасности (создан в 2003 г. указом президента Л. Кучмы², директор — академик НАН В. Горбулин).

Инициатива по организации НИСИ принадлежит академику НАН С. Пирожкову, который и стал его первым директором. В 2002 г. Л. Кучма своим указом определил институт базовым научно-исследовательским учреждением аналитико-прогнозного сопровождения деятельности президента. Этим же актом устанавливалась цель деятельности НИСИ — проведение «научно-аналитических и прогнозных исследований по вопросам общественно-политической, социально-экономической, внешнеполитической, военно-политической, этнополитической, гуманитарной, информационной и экологической стратегии развития Украины и ее регионов»³. Для работы в последних был создан ряд филиалов в Днепропетровске, Львове, Одессе и Харькове (до 2014 г. также существовал филиал в Донецке).

Поскольку основным заказчиком работы НИСИ выступает президент Украины, то и главным продуктом, выпускаемым институтом, являются аналитические доклады к ежегодному посланию главы государства Верховной раде «О внутреннем и внешнем положении Украины»⁴. С 2014 г. неотъемлемым элементом их содержания стали различные рекомендации по противодействию «агрессии», которую якобы осуществляет Россия по отношению к Украине. При этом можно проследить трансформацию формулировок, используемых украинскими экспертами: в 2014 г. речь шла как о «гибридной войне», так и о «гуманитарной агрессии» [Аналітична доповідь..., 2014], а в последующие годы — исключительно о «гибридной войне». Это потенциально может свидетельствовать в пользу гипотезы о том, что в начале кризиса российско-украинских отношений украинская сторона (или, во всяком случае, эксперты НИСИ) не имела единой версии интерпретации происходящего.

Различным аспектам противостояния с Россией посвящен целый ряд монографий, выпущенных в институте. В частности, в 2015 г. увидели свет работы «Украина и Россия: девятый вал или Китайская стена» [Горбулін, Власюк, Кононенко, 2015] и «Донбасс и Крым: цена возвращения» [Горбулін, Власюк, Лібанова, Ляшенко, 2015], в 2017 г. — «Мировая гибридная война: украинский фронт» [Горбулін, 2017] и «Кремлевская агрессия против Украины: размышления в контексте войны» [Власюк, Кононенко, 2017], в 2019 г. — «Онтология войны и мира: безопасность, стратегия, смысл» [Парахонський, Яворська, 2019]. Данные научные публикации, большинство из которых издано под редакцией бывшего директора НИСИ академика НАН и первого секретаря СНБО (1994–1999)

² Указ Президента України від 03.12.2003 № 1396/2003. Про Інститут проблем національної безпеки. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1396/2003> (дата обращения: 01.06.2020).

³ Указ Президента України від 16.12.2002 № 1158/2002. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/11582002-890> (дата обращения: 01.06.2020).

⁴ Послання Президента України до Верховної Ради України. Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <https://niss.gov.ua/publikacii/poslannya-prezidenta-ukraini> (дата обращения: 01.06.2020).

В. Горбулина⁵, хотя во многом носят пропагандистский характер, достаточно четко отображают официальное видение кризиса российско-украинских отношений со стороны Киева в период президентства П. Порошенко (2014–2019). Особого внимания для понимания позиции экспертов НИСИ заслуживает монография «Мировая гибридная война: украинский фронт», которая фактически аккумулирует результаты их работы за все годы с начала кризиса и концептуализирует его украинскую интерпретацию как «нового вида глобального противостояния». В работе рассмотрены причины и предпосылки т. н. российской агрессии против Украины, ее «стратегические цели, а также особенности ведения гибридной войны в разных измерениях: военном, политическом, экономическом, социальном, гуманитарном, информационном» [Горбулін, 2017]. Основным меседж, который продвигают авторы монографии, заключается в том, что Россия якобы представляет угрозу как для национальной безопасности Украины, так и для всей международной системы, она «постоянно подводит к грани масштабной войны», а потому необходима долгосрочная стратегия противостояния ей, основанная на асимметрии и проактивности.

Эксперты НИСИ также уделяют большое внимание политической ситуации в России. В 2018 г. ими был подготовлен аналитический доклад, а впоследствии монография «Режим Путина: перезагрузка-2018», в которой рассматривалось актуальное состояние внутренней и внешней политики РФ; анализировались ресурсы, с помощью которых обеспечиваются безопасность и стабильность российского политического режима; изучались «основные тенденции социально-экономической и внутривластной жизни России, ее внешнеполитические интересы и средства достижения геополитических целей» [Розумний и др., 2018]. Особое внимание авторский коллектив во главе с М. Розумным уделил президентским выборам 2018 г., а также формам и методам контроля над элитами, силовым блоком, публичной политикой и ветвями власти. Несмотря на некоторые вполне адекватные существующей действительности выводы о внутривластной сфере жизни российского общества, видение внешней политики России, мотивов ее действий в современной международной системе, национальных интересов и внешнеполитических целей основывается исключительно на мифе о том, что власти РФ якобы стремятся к «возрождению СССР (так же как и российской имперской традиции 19-го века)» [Розумний и др., 2018, с. 80].

Примечательно, что на фоне увлечения экспертов НИСИ по внешней политике российской проблематикой практически без их внимания в последние годы остается европейская интеграция Украины, которая, согласно Конституции, является стратегическим курсом развития государства. Последнее значимое научное исследование по этой теме было опубликовано еще в 2012 г. под редакцией А. Ермолаева [Ермолаєв, 2012], возглавлявшего институт в период президентства В. Януковича.

⁵ Горбулін, Володимир Павлович. Національна академія наук України. URL: <http://www.nas.gov.ua/UA/PersonalSite/Pages/default.aspx?PersonID=0000002860> (дата обращения: 01.06.2020).

С приходом к власти на Украине В. Зеленского и его политической силы «Слуга народа» в НИСИ произошли организационные изменения. Был обновлен устав института⁶, а также назначен новый директор — А. Литвиненко, занявший должность 13 августа 2019 г.⁷ Анализ его политической биографии (например, в 2014–2019 гг. он был заместителем секретаря СНБО А. Турчинова), научных и научно-популярных публикаций свидетельствует об идеологической близости В. Горбулину, руководившему институтом при П. Порошенко. Принимая это во внимание, можно предположить, что какие-либо фундаментальные изменения внешнеполитического экспертного дискурса НИСИ маловероятны.

ИНСТИТУТ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ НАН УКРАИНЫ

С 1991 г. основным центром международных исследований в системе НАН Украины являлся Институт мировой экономики и международных отношений, однако в 2013 г. он был ликвидирован. С тех пор данное направление относится к сфере ведения Института всемирной истории (ранее — Институт европейских исследований). С 2014 г. в организации существуют два структурных подразделения, работающих над проблемами международных отношений, внешней политики Украины, международной и региональной безопасности:

- отдел трансатлантических исследований фокусируется на изучении истории стран евроатлантического региона, анализе и прогнозировании развития взаимоотношений Украины со странами Европы и Америки, исследованиях в сфере международной безопасности, международных конфликтов, геополитических процессов, межэтнических и межконфессиональных отношений и их влияния на международную безопасность. В 2017–2018 гг. научно-исследовательская работа отдела велась по теме «Внешиполитические стратегии ведущих государств евроатлантического пространства в контексте национальных интересов Украины»⁸;
- отдел истории новых независимых государств фокусируется на постсоветских исследованиях, изучении истории государств Центральной и Восточной Европы и трансформации их политических систем, моделировании «политических, социокультурных, этнонациональных процессов в странах ЦВЕ и на постсоветском пространстве». В 2017–2018 гг. научно-исследовательская работа отдела велась по теме «Европейская

⁶ Указ Президента України від 07.10.2019 № 737/2019. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/7372019-29893> (дата обращения: 01.06.2020).

⁷ Литвиненко, Олександр Валерійович. Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <https://niss.gov.ua/pro-institut/kerivnictvo/litvinenko-oleksandr-valeriyovich> (дата обращения: 01.06.2020).

⁸ Отдел трансатлантических исследований. Государственное учреждение «Институт всемирной истории Национальной академии наук Украины». <http://ivinas.gov.ua/ru/ob-institute/otdel-transatlanticheskikh-issledovaniij.html> (дата обращения: 01.06.2020).

и евразийская парадигмы интеграции как фактор трансформации постсоветского пространства»⁹.

Институт всемирной истории практически не взаимодействует со СМИ, а его сотрудники не осуществляют публичной внешнеполитической экспертизы. Вместе с тем за последнее время ими подготовлен и издан ряд фундаментальных научных трудов по международно-политической тематике. В частности, в 2017 г. были опубликованы сборники научных работ «Стратегии внешней политики и политики безопасности ведущих международных акторов» [Толстов, 2017] и аналитических записок за 2014–2017 гг. «Украина: контекст мировых событий» [Кудряченко, 2017], а в 2019 г. — аналитический доклад «Международные аспекты интеграции Донбасса и Крыма в политико-правовое и социокультурное пространство Украины» [Кудряченко, Швед, Солошенко, Самойленко, 2019] и монография «Политические проблемы международной безопасности в сфере противодействия распространению ядерного оружия (конец XX — начало XXI веков)». Последняя научная работа интересна тем, что ставит под сомнение и осуждает популярную в милитаристских кругах Украины идею восстановления статуса государства, обладающего ядерным оружием. Она оценивается как «иррациональная и имеющая провокационный характер», способная нанести вред безопасности страны и ее отношениям с евроатлантическим сообществом [Кудряченко, Потехин, 2019]. В то же время, несмотря на наличие в указанных выше работах по большей части взвешенного восприятия международно-политической действительности, им присуща четкая антироссийская направленность. Так, например, среди рекомендаций, содержащихся в аналитических докладах и записках института, есть предложения по «мобилизации исламского сообщества» для работы в Крыму и созданию «Балто-Черноморско-Адриатического союза, который мог бы стать серьезным союзником» в противодействии России [Кудряченко, Швед, Солошенко, Самойленко, 2019, с. 68].

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ

С получением Украиной независимости в ведущих вузах началось создание университетских лабораторий для проведения научных исследований в сфере международных отношений и внешней политики. Вместе с тем до сих пор нет какой-либо адекватной статистики, которая обобщала бы информацию о таких организациях, сочетающих аналитическую, экспертную и учебную деятельность. Одной из попыток систематизации данных об аналитических центрах Украины (независимо от направления их деятельности) было исследование «Укрепление украинских аналитических центров: развитие институциональной способности и улучшения сотрудничества с партнерами в Европейском союзе», проводившееся украинским Фондом «Демократические инициативы»

⁹ Отдел истории новых независимых государств. Государственное учреждение «Институт всемирной истории Национальной академии наук Украины». URL: <http://ivinas.gov.ua/ru-ob-institute/otdel-istorii-novykh-nezavisimyykh-gosudarstv.html> (дата обращения: 01.06.2020).

им. И. Кучерива и немецким Институтом европейской политики в 2016 г.¹⁰ Однако список «фабрик мысли», составленный в рамках проекта, так и не был доведен до конца и включал в себя лишь два вузовских аналитических центра.

Анализируя открытые источники, автору удалось установить, что в настоящее время на Украине относительно активно работают шесть университетских центров, специализирующихся на международных исследованиях (информация о них представлена в таблице). Еще столько же существуют формально, но никакой деятельности не ведут (во всяком случае данные о ней отсутствуют в публичном доступе).

Один из шести центров функционирует при специализированном образовательном учреждении — Дипломатической академии Украины им. Г. Удовенко, слушатели которой — «сотрудники МИД, соответствующих подразделений Администрации Президента, секретариата Кабинета министров, аппарата Верховной рады Украины, министерств и ведомств»¹¹; остальные — при национальных и государственных университетах. Два центра расположены в Киеве, по одному в Ивано-Франковске, Львове, Одессе и Сумах.

Две организации — Центр международной безопасности и партнерства и Центр международных исследований Дипломатической академии — декларируют цели работы, соответствующие своему официальному статусу. Остальные аналитические центры в целеполагании несколько выходят за рамки формального статуса, беря на себя миссию региональных «фабрик мысли» и ячеек местного гражданского общества (Центр исследований региональной безопасности) или же, например, научно-исследовательских организаций (Центр международных исследований ОНУ).

В исследовательской и экспертной работе вузовских аналитических центров можно выделить три главных направления: евроатлантическая и европейская интеграция, региональная и международная безопасность, российская внутренняя политика.

Практически все организации уделяют основное внимание именно интеграции Украины со структурами НАТО и ЕС, при этом центров, фокусирующихся исключительно на европейских исследованиях, нет. В рамках европейской тематики исследования и экспертная активность касаются преимущественно образовательной политики и интеграции в сфере науки и высшего образования (на этом направлении, в частности, работают Школа политической аналитики НаУКМА и Центр международных исследований ОНУ). Политические аспекты европейской интеграции и внутренняя политика ЕС стали предметом аналитических записок, подготовленных Центром международных исследований Дипломатической академии: «Реформирование ЕС: потенциальные последствия для политики европейской интеграции Украины» (2018) [Коваль, Зайцев], «Ключевые аспекты выхода Великобритании из ЕС: последствия для Украины»

¹⁰ Аналітичні центри, платформи та ініціативи. URL: <https://dif.org.ua/uploads/pdf/1083043079585b860b6ae971.43003343.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

¹¹ Дипломатична академія України імені Геннадія Удовенка при МЗС. URL: <http://da.mfa.gov.ua/welcome-page/> (дата обращения: 01.06.2020).

Таблица. Университетские аналитические центры Украины, работающие

№ п/п	Название	Город	Университет	Декларируемая миссия / цель	Направления / тематика исследований
1	Научный информационно-аналитический центр НАТО Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника	Ивано-Франковск	Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника	Не указана	Евроатлантическая интеграция Украины
2	Центр исследований региональной безопасности	Сумы	Сумский государственный университет	Объединение ученых, представителей власти, волонтерских и общественных организаций с целью формирования в Сумской области экспертной среды для анализа ключевых вызовов для региона в сфере безопасности	1. Евроатлантическая интеграция Украины. 2. Децентрализация власти на Украине. 3. Региональная безопасность
3	Центр международной безопасности и партнерства	Львов	Львовский национальный университет им. И. Франко	Организация и координация научной, информационно-поисковой, аналитической и образовательной деятельности преподавателей, студентов и аспирантов факультета в сфере международных отношений	1. Международные конфликты. 2. Украина в условиях трансформации международной системы безопасности. 3. Трансграничная безопасность Украины. 4. Конфликты на постсоветском пространстве. 5. Имплементация стандартов НАТО на Украине.
4	Центр международных исследований	Одесса	Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова	Проведение исследований в области международных отношений, внешней политики, исследований по вопросам безопасности, американских и европейских	1. Европейская интеграция (в частности, в сфере образования и науки). 2. Евроатлантическая интеграция. 3. Внешняя политика Украины.

в сфере международных исследований и внешнеполитической экспертизы

Основная деятельность	Наличие в рейтинге УИАМП	Веб-сайт	Дополнительная информация
Изредка публикуются новости о взаимодействии НАТО и Украины.	Нет	https://nato.pu.if.ua/	
Прикладной анализ региональной безопасности. Публичная внешнеполитическая экспертиза: проведение региональных круглых столов, участие в телепередачах. Взаимодействие с Центром информации и документации НАТО, Центром публичной дипломатии НАТО (с 2020 г. реализация проекта «Институциональная поддержка Центра в проведении исследований безопасности региона, а также уровень поддержки НАТО, информационно-консультативная поддержка исследователей, студентов и всех, кто интересуется темой безопасности и НАТО»)	Нет	http://rcrs.sumdu.edu.ua/	
Академические исследования. С 2014 г. проведено более 15 научно-практических конференций по вопросам международной безопасности. С 2015 г. издается ежеквартальный информационно-аналитический бюллетень «Безпека & Партнерство». В 2015 г. проведена Летняя академия "NATO in a New Risky Environment: Current and Future Challenges"	Нет	http://www.ispc.org.ua/	
Академические исследования. Подготовка монографий по вопросам внешней политики Украины, европейской и евроатлантической интеграции, международным отношениям в условиях постправды. Участие в интеграционных образовательных проектах (Tempus,	Нет	http://cis-onu.com/	Основан в 1992 г.

№ п/п	Название	Город	Университет	Декларируемая миссия / цель	Направления / тематика исследований
4	Центр международных исследований	Одесса	Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова	исследований, а также для изучения черноморской региональной безопасности	4. Международные отношения и внешняя политика в эпоху постправды. 5. Безопасность Украины в Черноморском регионе
5	Центр международных исследований	Киев	Дипломатическая академия Украины им. Г. Удовенко при МИД	Аналитическое сопровождение деятельности МИД Украины, подготовка актуальных исследований по вопросам внешней политики и участие в формировании общественного дискурса через реализацию ряда проектов и организацию мероприятий	1. Внутренняя политика РФ. 2. Европейская интеграция. 3. Евроатлантическая интеграция. 4. Политика РФ по отношению к постсоветским государствам. 5. Международные отношения и безопасность на Южном Кавказе и в Центральной Азии. 6. Безопасность Украины в Азовско-Черноморском регионе. 7. Украинско-турецкие отношения
6	Школа политической аналитики	Киев	Национальный университет «Киево-Могилянская академия»	Способствовать выработке качественных, доказательных решений на основе методологически обоснованной аналитики в сферах противодействия популизму, информационной безопасности и молодежной образовательной политики	1. Внутренняя политика России. 2. Реинтеграция Донбасса и Крыма. 3. Популизм в политике. 4. Информационная политика. 5. Образовательная политика

Примечание. Составлено автором.

Окончание табл.

Основная деятельность	Наличие в рейтинге УИАМП	Веб-сайт	Дополнительная информация
Erasmus+, Eurasia Peace Studies Exchange и др.). Проведение тематических семинаров по теории и истории международных отношений	Нет	http://cis-ONU.com/	Основан в 1992 г.
Прикладной международно-политический анализ. Подготовка аналитических записок. Публичная внешнеполитическая экспертиза: участие в телепередачах и публикация статей в прессе (главным образом в аналитическом издании «Зеркало недели»). Студенческая дипломатическая лаборатория	Нет	http://da.mfa.gov.ua/cis/	
Прикладной международно-политический анализ. Подготовка аналитических записок и методических материалов по внешней, культурной и информационной политике. Публичная внутривнутриполитическая экспертиза. Видеопередача «ПолиТролль», направленная на противодействие популизму	Есть	https://spa.ukma.edu.ua/	Основана в 2001 г. на базе Центра исследований национальной безопасности по инициативе политологов А. Гараня и Р. Павленко

(2019) [Зайцев, Коваль] и «Выборы в Европарламент 2019: последствия для ЕС и Украины» [Веселовський].

Сквозь призму евроатлантической интеграции рассматриваются все вопросы, связанные с безопасностью. Ежегодные научные конференции по данной тематике проводятся Центром международной безопасности и партнерства. В фокусе их внимания — кризис и трансформация современной «международной системы безопасности», международные и региональные конфликты, национальная безопасность Украины¹². Данные мероприятия уже много лет выполняют две основные функции: 1) служат площадкой для коммуникации между украинскими и иностранными исследователями и экспертами в сферах международной и региональной безопасности и евроатлантической интеграции; 2) содействуют политической социализации украинской студенческой молодежи на основе ценностей евроатлантизма.

В плане региональной безопасности интерес для вузовских центров представляет в основном Азовско-Черноморский регион. Исследовательскую и экспертно-аналитическую работу в этом направлении ведут центры международных исследований ОНУ и Дипломатической академии. В последней данный вопрос разрабатывается достаточно системно: аналитические записки [Снігир, 2019а; Габер, 2019] и статьи [Снігир, 2018; Снігир, 2019b] сотрудников центра затрагивают проблемы энергетической безопасности, международного права, военно-промышленного и оборонного сотрудничества, «гибридных угроз», украинско-российских и украинско-турецких отношений и пр. При этом Россия рассматривается украинскими исследователями исключительно как противник, угроза национальной, региональной и международной безопасности.

Такое восприятие России, существующее и на уровне академической среды и политических элит Украины, обуславливает стремительно растущий интерес к российской внутренней политике. В разной степени его проявляют все вузовские центры, но максимален он у Школы политической аналитики Киево-Могилянской академии. Из восьми официально заявленных тем ее исследовательской и экспертной деятельности четыре так или иначе касаются России¹³. В частности, речь идет об «идеологии Русского мира», информационной политике, Русской православной церкви, «политических процессах внутри России: от политики нынешнего режима в деятельности различных оппозиционных сил» до политики России в Крыму. В рамках данных направлений сотрудниками ШПА было подготовлено несколько аналитических записок: «Альтернативные источники информации о событиях в России: сила интернета за пределами пропагандистских телеканалов» (2019) [Фіртст], «Пути борьбы с “русским миром” на Украине» (2019) [Шулімов] и «Важность поддержки народов России для противодействия экспансии “русского мира”» (2018) [Важливість підтримки...]. Среди рекомендаций школы для украинских властей содержатся предложе-

¹² Центр міжнародної безпеки та партнерства. URL: <http://www.ispc.org.ua/conferences> (дата обращения: 01.06.2020).

¹³ Тематика досліджень. Школа політичної аналітики НаУКМА. URL: https://spa.ukma.edu.ua/about_us/our-topics/ (дата обращения: 01.06.2020).

ния по поддержке этнического сепаратизма среди национальных меньшинств, противодействию международным инициативам РФ, связанным с развитием русского языка и культуры, поддержке российской оппозиции.

Примечательно, что именно ШПА НаУКМА единственная среди всех вузовских аналитических центров Украины входит в ежемесячный рейтинг цитируемости «Аналитические центры в СМИ», составляемый Украинским институтом анализа и менеджмента политики, занимая при этом 58-е место из 97 (данные на 19 мая 2020 г.)¹⁴. Вместе с тем у всех организаций отмечается низкий уровень медийной активности. Их взаимодействие со СМИ проявляется главным образом в посещении их представителями телепередач на региональных и всеукраинских каналах и публикациях статей в печатных и сетевых изданиях. В этом ключе следует выделить Центр международных исследований Дипломатической академии, статьи сотрудников которого (А. Веселовского, Д. Ефремова, Н. Коваль и Е. Снигирь) периодически выходят в ведущем аналитическом издании Украины «Зеркало недели». Кроме того, вузовские центры спорадически сами пытаются создавать собственные медиапродукты: в частности, Центр исследований региональной безопасности периодически до 2018 г. включительно выпускал передачу «Актуальные вопросы безопасности» [Актуальні питання безпеки...], а ШПА НаУКМА инициировала видеопроект «ПолиТролл», в ходе которого в период президентской избирательной кампании 2019 г. пыталась якобы противодействовать популизму [Проти популізму...].

В своей работе вузовские аналитические центры Украины активно взаимодействуют с иностранными структурами. К их числу относятся Информационный и документационный центр НАТО (NIDC), Центр публичной дипломатии НАТО (PDD), Агентство США по международному развитию (USAID), посольство Швеции на Украине, Международный фонд «Возрождение», Фонд Конрада Аденауэра, Фонд Фридриха Эберта, PONARS Eurasia, Институт Кеннана, Фонд «Открытое общество», а также множество других американских и европейских неправительственных организаций, университетов и их структурных подразделений. Данные организации не только предоставляют материальную помощь, направленную на продвижение на Украине ценностей евроатлантизма, но и оказывают информационную и другую поддержку. Основные направления сотрудничества связаны с проведением мероприятий (научных конференций, круглых столов), прикладных политических исследований, с информационным сопровождением деятельности НАТО на Украине и пр. Например, «в начале 2020 г. был заключен контракт между Центром публичной дипломатии НАТО и Центром исследований региональной безопасности СумГУ (договор RG 494 “Институциональная поддержка Центра в проведении исследований безопасности региона, а также уровень поддержки НАТО, информационно-консультативная поддержка исследователей, студентов и всех, кто интересуется темой безопасности и НАТО”), в соответствии с которым организация получила меж-

¹⁴ Аналитические центры в СМИ: апрель 2020 года. Индивидуальные рейтинги УИАМП. URL: <https://uiamp.org.ua/isl/analiticheskie-centry-v-smi-aprel-2020-goda> (дата обращения: 01.06.2020).

дународную финансовую, организационную и методическую поддержку для работы на базе университета» [Міжнародний проект].

ВЫВОДЫ

Исходя из проведенного обзора институтов, входящих в государственный сектор внешнеполитической экспертизы Украины, можно сделать следующие заключения относительно их текущего состояния и тенденций дальнейшего развития.

С приходом к власти на Украине В. Януковича в 2010 г. структуре госсектора был нанесен значительный урон: были ликвидированы государственные научно-исследовательские и экспертные организации, специализировавшиеся на проблемах международной и национальной безопасности, внешней политики и международных отношений, в том числе входившие в структуру НАН. С избранием в 2014 г. президентом Украины П. Порошенко ситуация в целом не изменилась, хотя часть задач ликвидированных институтов была возложена на существующие, возвращены отдельные руководящие кадры. После победы на президентских выборах 2019 г. В. Зеленского значимых изменений в структуре госсектора не произошло. На сегодняшний день можно констатировать, что в целом сохраняется кадровая преемственность.

Между различными институтами госсектора существует устойчивая коммуникация, осуществляющаяся посредством совместного участия экспертов в политических и научных мероприятиях, подготовке аналитических материалов, проведении исследований. Отдельные эксперты сочетают активность сразу в нескольких организациях госсектора (например, в НИСИ и Центре международных исследований Дипломатической академии).

В университетских аналитических центрах развита работа с молодежью, позволяющая проводить политическую социализацию украинских студентов в духе ценностей евроатлантизма, а также рекрутировать молодых ученых в соответствующие экспертные структуры.

Эффективно осуществляется взаимодействие институтов госсектора с иностранными организациями, оказывающими материальную, методическую и информационную поддержку, а также с зарубежными государственными и неправительственными аналитическими центрами, вузами.

Для всех институтов госсектора, и особенно для Института всемирной истории НАН и Научного информационно-аналитического центра НАТО Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника, характерен низкий по сравнению с организациями неправительственного сектора уровень медийной активности.

Основное внимание институты госсектора уделяют прикладным вопросам национальной, региональной (акцент на Азовско-Черноморском регионе) и международной безопасности; российской внутренней политике; проблемам информационного, военного и политического противостояния России.

Всем институтам свойственны восприятие международно-политической действительности сквозь призму идеологии евроатлантизма, а также привер-

женность политическим мифам о «гибридной войне» России против Украины и существующей международной системы в целом. Для всех без исключения экспертных организаций госсектора характерны жесткая антироссийская позиция и восприятие России как экзистенциальной угрозы для украинской государственности.

Организационные, коммуникационные и идеологические особенности государственных институтов внешнеполитической экспертизы на Украине, а также тематические направления их исследовательской и экспертно-аналитической работы свидетельствуют о том, что данные организации как минимум с 2014 г. и по настоящее время устойчиво создают, ретранслируют и легитимируют враждебные российским интересам политические ценности и смыслы. Предоставляя консультации высшим должностным лицам и органам государственной власти, участвуя в развитии украинской национальной политической науки, а также способствуя политической социализации молодежи, институты госсектора влияют на создание контекста, в котором формируется не только внешняя политика Украины, но и ее политическая и академическая элита.

В своей работе институты тесно взаимодействуют с различными структурами из государств — членов НАТО. Данное сотрудничество особенно активно ведется университетскими аналитическими центрами, которые, несмотря на нахождение в госсекторе, во многом могут рассматриваться как иностранные агенты. Можно предположить, что если нынешний украинский политический режим не попытается восстановить систему государственных институтов внешнеполитической экспертизы после ущерба, нанесенного ей в период президентства В. Януковича, то влияние западных организаций будет только возрастать, не ограничиваясь вузовскими структурами. А потому смыслы, транслируемые госсектором политической элите Украины, будут иметь исключительно внешнее происхождение, в результате чего внешняя политика будет вестись в интересах других государств.

Литература

Актуальні питання безпеки. URL: <http://rcrs.sumdu.edu.ua/all-video/295-4.html> (дата обращения: 01.06.2020).

Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1. С. 4–21.

Аналітична доповідь Національного інституту стратегічних досліджень до позачергового Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України у сфері національної безпеки». URL: https://niss.gov.ua/sites/default/files/2015-12/Dopovid_Prezidentps-0ab72.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

Беляева А.П. Экспертно-аналитическое обеспечение в процессе формирования внешнеполитических стратегий // Госрег: Государственное регулирование общественных отношений. 2015. № 1 (11). С. 31.

Важливість підтримки народів Росії для протидії експансії «русского мира». URL: <https://sra.ukma.edu.ua/важливість-підтримки-народів-росії-д/> (дата обращения: 01.06.2020).

Веселовський А. Вибори до Європарламенту 2019: наслідки для ЄС та України. URL: http://da.mfa.gov.ua/wp-content/uploads/2019/07/lypen-2019_-A.Veselovskyi.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

Власюк О. С., Кононенко С. В. Кремлівська агресія проти України: роздуми в контексті війни. Київ: НІСД, 2017. 304 с.

Войтоловский Ф. Г. Тенденции развития глобального рынка внешнеполитической экспертизы. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2016/13042016/13042016-TEZ-SC.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

Габер Е. Можливості розвитку українсько-турецьких відносин в контексті спільної протидії безпековим загрозам в Азово-Чорноморському регіоні. URL: <http://da.mfa.gov.ua/wp-content/uploads/2019/12/УЕ.-Gaber-gruden-2019.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

Головченко В. І. Прийняття зовнішньополітичних рішень в США: теорія й практика // Актуальні проблеми міжнародних відносин. 2013. Вип. 116 (1). С. 15–22.

Горбулін В. П. Світова гібридна війна: український фронт. Київ: НІСД, 2017. 496 с.

Горбулін В. П., Власюк О. С., Кононенко С. В. Україна і Росія: дев'ятий вал чи Китайська стіна. Київ: НІСД, 2015. 132 с.

Горбулін В. П., Власюк О. С., Лібанова Е. М., Ляшенко О. М. Донбас і Крим: ціна повернення. Київ: НІСД, 2015. 474 с.

Егорова Е. М. Эксперты и власть в международных конфликтах // Власть. 2012. № 5. С. 175–178.

Еленский А. В. Внутренняя и внешняя составляющие в истории отечественной внешнеполитической экспертизы // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 3–4. С. 68–82.

Єрмолаєв А. В. Європейський проект та Україна. Київ: НІСД, 2012. 186 с.

Зайцев Б., Коваль Н. Ключові аспекти виходу Великої Британії з ЄС: наслідки для України. URL: http://da.mfa.gov.ua/wp-content/uploads/2019/02/lyuty_2019_B.ZAJTSEV_N.KOVAL_.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

Истомин И. А. Внешнеполитическая экспертиза в США // Сравнительная политика. 2015. Т. 6, № 1. С. 111–127.

Истомин И. А. Внешнеполитическая экспертиза и конструирование международной среды // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 3–4 (30–31). С. 58–72.

Історична панорама: збірник наукових статей ЧНУ. Спеціальність «Історія». Чернівці: Видавництво Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича «Рута», 2004. 164 с.

Коваль Н., Зайцев Б. Реформування ЄС: потенційні наслідки для політики європейської інтеграції України. URL: http://da.mfa.gov.ua/wp-content/uploads/2018/07/Lypen_2018_N.KOVAL_-B.-ZAJTSEV.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

Кудряченко А. І. Україна: контекст світових подій. Аналітичні записки ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України» (2014–2017 рр.). Київ: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2017. 556 с.

Кудряченко А. І., Потехін О. В. Політичні проблеми міжнародної безпеки у сфері протидії розповсюдженню ядерної зброї (кін. ХХ — поч. ХХІ ст.). Київ: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2019. 235 с.

Кудряченко А. І., Швед В. О., Солошенко В. В., Самойленко С. Г. Міжнародні аспекти інтеграції Донбасу і Криму в політико-правовий і соціокультурний простір України. Київ: Державна установа «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2019. 70 с.

Макарычев А. С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. 2015. № 3. С. 9–26.

Макарычев А. С. Экспертное сообщество России при президентстве В. Путина: проблемы внутренней и внешней субъектности // Публичная политика. 2006. № 1 (1). С. 102–107.

Міжнародний проект Центру у співпраці з НАТО. URL: <http://rcrs.sumdu.edu.ua/2-uncategorized/332-2020-01-10-12-57-58.html> (дата обращения: 01.06.2020).

Парахонський Б. О., Яворська Г. М. Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл. Київ: НІСД, 2019. 560 с.

Патрушев С. В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. № 2. С. 149–189.

Проти популізму крізь «тролінг». URL: <https://spa.ukma.edu.ua/politrole-promin/> (дата обращения: 01.06.2020).

Розумний М. М., Валюшко І. В., Горелов Д. М., Караваєв В. С., Лепіхов А. В., Павленко І. А. Режим Путіна: перезавантаження -2018 / М. М. Розумний (загальна редакція), І. В. Валюшко, Д. М. Горелов, В. С. Караваєв, А. В. Лепіхов, І. А. Павленко. URL: https://niss.gov.ua/sites/default/files/2019-05/Dopovid_Rezhim_Putina.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

Снігір О. Безпекова ситуація в Азово-Чорноморському регіоні. URL: http://da.mfa.gov.ua/wp-content/uploads/2019/09/traven_2019_O.Snihyr.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

Снігір О. Крим: прихована загроза. URL: https://dt.ua/international/krim-prihovana-zagroza-309693_.html?fbclid=IwAR2jUN_5WIDp8Moqk2LJyIgxI_PZSssULRRIAoxc3q5c4vjwjd_mje3a_Umo (дата обращения: 01.06.2020).

Толстов С. В. Стратегії зовнішньої та безпекової політики провідних міжнародних акторів: збірник наукових праць. Київ: Державна установа «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2017. 150 с.

Фірт О., Грехов В. Альтернативні джерела інформації про події в Росії: сила інтернету за межами пропагандистських телеканалів. URL: <https://spa.ukma.edu.ua/wp-content/uploads/2019/12/Alternative-sources-about-Russia.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

Шулімов С., Литвин О. Шляхи боротьби з «руським миром» а Україні. URL: <https://spa.ukma.edu.ua/wp-content/uploads/2019/10/Countering-Russian-World.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

Онопко Олег Владимирович — канд. полит. наук; onopko.oleg@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 1 июня 2020 г.;

рекомендована в печать: 21 августа 2020 г.

Для цитирования: *Онопко О. В.* Институты государственного сектора внешнеполитической экспертизы на Украине: аналитический обзор // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16, № 3. С. 340–359. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.303>

PUBLIC SECTOR INSTITUTIONS OF FOREIGN POLICY EXPERTISE IN UKRAINE: AN ANALYTICAL OVERVIEW

Oleg V. Onopko

Donetsk National University,
24, Universitetskaya ul., Donetsk, 283001; onopko.oleg@gmail.com

An important condition for the effective protection and implementation by Russia of its national interests in Ukraine is an understanding of the circle of actors that influence the development of Ukrainian foreign policy. Among them, there are expert institutions that provide analytical and scientific support for foreign policy decisions made by the highest bodies of state power. Foreign policy expertise in Ukraine is a grey area for Russian political science. The article opens a series of publications whose purpose is to solve this problem. It systematizes information about Ukrainian institutes of foreign policy expertise, those whose activities are directly or indirectly financed by the state. It was revealed that during the presidency of Viktor Yanukovich (2010–2014), the public sector suffered significant structural damage, and its consequences have not yet been overcome. Today, Ukrainian public institutions of foreign policy expertise include: the National Institute for Strategic Studies, the Institute of World History of the National Academy of Sciences of Ukraine and university think tanks. The author considers these organizations through the prism of constructivism and institutionalism — as political structures (institutions) whose activities affect the context of Ukrainian foreign policy and the behavior of its actors. It has been established that their main scientific and applied research interests are related to problems of national, regional and international security, Russian domestic politics, problems of information, as well as military and political confrontation with Russia. All these issues are considered by institutions exclusively through the prism of Euro-Atlanticism and anti-Russian political mythology. Since at least 2014, they have been transmitting ideas hostile to Russia to

the Ukrainian political and academic elite. In the same vein, the political socialization of students is carried out, in which university think tanks actively work in close collaboration with state and non-governmental organizations of NATO member countries. Today, the public sector of foreign policy expertise in Ukraine is not in the best condition, but it invariably retains its analytical and scientific potential, as well as its tough anti-Russian position.

Keywords: foreign policy expertise, foreign policy of Ukraine, think tanks, public sector of foreign policy expertise.

References

- Actual Problems of Security*. Available at: <http://rcrs.sumdu.edu.ua/all-video/295-4.html> (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)
- Alekseeva T. A. Think Like Constructivist: Discovering a Poliphonic World. *Sravnitel'naia politika*, 2014, no. 1, pp. 4–21. (In Russian)
- Analytical Report of the National Institute for Strategic Studies to the Extraordinary Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine "On the Internal and External Position of Ukraine in the Sphere of National Security"*. Available at: https://niss.gov.ua/sites/default/files/2015-12/Dopovid_Prezidentps-0ab72.pdf (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)
- Beliaeva A. P. Expert and Analytical Support in the Process of Forming Foreign Policy Strategies. *Gosreg: Gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvenny'kh otnoshenij*, 2015, no. 1 (11), p. 31. (In Russian)
- Countering Populism with Trolling*. Available at: <https://spa.ukma.edu.ua/politrole-promin/> (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)
- Egorova E. M. Experts and Authorities in International Conflicts. *Vlast'*, 2012, no. 5, pp. 175–178. (In Russian)
- Elenskii A. V. Internal and External Components in the History of the Domestic Foreign Policy Expertise. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2004, no. 3–4, pp. 68–82. (In Russian)
- Ermolaev A. V. *European Project and Ukraine*. Kiev, NISD Publ., 2012, 186 p. (In Ukrainian)
- First O., Grekhov V. *Alternative Sources of Information about the Events in Russia: Power of Internet outside the Propaganda TV Channels*. Available at: <https://spa.ukma.edu.ua/wp-content/uploads/2019/12/Alternative-sources-about-Russia.pdf> (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)
- Gaber E. *Opportunities for the Development of Ukrainian Turkish Relations in the Context of the Common Opposition to the Security Challenges in the Azov-Black Sea Region*. Available at: <http://da.mfa.gov.ua/wp-content/uploads/2019/12/YE.-Gaber-gruden-2019.pdf> (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)
- Golovchenko V. I. Foreign Policy Decisionmaking in the USA: Theory and Practice. *Aktual'ni problemi mizhnarodnikh vidnosin*, 2013, no. 116 (1), pp. 15–22. (In Ukrainian)
- Gorbulin V. P. *World Hybrid Warfare: Ukrainian Front*. Kiev, NISD Publ., 2017, 496 p. (In Ukrainian)
- Gorbulin V. P., Vlasiuk O. S., Kononenko S. V. *Ukraine and Russia: the Ninth Wall or China Wall*. Kiev, NISD Publ., 2015, 132 p. (In Ukrainian)
- Gorbulin V. P., Vlasiuk O. S., Libanova E. M., Liashenko O. M. *Donbass and Crimea: Return Price*. Kiev, NISD Publ., 2015, 474 p. (In Ukrainian)
- Historical Panorama: Collection of Scientific Articles of ChNU. Specialty "History"*. Chernovtsi, Vidavnitstvo Chernivets'kogo natsional'nogo universitetu im. Iu. Fed'kovicha "Ruta" Publ., 2004, 164 p. (In Ukrainian)
- International Project of the Center in Cooperation with NATO*. Available at: <http://rcrs.sumdu.edu.ua/2-uncategorised/332-2020-01-10-12-57-58.html> (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)
- Istomin I. A. Foreign Policy Expertise and Design of the International Environment. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2012, vol. 10, no. 3–4 (30–31), pp. 58–72. (In Russian)
- Istomin I. A. Foreign Policy Expertise in the USA. *Sravnitel'naia politika*, 2015, vol. 6, no. 1, pp. 111–127. (In Russian)
- Koval' N., Zaitsev B. *The Reformation of the EU: Potential Implications for Ukraine's Policy of European Integration*. Available at: http://da.mfa.gov.ua/wp-content/uploads/2018/07/Lypen_2018_N.KOVAL_-B.-ZAJTSEV.pdf (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)

Kudriachenko A. I. *Ukraine: the Context of World Events. Analytical Notes of the State Institution "Institute of World History of the National Academy of Sciences of Ukraine" (2014–2017)*. Kiev, DU "Institut vsesvitn'oi istorii NAN Ukraïni" Publ., 2017, 556 p. (In Ukrainian)

Kudriachenko A. I., Potekhin O. V. *Political Problems of International Security in the Field of Countering the Proliferation of Nuclear Weapons (late XX – early XXI centuries)*. Kiev, DU "Institut vsesvitn'oi istorii NAN Ukraïni" Publ., 2019, 235 p. (In Ukrainian)

Kudriachenko A. I., Shved V. O., Soloshenko V. V., Samoilenko S. G. *International Aspects of Integration of Donbass and Crimea into the Political-Legal and Socio-Cultural Space of Ukraine: an Analytical Report*. Kiev, Derzhavna ustanova "Institut vsesvitn'oi istorii NAN Ukraïni" Publ., 2019, 70 p. (In Ukrainian)

Makarychev A. S. Expert Community of Russia under the Presidency of V. Putin: Problems of Internal and External Subjectivity. *Publichnaia politika*, 2006, no. 1 (1), pp. 102–107. (In Russian)

Makarychev A. S. States, Expert Communities and the regime of knowledge-authority. *Politicheskaiia nauka*, 2015, no. 3, pp. 9–26. (In Russian)

Parakhons'kii B. O., lavors'ka G. M. *Ontology of War and Peace: Security, Strategy, Sense*. Kiev, NISD Publ., 2019, 560 p. (In Ukrainian)

Patrushev S. V. Institutionalism in Political Science: Stages, Trends, Ideas and Problems. *Politicheskaiia nauka*, 2001, no. 2, pp. 149–189. (In Russian)

Rozumnyj M. M., Valjushko I. V., Gorjelov D. M., Karavajev V. S., Lepihov A. V., Pavlenko I. A. *Putin's Regime: Restart-2018*, ed. by Rozumnyj M. M. Available at: https://niss.gov.ua/sites/default/files/2019-05/Dopovid_Rezhim_Putina.pdf (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)

Shulimov S., Litvin O. *Ways to Fight against the "Russian World" in Ukraine*. Available at: <https://spa.ukma.edu.ua/wp-content/uploads/2019/10/Countering-Russian-World.pdf> (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)

Snigir O. *Crimea: the Hidden Threat*. Available at: https://dt.ua/international/krim-prihovana-zagroza-309693_.html?fbclid=IwAR2jUN_5WIDp8Moqk2LJyIgxI_PZSssULRRIAoxc3q5c4v-jwdm_je3a_Umo (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)

Snigir O. *Security Situation in Azov-Black Sea Region*. Available at: http://da.mfa.gov.ua/wp-content/uploads/2019/09/traven-_2019_O_Snihyr.pdf (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)

The Importance of Supporting the Peoples of Russia to Counter the Expansion of the "Russian World". Available at: <https://spa.ukma.edu.ua/важливість-підтримки-народів-росії-д/> (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)

Tolstov S. V. *Strategies of Foreign and Security Policy of Leading International Actors*. Kiev, Derzhavna ustanova «Institut vsesvitn'oi istorii NAN Ukraïni» Publ., 2017. 150 p. (In Ukrainian)

Veselovs'kii A. *Elections to the European Parliament: Implications for Ukraine*. Available at: http://da.mfa.gov.ua/wp-content/uploads/2019/07/lypen-_2019_-A.Veselovskiyi.pdf (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)

Vlasiuk O. S., Kononenko S. V. *Kremlin Aggression Against Ukraine: Reflections in the Context of the War*. Kiev, NISD Publ., 2017, 304 p. (In Ukrainian)

Voitlovskii F. G. *Trends in the Development of the Global Market of Foreign Policy Expertise*. Available at: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2016/13042016/13042016-TEZ-SC.pdf> (accessed: 01.06.2020). (In Russian)

Zaitsev B., Koval' N. *Key Aspects of the UK Leaving the EU: Implications for Ukraine*. Available at: http://da.mfa.gov.ua/wp-content/uploads/2019/02/lyuty_2019_B.ZAJTSEV_N.KOVAL_.pdf (accessed: 01.06.2020). (In Ukrainian)

Received: June 1, 2020

Accepted: August 21, 2020

For citation: Onopko O. V. Public sector institutions of foreign policy expertise in Ukraine: An analytical overview. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 340–359. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.303> (In Russian)

BACK TO THE BEGINNING OF THE FUTURE: COMPARING DIGITAL POLICIES OF THE NETHERLANDS AND GERMANY*

C. M. Feenstra

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The aim of this article is to compare the introduction of digital technologies in public administrations in the Netherlands and Germany. In academic research, models are developed to analyse the level of digitalization and performance of different organizations. Models serve to simplify reality in research, but the danger exists that this simplification starts to shape our understandings of different issues. In order for one to understand the current state of affairs, an understanding should be built towards the first initiatives regarding the digitalization of public administrations. Therefore, in this article, the policy notes of the Netherlands from 1995 and Germany from 2001 have been analysed and compared to determine the differences in designing and implementing digital technologies in public administrations. Different elements of the policy notes have been manually selected to offer a credible comparison of the two approaches towards digitalization. Due to the scope of this research, limited information has been provided about the influence of initiatives from the European level on the level of the Member States. The results show that both countries have a specific approach towards digitalization of public administration; the Netherlands focused on the utilization of the potential of digital technologies for her constitutional democracy. Germany, on the other hand, largely focused on developing the appropriate IT infrastructures as well as its central coordination. Finally, in the Netherlands, the government turned into a facilitator, enabling different actors to collaborate in numerous projects, with a strong focus on accessibility and inclusion. In Germany, despite the fact that the government already focused on the development and implementation of an IT infrastructure in the early 2000s, the focus is still laid on improving the digital infrastructure of the country.

Keywords: digital government policies, digitalization, public administration, comparative public policy, Germany, the Netherlands, e-Government, Industry 4.0.

INTRODUCTION

Studies and research all focus on different aspects of e-Governance; introducing models of development, definitions, technological requirements. Some focus more on the “e” than on the “government”, others argue that before there can be focused on “government”, there should be focused on the implementation of the electronic part. Janowski [Janowski, 2015], offered a four-stage Digital Government Evolution Model. Zahran et al. [Zahran et al., 2015], expressed the need to develop a good theoretical model for different levels of e-Government (national, local, municipal). As elaborated

* This work was supported with a grant from the Russian Science Foundation (grant no. 19-18-00210 “Political ontology of digitalization: Study of institutional bases for digital forms of governability”). Supervisor of the article — prof. Dr. L. V. Smorgunov.

on in the research of Zahran et al. [Zahran et al., 2015], there does not exist one single and correct way introducing digital technologies in public administrations. As with other country aspects, each country develops in its own specific way, determined by the nature of that society, the political culture and structure, and more. The use of e-Government models is misleading, and there should be looked at components rather than stages in isolation. The approach that the Netherlands has taken in introducing digital technologies could be transformed into a model of how to introduce e-Government policy. However, that would not necessarily mean that it would have worked in the exact same manner in Germany. It is possible to identify the same obstacles for public administrations with regards to e-Government. Nevertheless, obstacles would occur in different patterns, since the initial approach of designing the introduction of digital technologies differs per country. The Netherlands and Germany; neighbours, strong bilateral relations, cross-border cooperation (public and private sector), both a direct style of communication, cultural “similarity”. The countries have a lot in common but differ in a lot of aspects. Several lessons can be learned when looking at the digitalization of the public administrations in Germany and the Netherlands. The stereotypical image of Germany, as a correct and structured country can be found back in the first policy design for the implementation of BundOnline 2005. Germany started with a list of 355 government services which could be digitalized; how to ensure the safe use of it, establishing the formal procedures from the federal level; describing technological features, step by step. The stereotypical image of the Dutch, as sober people with an open view, can also be found back in the policy note (1995) Information Provisions Public Sector. The Netherlands was more focused on the goals and action points, with special attention paid to what information and communication technologies could potentially mean for the Dutch constitutional democracy, and the needs of different groups of society. As a Dutch person myself, by giving the following statement, I hope to offer you an insight into the Dutch political sphere, “This is the political side, our goals and plans should be understandable. We have our specialists for the technological details”. This statement aims to serve as an example for the nature of politics in the Netherlands. In Germany, on the other hand, it is common to have a large focus on details, adding value to clarity, structure, order and law. In order to understand the current state of affairs regarding digitalization of public administrations, it is necessary to look at the initial policy frameworks that have been put in place in the area of digitalization. In this article, the policy designs of the Netherlands and Germany will be analysed and compared.

THEORETICAL FRAMEWORK

The term e-Government refers to the “the use of information and communication technologies, particularly the Internet, in government” [Chadwick, 2016]. Research on e-Government focuses on measurement, as well as comparison, and employs benchmarks, indicators, and frameworks [Zahran et al., 2015, p. 29]. Zahran et al. [Zahran et al., 2015], stated that there is a lack of in-depth analysis of e-Government models, and that the main focus is laid on the assessment of government performance in different areas of digitalization.

The process by which governments have moved towards digitalisation from the late 1990s has been far from linear and the implementation is not necessarily aligned with the academic discourses [Barcevičius et al., 2019, p. 11].

In recent research on exploring Digital Government transformation in the European Union [Barcevičius et al., 2019], 477 items of literature were reviewed based on analytical narrative. This was done to determine the different dimensions of digital innovations, impacts, trends, antecedents, drivers and barriers. The reviewed models described the digital evolution to move from “simple” to more “complex” forms of e-Government. The authors stated that existing models are often outdated and fail to account for “the reality of e-Government evolution at different stages” [Barcevičius et al., 2019, p. 16]. Next to that, a large number of the reviewed literature, referred to the “transformation” of government, without defining what digital transformation entail. Furthermore, Janowski [Janowski, 2015], stated that e-Government grows towards more complexity, contextualization and specialization [Janowski, 2015, p. 221]. In addition, Janowski [Janowski, 2015], compared the concept of digital government with “evolution-like processes that lead to changes in cultures and societies” [Janowski, 2015, p. 221]. The author proposed a four-stage Digital Government Evolution Model: digitalization (technology in government); transformation (electronic government); engagement (electronic governance) and contextualization (policy-driven electronic governance) [Janowski, 2015, p. 221]. Certain characteristics belong to each stage, but what is missing is the contextualization of the political system, culture and structure of a country. Moreover, Barcevičius et al. [Barcevičius et al., 2019], offered several dichotomies of innovations transforming governments: incremental innovations vs. disruptive innovations; top-down innovations vs. bottom-up innovations [Barcevičius et al., 2019, p. 19]. Next, there is indicated that in assessing e-Government, little attention is paid to, among others, the goals of policies, consumer needs, nor to how the implementation can create public value [Barcevičius et al., 2019, p. 29]. Barcevičius et al. [Barcevičius et al., 2019], identified six factors affecting the digital government transformation: technological, organisational, legal, ethical, social / cultural, economic / financial [Barcevičius et al., 2019, p. 57]. Technological requirements are considered key in the digitalization process. The main issues in the technological aspect concern the IT infrastructure, interoperability, access to data, legal, political, social and institutional issues [Barcevičius et al., 2019, p. 57–59]. Regarding the organisational factors, key elements are strategy, human resource strategy, digital skills, managerial skills [Barcevičius et al., 2019, p. 59–60]. In the legal aspect, an appropriate legal framework should be in place. The ethical aspect concerns “citizens’ trust and confidence” [Barcevičius et al., 2019, p. 61]. Little information has been provided about the social and cultural factors in the digital transformation of governments. In research of social and cultural factors, there is mainly looked at the citizen perspective on e-Government related areas. Next to that, the different levels of e-Government development between (developed and developing) countries can be better explained through cultural differences instead of economic and technological development [Barcevičius et al., 2019, p. 62].

What is striking about the research report of Barcevičius et al. [Barcevičius et al., 2019], is that none of the models look at the context of a country, not in terms of formal procedures, but in terms of the nature of the country. In policy sciences, a model is a representation of reality. Therefore, in this article there is proposed to bring the research of e-Government back to the original basis of policy research itself, by offering a representation of reality. The working definition of policy sciences is normally concerned with knowledge of and in the decision processes of public and civil order. The policy approach has three main attributes: contextuality, problem orientation and diversity.

The political nature of a country determines the approach which is taken towards any policy area, not only in the field of digitalization or e-Government. The political and cultural values determine the manner in which goals and action points are prioritized. Interestingly, in academic discourse in the field of e-Government, a lot of attention is paid to the technical details, as well as to determining the way in which governments are supposed to move forward. Therefore, in this article, by going through the different manually selected elements of the policy documents of the Dutch and German government, there will be demonstrated how the political cultures of the two countries influenced the course of introducing and implementing new policies at the start of the new age of the information society. There will be looked at the motivations of both countries, which will be labelled as “*initiation*”. Next, by discussing the *approaches* taken by both countries, there will be demonstrated that the Dutch are practically oriented, and the German are focused on technical details. To further elaborate on the differences between the approaches, the main elements of the initiatives of Overheidsloket 2000 and BundOnline 2005 (Government service counters) will be outlined. Furthermore, there will be looked at common grounds, as governments strive for the achievement of cost-effectiveness, efficiency and simplification. Moreover, there will be looked at the role of the government of both countries. Additionally, information will be given about the current state of affairs.

The main idea one should keep in mind while reading this article, as well as learning about different e-Government processes and initiatives, is that, before new policy and processes can be put in place, a window of opportunity has to open up; society has to be ready for change. One can construct the most perfect IT infrastructures and create all corresponding procedures, but if there is not anticipated on the needs of, and changes in, society, it will be more difficult to achieve success. The implementation of digital technologies goes beyond putting a digital infrastructure in place.

LIMITATIONS

Firstly, it was planned to provide information about initiatives at the level of the European Union and their influence on the domestic developments. However, due to the scope of this article, this will not be discussed. It was interesting to gain insights about the role of education and training, but it will not be included in this article. Moreover, little attention will be paid to the legal frameworks put in place, the exact

stakeholders and division of responsibilities between different levels of government. Apart from that, in-depth information about data security and privacy will not be discussed.

INITIATION

In the Netherlands, the shift to the information society caused the government to revise her strategies and goals of public services. Citizens were no longer seen as mere receivers of government services. The new approach, as described in the policy note, in literature referred to as new public management, put the purpose and potential of government services into a new perspective; looking at citizens as customers, whose needs are to be fulfilled. In order to understand the needs of citizens as customers of government services, State Secretary of Interior Relations, J. Kohnstamm [Kohnstamm, 1995], developed the policy note “Information Provision Public Sector” (Session 1994–1995; 20 644, no. 23). The policy note stemmed from collaboration of the members of government responsible for “Action program Electronic Highways”: Economic Affairs; Transport, Public Works & Water Management; State Secretary of the Ministry of Education, Culture & Sciences. Different initiatives already existed at different levels of government institutions, municipal, provincial, institutions. The policy note planned the make use of regular budgets, Overheid-sloket 2000 was funded as part of action line 5 “Action program Electronic Highways” [Tweede Kamer, 1995, p. 6].

In Germany, the implementation plan for the e-Government initiative “BundOnline 2005” was developed in the framework of modernization of public administration. In 2000, Bundeskanzler Gerard Schröder initiated BundOnline 2005. One year later, the policy implementation plan was presented and adopted by the federal government. This initiative had a clear focus on the desired outcome, timeline, budget and goal. By 2005, all federal states were expected to have offered a minimum of 355 public services online. The aim was to make government services faster, easier, and more efficient. In doing so, the satisfaction of citizens regarding politics and administrations, as well as the attractiveness of the business climate of Germany, were expected to increase. The government created a budget of 1,65 billion euros [BMI, 2001].

APPROACH

The Dutch policy note of 1995 is divided into three chapters: (1) Information society: opportunities and dilemmas for governance; (2) Communication citizen-government; (3) Behind the scenes. Lastly, a comprehensive overview of action points and planning is provided. In the appendices of the policy note, an overview is given of the most important action points announced in the note, including an elaborated plan of action for each. In 1995, the main goal for the Dutch government consisted out of two themes: relation citizen-government; effective organization of the management of government [Tweede Kamer, 1995, p. 7]. Thus, improving the relationship between citizens and government, and the increase of efficiency of government services by means of the use of information. The policy note offers a thorough de-

scription of different sets of goals and action points. The main thought of the policy initiators concerned how there could be made use of possibilities and dilemmas of ICT in improving the functioning of the democratic constitutional state. Before goals and action points were formulated, an overview of existing and ongoing projects, and developments, within the Netherlands was given; large-scale intergovernmental projects had already been taking place. Interestingly, a separate paragraph is devoted to the cultural and societal consequences of information technologies; a brief historical analysis; an overview of potential consequences; and ways of how to anticipate on the aforementioned aspects. The societal, historical and political analysis led to the formulation of nine goals / visions. The focus was laid on (1) improvement of services, increasing citizen (2) engagement and (3) participation, (4) government transparency and accessibility, (5) prevent dichotomy of society, (6) primacy of politics, (7) securing opportunities of documented accountability, (8) collaboration and standardization of the use of information, (9) building reliable information systems [Tweede Kamer, 1995, p. 14–15]. More goals were presented in the other chapters: communication citizen-government; behind the scenes. To achieve the development of a “responsive, consistent, accessible, transparent, receptive” government, six points of action were established; Overheidsloket 2000 (Government service counter); pattern recognition in questions and complaints of citizens, as well as corresponding solutions; small-scale experiments, electronic discussions public interest; key term in government information electronically is “accessibility”; revision of privacy law in the future [Tweede Kamer, 1995, p. 5].

The approach of the German government is characterized by the central coordination of the implementation of e-Government initiatives and use of IT architectures, as well as the use of ICT to improve government services. The design of the implementation plan of BundOnline 2005 was motivated by experiences from big economic corporations, such as eBusiness-initiatives. Those initiatives offered the necessary stimuli and concrete examples of modernization of services. The existence of eBusiness provided a common goal; an implementation plan and budget for different fields of industry, as well as a common infrastructure for businesses. BundOnline 2005 should bridge the at that time existing gap between development of businesses and public administrations. To ensure the strategic development of all administrations, in addition to BundOnline 2005, a special e-Government-implementation plan was developed to support the implementation at all administrations and offer strategies for specific ministries. In order to further the modernization of public administration, the term public services should be reconceptualized into the modern sense of it. In reconceptualizing public services, the implementation plan highlights the importance of changing the strategy to quality-oriented and customer-oriented. In doing so, the government planned to determine which public services for citizens, economy, science and other public administrations, require prioritization in online services. The main focus was put on three value-adding stages: information, communication, transaction [BMI, 2001, p. 18]. In addition, value was added to efficiency, cost effectiveness and usability of online services. The improvements were mainly focused on the availability of online public services and the reorganization of processes. The implementation plan of BundOnline 2005, included: a proposal of

which government services, between 2002–2005, should be made available online; a proposal of which technical requirements and standards should be put into place to ensure the gradual implementation; specification of financial needs and resources, with a yearly budget [BMI, 2001, p. 6]. Yearly targets were created to guarantee feasibility, to put legal frameworks into place, and the targets anticipated on available resources within the ministries and government institutions. Next to that, in the framework of the policy initiative, a dialogue was opened with modern service companies, the private sector industry. In BundOnline 2005, three categories of relations were established: Government-to-citizen (G2C); Government-to-business (G2B); Government-to-government (G2G) [BMI, 2001, p. 22]. The implementation plan offered five general points of action for development: implementation agency, one for all (OFA), competence centre, central coordination, standards and architecture for e-Government (SAGA).

GOVERNMENT SERVICE COUNTERS

Overheidsloket 2000 (government service counter) was one of the initiatives included in the policy note of the Dutch government. The communication between citizens and government consists out of two components: a relation government regarding (political) decision-making, and a relation government “customer” regarding government services [Tweede Kamer, 1995, p. 15]. Those two components relate to the following to themes: service-consistent; participation-transparent. Three projects were developed to pave the way to Overheidsloket 2000: real-estate counter; knowledge system for elderly and disabled people; “know-your-rights-pillar” [Tweede Kamer, 1995, p. 19]. To achieve these goals, effective technologies were used to foster better services. It is important to go deeper into “better service”. To elaborate, Kohnstamm [Kohnstamm, 1995], differentiated between citizen as customer for government services and citizen as a customer on the free market. Government services were to be improved by thinking from the citizen-perspective (customer-perspective), and most importantly, by analysing, and anticipating on, the wishes and expectations that come with the liberalization of public services [Tweede Kamer, 1995, p. 19]. This was not the first initiative; experiments had been taking place since 1992. The experiments provided practical evidence and information for making informed decisions. Next to that, the experiments led to the formulation of several questions: “what kind of tasks and competences division between the contact-point with the citizen (front office) and supporting organisations (back office) would be most adequate for realization of making the government “responsive” as a whole?”; “are there any specific educational requirements of front desk staff, how do they develop, and how do we motivate them continuously?”; “which approach would be required within the organisation, including “back office”, administrative and political direction, to ensure the government “counter” to be and continue to be responsive?” [Tweede Kamer, 1995, p. 20]. The three sub-projects made up “Phase 1” of the road to “Overheidsloket 2000”. The government service counter was to be submitted as one of the projects in the framework of “line-of-action 5” under Action Program Electronic Highways [Tweede Kamer, 1995, p. 21]. At that moment

in time, the bottom-up initiatives found common grounds of interest for the further development of initiatives.

The Dutch policy note offered detailed descriptions to justify policy decisions and steps to be taken. The implementation plan for BundOnline 2005 offers detailed information about technological steps, basic components and software to be put in place. BundOnline 2005 has been described as an important steppingstone of the politics of the federal government in developing Germany as an information society and served as an instrument to simplify structures and processes of the federal government. The plan consisted out of pilot projects for e-Government solutions, the further development of the government portal, and the development of the e-Government handbook. The introduction of electronic services goes hand in hand with the reorganization of activities of all departments. In the technical aspect, the government possessed required IT-tools and structures in supporting the implementation of e-Government. The technical feasibility of the implementation was to be realized by the deployment of basic components (data security, payment services, document management, etc.), and service-specific usages were to be determined. The applications concerned service-specific software components, which were to be distributed at local levels of government. Value was added to those components since it allowed for different services with divergent needs to employ the same IT components; increasing the efficient use of resources. Basic components ensured a standard level of development of services and was centrally planned and distributed at the state levels. The systems are central for ensuring the usability of all corresponding needs. Developing central structures was necessary to ensure the effective coordination of the initiative, as well as allowing for the exchange of know-how [BMI, 2001]. Five basic principles were put in place for the implementation of Bund-Online 2005:

Table. Overview basic principles

IT standards	IT architecture
Building blocks	Define e-Government solutions
Interoperability and portability	Between different e-Government applications
General competence centre, technical specifications of e-Government solutions	Exchange know-how
Implementation and use of applications, openness, scalability, multi-backend skills, simplified system management, remote, operating system neutrality	
Continuously operate, analyse and update	Change management processes

Source: [BMI, 2001] (Own translation).

COMMON GROUND: COST-EFFECTIVENESS AND EFFICIENCY

The Dutch government established a platform with telematics and experts for the purpose of standardization the use of IT. This platform is an overarching system for the maintenance, expansion, generation of new profiles, evaluation and establishment of task forces. Moreover, research was used to find the most cost-effective way to make information digitally sustainable. In addition, new laws were to be developed to efficiently combat fraud and crime. The desired outcome for cost-effectiveness and efficiency was also reflected in the introduction of personal identification numbers for citizens, the introduction of basic register systems (GBA) for government agencies, as well as referral indices (GBI). In this manner, the amount of data gathered from citizens was reduced, and was now linked to their personal identification number. The GBA and GBI served for simplifying information exchange and the search for information between government agencies.

In Germany, the implementation plan for BundOnline 2005 was motivated by the need to make more effective use of tools to reach a certain level of efficiency. Therefore, the policy initiators developed a list of about 400 public services. The services were evaluated on user segment size, advantages, resource saving potential, strategic advantages, synergy potential. The implementation agency was established to coordinate the overall implementation. Individual states were responsible for implementation at the decentralized level. The “Einer-für-alle” principle (one for all) was put in place to avoid parallel developments and deploy qualitatively high-quality software systems within short periods of time [BMI, 2001, p. 38].

THE ROLE OF THE GOVERNMENT

The Dutch government employed a bottom-up approach; gathered experiences from all different levels of governance, discussed the common issues and questions, carefully analysed the societal, cultural, economic, political and historical context, determined the needs of different groups of society. The first question a Dutch person would ask is “how does this contribute to my development and what do I get out of it?”. This is exactly the approach taken by the Dutch government, by asking the question, “what is the influence of ICT on our constitutional democracy, and how can we anticipate on it?” [Tweede Kamer, 1995, p. 7]. After gathering necessary information, the ownership, and responsibility of further strategic development of sub-goals were transferred to the corresponding ministry or agency. Subsequently, goals are set, evaluation procedures are developed and put into place, and in a given time period, an all-encompassing evaluation is conducted. After offering the policy note of 1995 to the parliament, municipalities could voluntarily sign up to participate in the pilot projects of Overheidsloket 2000. The scope of the policy note does not solely concern asking questions and looking at different contexts, it also included action points for internal change. The policy initiator determined eight points of action to establish a better common information-infrastructure [Tweede Kamer, 1995, p. 6]. Those points concerned: strengthening the unity of government and simplifying the common use of information (research on how to achieve streamlined deployment of

key definitions); simplifying exchange of information within and with the government (sectoral/overarching referral indexes); privatization should take the realization of the primacy of politics into consideration; exchange of information should be transparent and cost-effective; common purchase of (data)communication facilities (Overheidsnetwerk 2000 / government network); Government information service decree (new laws and regulations); information should be reliable, available and complete (Cabinet continues with existing policy and expands scope of information security); government accountability (research on cost-effective information storage) [Tweede Kamer, 1995, p. 6].

Germany carefully examined the use of technology in the government, and how to transform it, and developed an umbrella framework from the federal level to the federal states. The main thought of the policy plan BundOnline 2005 is ensuring the modernization of the government, catching up with the private sector, and strengthening the position of the country. In this aspect, the government employed a top-down approach, focused on feasibility. In Germany, feasibility can be understood as setting clear targets, having a timeline, a corresponding financial plan, and most importantly, a legal framework. In the case of BundOnline 2005, feasibility includes setting out the technical framework, requirements, and steps. In this process, the government set a clear target of minimum 355 public services to be made available by 2005, with corresponding yearly targets and financial resources. Moreover, the government ensured the development of the technical infrastructure, requirements, standards, categorization. Next to that, central coordination and implementation agencies were established. Since the beginning, a considerable amount of attention was paid to the development of a corresponding legal framework. Data security and privacy are important elements for German society. Apart from the previously discussed responsibilities of the federal government, further IT provision of the federal administration, as well as developments and conceptualization for specific departments, are decentralized. Finally, the IT departments of ministries were responsible for developing strategies and frameworks [BMI, 2001].

THE STATE OF AFFAIRS IN 2020

Industry 4.0 refers to the fourth industrial revolution, marked by digitalization of the industrial sector. This leads to new trends and developments. Digitalization calls for new skills, knowledge, competences, job market, job descriptions, professions. In the European Union, a harmonized approach is taken to offer support to the development of all Member States. It also calls for new legislation, new strategies, business models. Jobs appear and jobs disappear, the rapid evolution in the digital era calls for a smart strategy. EU-wide strategies and plans are developed for all aspects related to the single market and the competitiveness of the Union. Member States translate this into national policy, depending on the type of EU decision (regulations, directives, decisions, recommendations, opinions, delegated acts, implementing acts). Therefore, all Member States develop their own strategies from European to national to local levels. The main trends concern, digital single market, data security and privacy, participation, accessibility, inclusion, cohesion and education. The roles

of the citizens and other actors are changing, not only as a result of digitalization, but also as a result of the increasing cooperation at the EU-level. The initiatives from the EU-level function as an umbrella framework for the Member States. The role of citizens is changing simultaneously, with an increase of responsibility, autonomy and “watch dog” function. Digitalization also brings uncertainty about the future jobs and knowledge, therefore, governments take initiative to incorporate digital skills and knowledge into the curriculum, not only in educational institutions, but also “on the job”. This is necessary to increase and improve countries’ competitiveness and resilience for the future. Apart from that, the role of civil society is increasing, local initiatives come into being for different societal purposes, taking upon roles which previously might have been a responsibility of government institutions. Lastly, a large number of cross-border initiatives exist in Europe, to exchange knowledge and initiate collaboration across the EU (in different sectors). The European Digital Industry Alliance (DIA) brings together six industrial clusters (over 800 companies) to explore the challenges and opportunities of Industry 4.0, developing ICT and clusters to support companies in modernizing production, business models [DIA, n. d.].

The Netherlands is one of the top countries in the EU when it comes to digitalization. In general, Dutch society has an innovative character and is open for change. The business industry in the Netherlands is highly digitalized. Special attention is paid to lifelong learning, offering and ensuring that society has all necessary skills for different purposes. Accessibility and inclusion are key to make sure that “everyone can participate” in all aspects of life. The digital era enhances the possibilities for citizen engagement in the decision-making processes of the government, increases the watch dog function of citizens, and participation and initiatives of civil society. Citizens have more autonomy in controlling personal data and receiving information about how the data is used and by who. Data security and privacy are important in the field of cyber criminality. The government becomes a facilitator to stimulate citizens, enterprises, educational institutions, scientists, to collaborate in different types of projects. Projects are called Proeftuin Lokale Digitale Democratie (testing ground local digital democracy), field labs / hubs, Start-ups in Residence, Digicampus [EZK, 2019].

Germany falls behind numerous countries, this has mainly to do with the fact that internet network is not equally developed in all federal states of Germany. The most important element connected to digitalization is data protection and security, this is related to the German culture. Germans generally support the further digitalization of society but are sceptical about the use of digital technologies. Germany scores good on average, but when it comes to e-participation, there is room for a lot of improvement. Before it is possible to focus on this aspect, the digital infrastructure needs to be improved. The government prioritizes lifelong learning, to ensure that society possesses all necessary skills and knowledge to make use of digital technologies for different aspects of life. German society is old fashioned in their bureaucratic processes and slowly adapting to change. Most SMEs do not have a strategy for Industry 4.0, and about fifty percent of larger enterprises has a strategy in place. The issue here is that people are sceptical towards change, add great value to data security and privacy, have insufficient digital talent and capacity, digital

competences of employees lag behind. At the same time, the government expands laws and regulations concerning the social market economy to a “digital social market economy”.

DISCUSSION

In the work of Barcevičius et al. [Barcevičius et al., 2019], there has been explained that little attention is paid to the goals of Digital Government Policies as well as the potential to create public value in the implementation of digital policies. Therefore, it is interesting to conclude that in the policy note of the Netherlands, most paragraphs are dedicated to goal formulation and discovering how these goals can create public value. The initiation in the Netherlands can be characterized by anticipation on the development of an information society, and the new customer-oriented approach introduced by new public management. In Germany, the initiative was developed as part of the modernization strategy of the government. As well as the goal to increase the level of satisfaction of all relevant actors and increase the attractiveness of the business climate.

As discussed in the theoretical framework, there are six factors influencing digital transformation: technological, organisational, legal, ethical, social / cultural, economic / financial [Barcevičius et al., 2019]. The approach of the Dutch government can be characterized by the high level of citizen-orientation, utilization of the potential of ICT for the democratic constitutional state. The main characteristics of the Dutch approach are goal setting, action points, context analysis, service improvement, citizen engagement and participation, transparency, accessibility, target-group oriented, research based, decentralization. Other characteristics concern legal frameworks, ethics. The approach of the German government is characterized by central coordination and strategic planning. The main characteristics for the German approach are central coordination, strategic planning, requirements and standards, information, communication, transaction, legal frameworks, economic / financial. Overheidsloket 2000 was driven by citizen orientation, research, cross-departmental collaboration, practice based. BundOnline 2005 revolved around putting the appropriate IT infrastructures, requirements and standards into place.

The countries have common ground when it comes to cost-effectiveness and efficiency. But also, in this aspect, the motivations behind the decisions differ. In the Netherlands corresponding analysis and research was conducted for the development of overarching systems, digital sustainability of information, legal frameworks. As well as the simplification of already existing data by introducing personal identification numbers, developing basic register systems for the government and referral indices to simplify information exchange between government agencies. In Germany, the government also aimed for the cost-effective and efficient use of resources. The aim of BundOnline 2005 is more technologically oriented; efficient use of IT and software. In this policy document, cost-effectiveness refers to the development and use of IT structures, software and procedures. Both countries have a decentralized structure of government, and also indicated that the responsibility for implementation of e-Government initiatives lays at decentralized levels of government. However, there

is a difference between what both countries understand as the responsibility of decentralized levels of government. Now, combining the results of this research with the research of Barcevičius et al. [Barcevičius et al., 2019], several conclusions can be made. The design of the Netherlands is characterized by bottom-up innovations and incremental innovations. In 1995, experiments and digital innovations had already been taken place at different levels of government (central and decentral). Therefore, the policy note focused on the exchange of experience and existing techniques and started initiating incremental innovations together with a wide range of stakeholders. The design of Germany is characterized by top-down and disruptive innovations. The results of this article clearly demonstrate that the main focus of BundOnline 2005 was setting the standard at the federal level and to distribute it to the federal states. Subsequently, the federal states, ministries, departments were responsible in developing sector specific strategies. In the implementation plan of BundOnline 2005, information is provided about responsible ministries, only little information is provided about the role of different federal states in this process of change.

Now it has become visible how the countries differ in initial approaches in the first phases of digitalization. At the time of development as well as the following years, the role of the EU increased significantly, since digitalization offers great opportunities for improving Europe's competitiveness and strengthening the (digital) single market. The rise of EU initiatives impacts the (digital) development of Member States. However, based on the nature of a Member State, priorities can differ. The Netherlands is active and competitive, attention is paid to turning uncertainties and threats into opportunities and points of improvement, accessibility and inclusion. The Netherlands started experimenting with digital democracy through different societal projects. In Germany, the main focus is still laid on the improvement of the digital infrastructure. The unequal development of internet networks throughout the country negatively impact the overall performance of the country. The federal government prioritizes digital skills and education policy in the framework of digital policy. Data security and privacy lay at the core of digitalization in Germany.

CONCLUSION

The aim of this article was to compare the policy designs of the Netherlands and Germany in the area of digital technologies in public administrations. The decision was made to focus on specific elements of the policy documents. There was looked at initiation, approach, government service counter initiatives, the role of the government. Not enough words have been used to substantiate the cultural differences in the perspectives on the exact same manner. Efficiency is something completely different in the eyes of a German or a Dutch person. This does not mean that one is right and the other is not, it means that in research some elements of intercultural sensitivity should be incorporated when looking at different systems.

It is necessary to put everything into perspective and refer to one last source which was not discussed in this article. Fortunately, research conducted for the Directorate-General Networks, Content & Technology of the European Commission [European Commission..., 2019], does incorporate intercultural sensitivity. The report

on the development of e-Government of EU Member States takes the expectations of citizens into consideration when drawing final conclusions about the current state of affairs of a specific country. One example based on that report; just because Germany scores low on e-Government indicators, it does not mean that the citizens are not satisfied with the services provided by the government, it meets citizens' needs and expectations.

The kick-off of introducing digital technologies in public administrations was far from finalized. In 1996, party member of PvdA (NL) stated,

The digital memory of the government suffers from Alzheimer: once the memory gets erased, it will never return. The danger of a government with dementia is not unimaginative. The problems around hardware, software, document management are not minor, and should not be underestimated. The developments on the digital terrain are lightning fast and are catching up with the current state of affairs [Tweede Kamer, 1996, p. 1].

References

Barcevičius E., Cibaitė G., Codagnone C., Gineikytė V., Klimavičiūtė L., Liva G., Matulevič L., Vanini I. European Commission, Joint Research Centre. *Exploring Digital Government Transformation in the EU*, ed. by Gianluca Misuraca. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2019. <https://doi.org/10.2760/17207>.

BMI (Federal Ministry of the Interior, Building and Community). *Umsetzungsplan für die eGovernment-initiative BundOnline 2005 (Stabstelle Moderner Staat—Moderne Verwaltung)*. Berlin, Bundesministerium des Inneren (BMI), 2001.

BMWi (Federal Ministry for Economic Affairs and Energy), n. d. "Digital Agenda". BMWi. Available at: <https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Artikel/Digital-World/digital-agenda.html> (accessed: 18.04.2020).

BMWi (Federal Ministry for Economic Affairs and Energy). *White Paper Digital Platforms*. Berlin, BMWi, June, 2017. Available at: https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Publikationen/white-paper.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (accessed: 06.05.2020).

BZK (Ministry of Interior and Kingdom Relations). "Digitale overheid op goed peil". *Rijksoverheid*, 2016. Available at: <https://www.rijksoverheid.nl/onderwerpen/digitale-overheid/nieuws/2016/10/12/digitale-overheid-op-goed-peil> (accessed: 06.05.2020).

Chadwick A. "E-government | political science". Britannica, 2016. Available at: <https://www.britannica.com/topic/e-government> (accessed: 15.04.2020).

Digital Industry Alliance, n. d. "About us". *Digital Industry Alliance*. Available at: <https://digital-industryalliance.eu/about-us/> (accessed: 10.05.2020).

European Commission, & Directorate-General of Communications Networks, Content and Technology. *eGovernment Benchmark 2019 country factsheets*. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2019. <https://doi.org/10.2759/641548>.

EZK (Ministry of Economic Affairs and Climate Policy). *Nederlandse digitaliseringsstrategie 2.0 (122042)*. EZK, 2019. Available at: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/rapporten/2019/07/05/nederlandse-digitaliseringsstrategie-2.0> (accessed: 06.05.2020).

Janowski T. "Digital government evolution: From transformation to contextualization". *Government Information Quarterly*, 2015, vol. 32 (3), pp. 221–236. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2015.07.001>.

PwC. *Die vernetzte Verwaltung: Digitalisierung aus der Bürgerperspektive*. Germany, PricewaterhouseCoopers, 2017.

Schröder C. *Herausforderungen von Industrie 4.0 für den Mittelstand*. Bonn, Friedrich Ebert Stiftung, 2016. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/wiso/12277.pdf> (accessed: 08.05.2020).

Tweede Kamer (The House of Representatives). J. Kohnstamm (BZK). *Information services publicsector*. Kamerstuk 20644 | nr. 23, nota. Tweede Kamer der Staten-Generaal. 1995. Available at: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/kst-20644-23.html> (accessed: 18.04.2020).

Tweede Kamer (The House of Representatives). *Report of general consultations (Information services public sector)*. Kamerstuk 20644 | nr. 26. Tweede Kamer der Staten-Generaal. 1996. Available at: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/kst-20644-26.html> (accessed: 18.04.2020).

Zahran I., Al-Nuaim H., Rutter M., Benyon D. A Critical Analysis of E-Government Evaluation Models at National and Local Municipal Levels. *The Electronic Journal of E-Government*, 2015, vol. 13 (1), pp. 28–42. Available at: <http://www.ejeg.com/issue/download.html?idArticle=419> (accessed: 01.05.2020).

Christina Maria Feenstra — Student; kingafeenstra@gmail.com

Received: August 7, 2020

Accepted: August 21, 2020

For citation: Feenstra C. M. Back to the beginning of the future: Comparing digital policies of the Netherlands and Germany. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 360–374. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.304> (In Russian)

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФИИ Т. ГОББСА

Б. З. Цанава

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассмотрено понятие политического в философии английского мыслителя Томаса Гоббса (1588–1679). Автор отмечает ключевые концепты для понимания понятия политического у этого философа, такие как метод его философии, антропологические воззрения и идея естественного состояния. Автор показывает мыслительный путь философа к понятию политического, начиная с попытки преодоления Гоббсом недостатков современной ему философии и желания создать науку о политике, в основу которой будет положено разумное рассуждение. Гоббс противопоставляет ораторскому искусству свой разумный метод поиска политической истины: по мнению философа, от ораторского искусства государству больше вреда, чем пользы, так как в руках эгоистичных и тщеславных индивидов оно превращается в инструмент достижения личных целей, нежели общего блага. Антропологические воззрения Гоббса позволяют ему описать весь ужас и несправедливость естественного, дополитического состояния, в котором любой эгоистичный, но разумный индивид с помощью правильного метода придет к мысли об учреждении государства. Автор отмечает, что в философии Гоббса отдельного внимания заслуживают понятия тщеславия и страха, так как именно они являются причинами крушения и создания государств. Таким образом, понятие политического у Гоббса неотделимо от рассуждения, основанного на разуме, так как без него эгоистичные индивиды не смогут услышать голос разума, учредить Левиафан и перейти в политическое состояние. Общественный договор, получаемый в результате разумного рассуждения эгоистичных индивидов, представляет собой вершину понятия политического, так как до него не существовало ни самого политического состояния, ни граждан.

Ключевые слова: Гоббс, естественное состояние, Левиафан, антропологический пессимизм, общественный договор.

Томас Гоббс не зря заслуживает звания янусоподобного теоретика, так как его учение может быть плодородной почвой для диаметрально противоположных интерпретаций. С одной стороны, он задумывал создать стройную и понятную систему мысли, в которой естествознание плавно переходит в учение о человеке, а затем — в учение о государстве. Но, с другой стороны, его философия была крайне чувствительна к политическому и интеллектуальному климату и подвержена постоянной эволюции. Тем не менее можно проследить единое понимание понятия политического в идеях философа о методе политической науки, антропологических воззрениях и концепции естественного состояния.

Например, Л. Штраус, характеризуя философию Гоббса в целом, отмечал, что для ее генезиса характерны определенные процессы: 1) отход от идеи монархии как лучшей формы искусственного государства; 2) отход от признания естественных обязательств как основания морали, закона и государства, выводимого из морали, от признания существования государства на основе природы (и, таким образом, отказ от любых естественных обязательств); 3) отход от признания сверхчеловеческой власти — независимо от того, основана ли власть на Божественном откровении или возникает в силу естественного порядка, основанного на Божественном разуме, — в сторону признания исключительно искусственного основания государственной власти; 4) отход от изучения прошлых и настоящих государств в сторону изучения свободной конструкции будущего государства; 5) отход от гордости к страху насильственной смерти как основополагающему принципу рассуждения [Strauss, 1952, p. 129]. Однако ключевым тезисом Штрауса является то, что политическая философия Гоббса сформировалась задолго до его знакомства с естествознанием, которое затем послужило лишь дополнительным обоснованием его политических идей. Так или иначе, окончательные воззрения Гоббса по поводу одной из основополагающих концепций его политической философии — концепции свободы — были изложены в «Leviathan» и с безусловной опорой на его метафизическое учение о теле и движении. Более того, Гоббс, работая над «De Corpore» — своим главным трактатом по теоретической философии, делает перерыв в 1949 г., чтобы написать свой magnum opus по политической теории. Другими словами, именно в разгар метафизических размышлений философа появляется «Leviathan».

Более того, Штраус, очевидно, допускает ошибку при оценке влияния гуманистической традиции, делая упор на интерпретацию классических текстов. К. Скиннер отмечает, что Гоббс в ранних работах по политической философии — «The Elements» и «De Cive» — пытается заменить базис гуманистической политической науки другими предпосылками, основанными на разумном рассуждении. Однако если мы обратим внимание на понимание политической науки в «Leviathan», то мы обнаружим, что это отнюдь не новая версия его ранней теории, а новая теория, противоречащая старой: судя по всему, этот возврат обоснован тем, что Гоббс хотел обратиться к тем аспектам, которые он раньше упустил. «The Elements» и «De Cive» основаны на убеждении, что политическая наука должна превзойти техники убеждения, связанные с ораторским искусством и «украшением» истины, и отречься от них (см.: [Skinner, 2002, p. 87–142]). В «Leviathan» Гоббс, наоборот, апеллирует к гуманистической предпосылке, что если истины разума должны быть широко распространены, то методы науки следует дополнить усиливающим их силу искусством красноречия. Более того, согласно Скиннеру, латинская версия «Leviathan» 1668 г. является самым риторическим произведением Гоббса из всех [Skinner, 2002, p. 81]. Отчасти это можно объяснить тем, что Гоббс хотел повлиять на другую целевую аудиторию, чем в ранних работах, так как «The Elements» и «De Cive», скорее всего, предназначались образованной элите, а не широкому кругу читателей. Тем не менее встает вопрос: как этот возврат к ораторским техникам убеждения мог повлиять на понятие политического в философии Гоббса?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к одному из первых текстов Гоббса, его вступительному эссе к «Истории» Фукидида — «Of the Life and History of Thucydides». В этом произведении Гоббс очерчивает некоторые проблемы, которые в дальнейшем становятся основополагающими для его политической философии. В первую очередь это противопоставление между демагогом и тем, кто действительно пытается найти истину и быть полезным государству. Это противопоставление отчетливо проявляется в фигурах Фукидида и Дионисия Галикарнасского. Гоббс пишет: «Цель Дионисия заключается в улажении настоящего слушателя, в то время как Фукидид считает, что его цель — оставить свой труд для вечного владения потомков» [Hobbes, 1843, р. XXVII]. Гоббс обращает внимание на тот факт, что народ легко поддается убеждению со стороны демагогов, которые специально настраивают толпу против тех, кто с ними не согласен: он отмечает, что «в те дни было невозможно дать полезный совет государству, не навлекая на себя недовольство людей» [Hobbes, 1843, р. XVI]. Поэтому Гоббс винит демагогов в развязывании Пелопоннесской войны. Он пишет: «...по их мнению, они обладали такой силой, которая позволила бы им достигнуть любой цели, однако такие люди только влияли на собрания и почитались как мудрейшие и лучшие люди своего государства, которые вовлекли его в опасные и отчаянные предприятия. Когда кто-нибудь давал им умеренный и осторожный совет, его не понимали и называли трусом, который оклеветал их власть. И неудивительно, что для большего благополучия (к которому они уже за долгие годы привыкли) человек влюбляется сам в себя; поэтому сложно для каждого человека одобрить совет, который вынуждает любить себя меньше» [Hobbes, 1843, р. XVI]. Гоббс превозносит Фукидида, который осмелился указать на пагубное влияние сочетания красноречия и тщеславия на государство. «На разных примерах он подчеркивает соревнование и конкуренцию среди демагогов за репутацию и славу остроумия: с их противоречивыми между собой советами в ущерб обществу; непоследовательность решений, вызванную разнообразием целей и силой ораторского искусства; отчаянные действия, принятые под воздействием лестных советов, чтобы захватить или удержать власть и влияние среди обычных людей» [Hobbes, 1843, р. XVI–XVII].

В зрелых работах по политической философии Гоббс попытается разрешить проблему, поставленную Фукидидом: проблему страстей (усиленных ложным убеждением и подкрепленных целенаправленным красноречием), ведущих к войне [Scott, 2003, р. 119]. Этому он противопоставляет последовательную науку о добродетели и пороке, или, вернее, «метод достижения добродетели и избегания порока» [Strauss, 1952, р. 130]. Таким образом, понятие политического для Гоббса является предметом рационального метода рассуждения, с помощью которого каждому человеку будет доступно познание политической истины. Кроме того, Гоббс разводит сами понятия политической истины и ораторского искусства. Тем не менее в «Leviathan» он возвращается к ораторскому искусству не как к источнику политической истины, а как к инструменту убеждения политической истины, полученной в результате научного познания.

Чтобы подчеркнуть тот факт, что ораторские приемы не приводят к истине, он намеренно разделяет истину и ораторское искусство в работах древ-

них историков. «Истина составляет душу истории, а ораторское искусство — ее тело. Последнее без первого лишь картина истории, но первая без второго не способна обучать» [Hobbes, 1843, р. XX]. «Душа» в этом смысле бессмертна, в то время как «тело» является изменяющимся и мимолетным элементом. Поэтому, возвеличивая работу Фукидида, Гоббс отмечает, что «он не писал свою историю, чтобы услышать сегодняшние аплодисменты, как было принято в то время, но чтобы создать монумент для наставления грядущих поколений, озаглавив свою книгу “собственность вечности”» [Hobbes, 1843, р. XXI]. Можно сказать, что у Фукидида Гоббс находит главные причины общественных потрясений в неуправляемых человеческих страстях и красноречии, которое способно оспорить и вынести на обсуждение любое понятие и идею.

Противопоставление основанной на беспристрастном разуме вечной истины, которая способна предотвратить войны и катастрофы, и сиюминутных мнений, подкрепленных страстями и ораторским искусством, вынуждает искать новые основания для точной науки политики. Для Гоббса «философствовать — значит восходить из пещеры к свету солнца, т. е. к истине. Пещера — мир мнений, в противоположность знанию» [Штраус, 2007, с. 18]. Таким образом, первичным импульсом для политической философии Гоббса была ни вера и ни любопытство, но сомнение в том, что прежние моралисты и риторы действительно искали политическую истину, а не отстаивали отдельные мнения. Как потом отметит М. Оукшотт, скептицизм во времена Гоббса везде витал в воздухе, но «в век скептиков он был самым радикальным из всех них» [Oakeshott, 1975, р. 11].

Скептицизм к гуманистической традиции вместе с увлечением Гоббса естественными науками приводят его к проблеме не самой идеи политической науки — в возможности существования которой он не сомневался, — а ее метода, который становится для Гоббса главным вопросом после изучения Евклида [Strauss, 1952, р. 136]. Именно в геометрии Гоббс находит идеал четкого и непротиворечивого научного знания, который он затем попытается перенести в сферу политики. Это влияние уже заметно в самом названии первого систематического трактата Гоббса о политике — «The Elements of law», которое намеренно напоминает о «The Elements of Geometry» — названии первого трактата Евклида, впервые переведенного на английский в 1571 г. [Skinner, 2002, р. 75]. В этом трактате Гоббс противопоставляет математический и догматический подходы к изучению природы разума и страстей. Он выделяет два типа людей, которых называют учеными: первые зовутся математиками и получают знание из четких принципов, а вторые — догматики — заимствуют максимы из своего образования, авторитета или обычая. Гоббс пишет: «...те, кого мы зовем математиками, освобождены от порождения противоречий, и их познание не может быть поставлено под вопрос, в то время как всему виной догматики, которые недостаточно образованны и вынуждены страстно отстаивать свои мнения в погоне за истиной без единой демонстрации доказательств, без отсылки к опыту или даже без отсылки к непротиворечивым местам в Библии» [Hobbes, 1810, р. 73–74]. Интересно отметить, что введение к «Истории» Фукидида — «Of the Life and History of Thucydides» — является текстом, определенно относя-

щимся к гуманистической традиции [Skinner, 2002, р. 5], в то время как в «The Elements» впервые проявляется новый образ мышления, с помощью которого Гоббс пытается восстать против этой же традиции. В этом трактате философ предпринимает попытку создать определенный тезаурус понятий, с помощью которого можно будет избежать двусмысленности и стать на шаг ближе к настоящему знанию о природе человека, государства и закона (см.: [Danford, 1980, р. 102–134]). К. Скиннер подмечает, что «его проект лучше понимать не как реакцию на скептицизм как эпистемологическую доктрину, но как реакцию на режим аргументации, характерной для риторической культуры гуманизма. Гоббс стремится заменить диалогический и антидемонстративный подход к моральному размышлению, основанный на гуманистическом предположении, что всегда существуют две стороны вопроса и поэтому в политической науке всегда будет возможно аргументировать за обе стороны» [Skinner, 2002, р. 79]. Поэтому его первоначальной задачей было создание четких понятий, из которых затем можно было последовательно сделать выводы о физике, человеке и политике.

Тем не менее попытка создания тезауруса, судя по всему, так и не увенчалась успехом, поскольку Гоббс не выстраивает четкой иерархии между понятиями — другими словами, ему нужна была общая точка отсчета, единая формулировка метода, которая позволила бы ему один за другим выводить остальные понятия натурфилософии и политической науки. Однако один элемент его философии с тех пор станет основным — материалистическое воззрение на человека. Он пишет, что «слова и понятия есть не что иное, как движение внутренней субстанции в мозгу, которая не останавливается там же, а продолжается к сердцу, где по необходимости оно или помогает, или мешает главному движению, называемому жизненным: когда оно помогает, это называется восторгом или удовольствием... когда же это удовольствие направлено на предмет, мы называем это любовью, но когда такое движение ослабляет или мешает жизненному движению, тогда это называется болью, а по отношению к ее причине мы проявляем то, что называется ненавистью» [Hobbes, 1810, р. 31]. Фактически Гоббс поставил проблему человеческих страстей как индивидуальных побуждений к влечению или отвращению к тем или иным вещам и, как следствие, изначальной субъективности понятий добра и зла. «Каждый человек называет добром то, что приносит ему восторг и удовольствие, и злом — то, что ему не нравится: так что в то время, как люди разнятся друг от друга по физическим качествам, они также отличаются тем друг от друга касательно различия добра и зла» [Hobbes, 1810, р. 32]. Гоббс, по сути, утверждает природный релятивизм человеческой природы, уходящий корнями в представление о человеке как материальном теле. Следовательно, можно только согласиться со Штраусом, что «это был Макиавелли, тот великий Колумб, открывший материк, на котором Гоббс смог воздвигнуть свое сооружение» [Штраус, 2007, с. 170].

В завершеном виде формулировку метода мы уже находим в систематической попытке Гоббса изучить природу тела, человека и государства — в первой части трилогии «Elements of Philosophy». Изначально Гоббс задумывал путь к политической науке через познание движения физических тел, от них к познанию природы человеческого тела и только потом к познанию более

сложных тел — государств, т. е. политических тел. Однако Гоббс сначала публикует третью часть — «De Cive» — и только затем переходит к первым двум. Эту непоследовательность он объясняет так: «...в моей стране незадолго до того, как развернулась гражданская война, разгорелись споры, ставшие настоящими провозвестниками войны, касающиеся права суверена и обязанностей гражданина. Поэтому так произошло, что последняя часть первой вышла в свет, а также потому, что я понял, что основанная на собственных принципах, достаточно известных из опыта, она не нуждается в предыдущих частях» [Hobbes, 1841, р. XX]. Отсюда возникает ключевой вопрос: как возможно создание последовательной политической философии, основанной на материалистическом воззрении о человеке, если метод был описан после изложения политической философии? Значит ли это, что политическая философия Гоббса может быть проинтерпретирована вовсе без отсылки к его натурфилософским изысканиям?

По его мнению Штрауса, «политическая философия Гоббса по своей задумке основана на знании и самоанализе личности, а не на общей научной или метафизической теории» [Strauss, 1952, р. 29]. Следовательно, политическую философию Гоббса можно интерпретировать без отсылок к работам по натурфилософии. И действительно, мы можем найти в тексте двусмысленную формулировку метода размышления: «Философия морали и государства не соединены так сильно друг с другом, и их можно разделить. Так как причины душевных движений известны не только в результате размышления, но и из наблюдения за чувствами из собственного опыта. И поэтому не только те, кто достиг познания страстей и душевных волнений посредством синтетического метода, с самого первого принципа философии, могут в дальнейшем достичь понимания причин и необходимости создания государства, познать, что такое естественное право и что такое гражданские обязанности» [Hobbes, 1839, р. 73]. Гоббс продолжает: «...принципы политики состоят из знания душевных движений, а также знания чувств и воображения; но даже тот, кто не изучал первую часть философии, называемую геометрией и физикой, может, несмотря на это, изучить принципы философии государства, используя аналитический метод. Так как если рассмотреть вопросы о том, справедливо ли какое-нибудь действие или несправедливо, противно ли оно закону как распоряжению того, у кого есть право принуждать, и является ли источником этого права объединенная воля людей, собранная, чтобы обеспечить жизнь в мире, то в итоге мы обнаружим, что желания и страсти людей должны быть ограничены какой-нибудь властью или иначе всегда будет война» [Hobbes, 1839, р. 74]. В предисловии к «Leviathan» Гоббс даже приводит поговорку «Nosce te ipsum» — познай самого себя — и пишет, что по аналогии можно прийти к познанию человеческого поведения, так как «в силу подобия мыслей и страстей у одного человека любой, кто посмотрит внутрь себя и рассмотрит то, что он делает, когда он думает, высказывает мнение, рассуждает, надеется, боится и т. д. и в силу каких мотивов, также познает мысли и страсти других людей, оказавшихся в похожей ситуации» [Hobbes, 1839, р. XI]. Как следствие, система политической философии Гоббса представлена как наслаиваемые друг на друга пласты саморефлексии.

Но значит ли это, что метод политической философии абсолютно независим от естественной философии Гоббса?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к самой формулировке метода. Большинство комментаторов, в том числе и Штраус, соглашаются, что метод Гоббса можно назвать резолютивно-композитивным, или, другими словами, аналитически-синтетическим. По Гоббсу, «не существует такого метода, с помощью которого мы смогли бы найти причины вещей и который не был бы ни сложением (composition), ни разложением (division or resolution), ни частично сложением и разложением» [Hobbes, 1849, p. 66]. Учитывая, что Гоббс допускает основанное на самоанализе изучение политики аналитическим путем, можно сказать, что его политическая теория вполне автономна от естественнонаучных изысканий, однако это не совсем так.

Ответ на этот вопрос кроется в самой формулировке предмета науки. Гоббс пишет, что «любой, кто желает познать происхождение и свойства тел, увидит, что их существует всего два вида и они сильно отличаются друг от друга. Тела первого вида являются продуктами природы и называются естественными, а тела второго вида называются государствами (commonwealth), так как они происходят из воли и соглашения (agreement) людей. Отсюда происходят два типа философии: естественная и политическая (civil). Но ввиду того, что для изучения государства необходимо знать склонности, страсти и нравы людей, политическая философия также распадается на две части, где первая изучает склонности и нравы людей — этика, и вторая, изучающая гражданские обязанности, — политика или политическая философия (civil philosophy)» [Hobbes, 1840, p. 11]. Дьявол кроется в деталях: с одной стороны, Гоббс разделяет различные виды тел, но с другой — предметом философии выступает «любое тело, происхождение которого мы можем узнать и которое мы можем рассмотреть, сравнив его с другими телами, или в котором могут происходить соединение и разъединение; т. е. каждое тело, происхождение и свойство которого мы можем узнать» [Hobbes, 1840, p. 10]. Следовательно, начальной точкой политической философии Гоббса является изучение тел и их свойств, с одним лишь исключением, что сами тела могут иметь естественное происхождение или искусственное, при этом тела второго вида, т. е. государства, состоят из тел первого вида, т. е. людей. Учение о человеке, таким образом, является точкой соприкосновения физики и политики. Более того, материалистическое воззрение на психологию человека проявляется как в ранней работе «The Elements», так и в «De Cive» и «Leviathan».

Штраус подмечает этот момент, но приходит к выводу, что политическая философия Гоббса уходит корнями в его антропологические воззрения, это дает основание сказать, что дело не только в методе философствования [Strauss, 1952, p. 8]. Отчасти с этим можно согласиться, но ключевой в данном вопросе является проблема концепции свободы в политической философии и ее зависимость от концепций движения и влечений в натуральной философии Гоббса. Ввиду этих размышлений стоит обратить внимание на замечание М. Оукшотта: «...политическая философия принадлежит философской системе не потому, что она материалистическая, а потому, что она философская и исследование

характера этой системы, как и место политики в ней, сводится к изучению того, что Гоббс рассматривал как суть философии» [Oakeshott, 1975, p. 17]. Идеал научного знания, по Гоббсу, заключается не столько в самой геометрии и физике, сколько в их точности и стремлении к ясности. Для него идеал точности и однозначности и есть идеал знания, к которому новая наука о политике должна стремиться. Поэтому то, что связывает вместе всю философию Гоббса, включая политику и физику, отнюдь не нить дедуктивного материализма, но нить механистического объяснения. И эта нить называется движение, которое для Гоббса является концептуальным ключом к пониманию реальности [Gauthier, 2000, p. 2]. Именно через концепт движения метод Гоббса соединяется в когерентное учение с переходом от физики к антропологии и затем — к политике.

Человек, по Гоббсу, в первую очередь является телом, так как «под телом можно понимать то, что не зависит от нашего мышления, совпадает с определенной частью пространства и имеет равную с ней протяженность» [Hobbes, 1840, p. 102]. При этом важно отметить, что мысль как феномен начинается именно с ощущения: «...нет ни одной идеи в человеческой голове, которая не была бы целиком или частично порождена поверх органов ощущения» [Hobbes, 1839, p. 1]. В этом плане В. Дильтей справедливо отмечал, что «человек в понимании Гоббса — система физических частиц, которая обладает в сердце собственным централизованным движением, поддерживаемым возбуждающими его частицами воздуха. Посредством органов чувств эта система находится под постоянным меняющимся воздействием внешнего мира и приспособливает среду посредством внешних действий воли к потребностям своего сохранения» [Дильтей, 2013, с. 349]. Следовательно, человек является своего рода материальным объектом, который способен получать и анализировать информацию из внешнего мира, но тогда чем человек отличается от животного?

Ответ на этот вопрос кроется в языке. Наряду с материалистическим представлением о теле как предмете философии Гоббс развивает номиналистическую теорию языка (см.: [Bileztki, 1997, p. 225]). Без языка не было бы «ни государства (commonwealth), ни общества, ни договора, ни мира» [Hobbes, 1839, p. 3]. Кроме того, для Гоббса было важно показать, что язык — основа красноречия — может быть причиной общественных потрясений. Поэтому философ отмечает, что «если среди всех животных существ только человек способен благодаря общему значению слов придумать себе общие правила и сообразовать с ними весь строй своей жизни, то и он лишь способен следовать в своих действиях ложным правилам и внушать их другим, с тем чтобы последние также следовали им» [Гоббс, 1989, с. 235].

При этом человек как физическое тело испытывает разные воздействия от окружающих его объектов, что приводит к разделению в его сознании объектов на предметы влечения и отвращения. Существование определенных объектов влечения не есть акт выбора, скорее это акт осознания необходимости: этот аспект человеческой природы у Гоббса крайне иррационален. Очевидно, Гоббс хочет показать, что существует правдоподобное объяснение для всех особенностей психологии человека — чувства, воображения, мечты, влечения и отвращения — с точки зрения внутренних телесных движений [Gert, 1996,

р. 159]. Восприятие окружающего мира крайне субъективно, так как для «различных людей предметами влечения и отвращения являются различные вещи, то должно существовать много вещей, которые для одних — благо, а для других — зло; так, для наших врагов зло то, что для нас благо» [Гоббс, 1989, с. 239]. Таким образом, Гоббс вполне отчетливо передает дух времени Англии середины XVII столетия, провозглашая, что «добро и зло суть утверждения личного предпочтения и отвращения, на основании которых люди могли различаться и действительно различались» [Робин, 2007, с. 47]. Вдобавок ко всему люди накапливают опыт, почерпнутый из ощущений и их непосредственных переживаний, который Гоббс называет *prudence*. Наука (*science*) и практическая мудрость (*prudence*) не являются одной и той же вещью: Гоббс намеренно их разделяет. Если наука — безусловный источник истины, выраженной в теории по всем правилам ясности и на основе четких определений, то знание, взятое из опыта, имеет лишь партикулярную ценность, отражающую определенный аспект жизненного опыта отдельного человека. Если научное знание — это свет истины, то практическая мудрость лишь тени, отбрасываемые огнем на стену пещеры.

В естественном состоянии люди находятся в состоянии войны всех против всех. Гоббс пишет, что «в природе человека мы можем найти три главные причины разногласий: во-первых, это соперничество; во-вторых, это взаимное недоверие; в-третьих, это жажда славы» [Hobbes, 1839, p. 112]. Так как отношения между отдельными индивидами в естественном состоянии не регулируются, то, когда объекты влечения одних людей становятся также и объектом влечения других, возникает конфликт.

Гоббс пишет, что «у всех людей в естественном состоянии есть желание и воля, чтобы нанести друг другу вред, но причины этого желания различны и оцениваются по-разному. Согласно естественному равенству людей, один человек позволяет остальным то, что считает позволительным для себя: так мыслит сдержанный человек, который может правильно оценить свои силы. Другой человек, считающий себя выше остальных, будет считать для себя позволительным делать все, что ему угодно, а также требовать большего уважения и чести по сравнению с остальными: так поступают вспыльчивые люди. Желание нанести вред у этого человека возникает из его тщеславия и неправильной оценки собственных сил. Желание нанести вред у другого возникает из необходимости защищать себя, свою свободу и свое добро от тщеславного человека» [Hobbes, 1841, p. 7]. Таким образом, лейтмотивом осуществления насилия в естественном состоянии является стремление к наживе, безопасности или славе. Однако не только материальные блага становятся источником разногласий и, как следствие, войны. Гоббс пишет: «...когда люди считают себя умнее остальных и крикливо требуют справедливого разрешения спора судьей, добиваются лишь того, чтобы правильным рассуждением стало не рассуждение других людей, но только собственное: это так же неприемлемо в человеческом обществе, как в карточной игре, где при вскрытии козыря человек считает козырем ту масть, которой у него больше» [Hobbes, 1839, p. 31]. Следовательно, человек пытается удовлетворить не только свои индивидуальные материаль-

ные влечения, но и социальные. Это особенно проявляется в гордости и тщеславии человека. При этом человек стремится не единожды удовлетворить каждое свое желание, но также обеспечить удовлетворение желаний, которые могут появиться в будущем. Поэтому могущество человека заключается в текущем наличии средств «для получения в будущем какого-нибудь видного блага» [Hobbes, 1839, p. 74]. Как итог Гоббс во главу угла ставит «главную склонность всего человечества — вечное желание все большей власти, которое прекратится только со смертью» [Hobbes, 1839, p. 85–86].

Таким образом, человек является телом, которое вплоть до своей смерти подвержено хаотичному воздействию со стороны своих иррациональных призывов к влечению и отвращению к материальным и нематериальным благам. Человек движется в сторону от объектов отвращения к объектам вождения. Более того, все люди более или менее равны по своим способностям, однако некоторые переоценивают свои силы и склонны нападать на остальных, которые вынуждены защищаться. Отсюда выводится знаменитая формула *Bellum omnium contra omnes*, где «нет общества, но самое ужасное — есть нескончаемый страх и опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, противна, бессмысленна и коротка» [Hobbes, 1839, p. 113]. Страх насильственной смерти, так же как и гордость, играет у Гоббса определяющую роль в понимании природы человека. По сути, «именно гордость является той силой, что закрывает человеку глаза, а страх — силой, которая заставляет человека видеть» [Strauss, 1952, p. 130].

Эту мысль интересно выражает М. Оукшотт: «...человеческая жизнь является напряжением между гордостью и страхом; в свете каждой из этих страстей другая становится более понятной, вместе же они определяют те неоднозначные отношения, в которые вступают между собой люди. Они нуждаются друг в друге, потому что без других не может быть и успеха, признания превосходства, не может быть почестей и славы, не может быть настоящего счастья; и все же, тем не менее, каждый человек — это враг каждого человека и находится в соревновании друг с другом в борьбе за превосходство, и он не может не знать, что в этой гонке можно потерпеть неудачу» [Оукшотт, 2002, с. 40]. Человек в понимании Гоббса становится разумным с того момента, когда он начинает испытывать чувство страха. Когда же он чувствует страх по отношению к возможным будущим событиям, он учреждает государство. Таким образом, Гоббса можно назвать «первым теоретиком, увидевшим и стимулировавшим потенциал политического страха и то, как он мог помочь установить моральный язык и политические коды общества, утратившего этот язык и эти коды» [Робин, 2007, с. 40].

Сейчас мы подошли к наиболее важному теоретическому аспекту философии Гоббса: как рассматривать суть естественного состояния? Крайне ошибочно видеть в естественном состоянии определенную попытку ретроспективно взглянуть на дополитическую историю человечества. Квазиисторический аргумент Гоббса является крайне амбивалентным: «...вполне возможно, что кто-то подумает, что никогда не было такого времени и состояния войны, как это; и я думаю, что в целом этого состояния не было во всем мире, но существует много мест, в которых живут именно в таком состоянии. У дикарей в Америке

нет никакого правления, кроме правления маленьких семей, согласие которых держится на природном вождении, и в таком звероподобном состоянии, которое я показал ранее, они живут и до сих пор» [Hobbes, 1839, p. 114]. С одной стороны, этого состояния, по сути, и не было, но с другой — оно где-то все же существует. При этом война всех против всех — это не просто историческая ступень развития, а период времени, «когда люди живут без общей власти, которая держит их всех в страхе» [Hobbes, 1839, p. 112–113]. Можно ли тогда отнести период гражданской войны к естественному состоянию? То есть к периоду, не когда Левиафана еще нет, но когда Левиафан «погибает»?

А. Филиппов отмечает интересный парадокс в естественном состоянии у Гоббса: отнять можно только то, что является собственностью, — нельзя отнять то, что никому не принадлежит [Филиппов, 2009, с. 154]. Так же как и заработать славу невозможно только среди себя — нужны зрители этой славы и другие люди, в сравнении с которыми тщеславный человек будет тешить свое самолюбие. Значит ли это, что гражданское общество всегда предшествует естественному состоянию? Гоббс дважды иллюстрирует движение по нисходящей от гражданского состояния к естественному: в первый раз во вступительном эссе к «Истории» Фукидида и во второй — в описании истории гражданских войн в Англии (см.: [Hobbes, 1840, p. 165]). При этом важно отметить, что для Гоббса принципиальным является понимание войны не как акта сражения, но как «промежутка времени, в течение которого проявляется стремление к соперничеству через вступление в битву» [Hobbes, 1839, p. 113].

Следовательно, естественное состояние является скорее гипотетической моделью будущего или настоящего сценария развития событий, если граждане не выполняют свои обязательства, чем ретроспективной моделью объяснения происхождения государства и общества. Этот вывод позволяет ухватить антипримитивистскую интенцию гоббсовского теоретического построения, потому что Гоббс постоянно противопоставляет ужас естественного состояния порядку гражданского состояния, состояния искусственности. Как отмечал Штраус, «до него (Гоббса) термин “естественное состояние” принадлежал скорее христианскому богословию, чем политической философии. Естественное состояние отличалось по преимуществу от состояния благодати и подразделялось на состояние непорочного естества и состояния падшего общества. Гоббс отбросил это разделение и заменил состояние благодати состоянием гражданского общества» [Штраус, 2007, с. 176].

Более второстепенным для понимания философии Гоббса является вопрос о том, заканчивает ли акт создания Левиафана войну в обществе, уже впадшем в естественное состояние, или скорее создает новое общество. В этой связи стоит учитывать, что на время жизни Гоббса пришлось много общественных потрясений, в том числе и гражданская война, и ликвидация монархии. Беря в расчет общую антипримитивистскую направленность философии Гоббса, можно сделать вывод, что для получения актуальной на тот момент практической пользы, к которой так стремился сам Гоббс, учение о Левиафане должно было быть направлено больше на «воскрешение» мертвого Бога, нежели на его создание с чистого листа.

Лавджой справедливо отмечал, что писатели, интересующиеся главным образом политической теорией, склонны рассматривать только юридическое естественное состояние (*the juristic state of nature*). Естественное состояние для этих теоретиков — это состояние невыносимого зла, от которого можно найти только одно спасение — гражданское состояние [Lovejoy, 1935, p. 15]. Таким образом, естественное состояние — это скорее определенный мысленный эксперимент, с помощью которого гражданин пытается увидеть себя по ту сторону добра и зла, где он уже не гражданин общества, но атомарный индивид, не защищенный правовыми или моральными нормами. В естественном состоянии нет понятия справедливости и морали, потому что нет установленного общего критерия для всех.

Более того, Гоббс рассматривает проблему отдельно взятого человека и всего общества не так, как это делали его предшественники. Теперь человек по природе не является *zoon politikon*, частью метафизической системы или эсхатологии. В первую очередь он физическое тело, которое постоянно испытывает субъективное влечение и отвращение к объектам внешнего мира. Здесь важно понять ход мысли Гоббса: не общество предшествует человеку, а человек с субъективным пониманием добра и зла предшествует обществу, которое появляется тогда, когда отдельные люди по своей воле учреждают государство, чья главная задача — не раскрыть потенциал человека, а сдержать его деструктивную природу. В этом плане был совершенно прав К. Шмитт, когда утверждал, что «в аргументации, оправдывающей политический или государственный абсолютизм, природное злонравие человека всегда является аксиомой для обоснования авторитета государства, и как бы ни разнились между собой теоретические интересы Лютера, Гоббса, Босюэ, де Местра и Штала, этот аргумент у них всегда оказывается решающим» [Шмитт, 2005, с. 27].

Теперь главный вопрос звучит так: как образуется государство из совокупности эгоистических индивидов, которые любят властвовать над другими больше, чем любят мир, но при этом каждый из индивидов испытывает страх перед мучительной смертью? Гоббс формулирует интенции выхода из естественного состояния следующим образом: «...страсти, располагающие человека к миру, заключаются в страхе смерти, в желании иметь необходимые вещи для благой жизни и в надежде получить их через трудолюбие. А разум подсказывает определенные условия (*articles*), по которым люди могут прийти к соглашению (*agreement*). Эти условия называются естественными законами» [Hobbes, 1839, p. 116]. При этом важно подчеркнуть, что Гоббс намеренно разделяет понятия права и закона: «...право заключается в свободе что-то сделать или воздержаться, тогда как закон определяет или обязывает что-то делать или не делать. Следовательно, закон и право отличаются как обязательство и свобода, которые несовместимы одновременно по отношению к одному предмету» [Hobbes, 1839, p. 117]. В естественном состоянии, таким образом, сталкиваются две тенденции: с одной стороны, каждый человек имеет право на все, а с другой — разум (*right reason*) заставляет человека стремиться к миру. Очевидно, для Гоббса крайне важно подчеркнуть, что первоначальным условием получения любого блага является жизнь и только затем следуют остальные предметы

вожделения из внешнего мира. Признание ценности жизни «требовало от человека не отречения от своих представлений о добре и зле, а признания того, что как бы они ни определяли эти термины, прежде всего надо быть живым, чтобы искать первое и избежать второго. Другими словами, жизнь — это не сущностное, а инструментальное благо» [Робин, 2007, с. 48]. Таким образом, разумный человек, испытывающий страх, склонен пробовать установить мир с другими людьми любой ценой, несмотря на различия представлений о добре и зле.

Как следствие, первый естественный закон звучит так: «...каждый должен стремиться к миру, если он надеется достичь его. И если он его достигнуть не может, то он должен искать и использовать средства для получения преимущества в войне» [Hobbes, 1839, p. 117]. И второй: «...если другие согласны на мир, то человек в интересах мира обязательно должен отказаться от права на все вещи и отвести себе свободы столько же, сколько он отвел бы и другим людям по отношению к себе» [Hobbes, 1839, p. 118]. И хотя естественные законы не являются настоящими «законами», т. е. они необязательны — их исполнение или неисполнение не подкреплено наказанием суверена, — тем не менее они понуждают человека стремиться к миру и учредить общую власть (см.: [Taylor, 1938, p. 406–424]). Иначе говоря, естественный закон имеет силу тогда, когда он воздействует на разумного человека, рационального по отношению к тем вещам, к которым он испытывает влечение, и осознающего, что первым условием получения всех благ является собственная жизнь. Гоббс, таким образом, ставит на первое место блага этого мира, а не потустороннего, что подтверждает то, что человек в системе Гоббса является в первую очередь разумным телом, страх которого способен создавать правила для себе подобных.

Чтобы понять, как происходит трансформация суммы стремлений отдельных людей к миру в государство, Гоббс разрабатывает целый инструментарий, позволяющий ему прийти к концепции приписываемого действия (attributive action). Эта концепция важна, так как большинство может создать государство только тогда, когда оно превратит себя в искусственное лицо через уполномочивание некоторых естественных лиц или группы лиц для своей репрезентации [Skinner, 2002, p. 197]. Концепция приписываемого действия, таким образом, объясняет то, как мы можем считать поступки отдельных людей, даже находящихся на официальной должности, поступками определенной абстрактной общности — искусственного лица — государства (см.: [Pitkin, 1972, p. 330; Skinner, 2005, p. 155–184]). Переход от взаимоотношений между персонифицированным сувереном и подданными к отношениям между гражданами и искусственным лицом является ключевым в политической истории западных стран, так как «по мере того, как общества постепенно начинают развивать способы наделяния организаций правосубъектностью, вне зависимости от персональных качеств лидеров, они становятся способными к поддержанию более сложных организационных структур» [Норт, 2011, с. 89].

Под лицом (person) Гоббс понимает того, «чьи слова и действия рассматриваются как его собственные или как представляющие слова и действия другого человека или предмета, к которым эти слова и действия приписаны по существу или мысленно (by fiction)» [Hobbes, 1839, p. 147]. При этом лицо может быть как

естественное, так и искусственное. Оно может представлять одного или многих, если он или они до этого передали ему свое право. Фактически Гоббс предполагает, что действие может быть справедливо приписано лицу на основании его совершения представителем тогда и только тогда, если представитель был наделен полномочием (authorized) совершать это действие. Ключевой идеей здесь выступает сам факт наделения полномочием, а также возможность быть поручителем (author) и с тех пор находиться в состоянии предоставлять полномочия [Skinner, 2002, p. 183]. Как следствие, «слова и действия искусственных лиц признаются теми, кого они представляют. Тогда лицо является представителем (actor), а тот, кто признает своими его слова и действия, есть их доверитель (author)» [Hobbes, 1839, p. 148].

Перед тем как рассмотреть учреждение государства, необходимо прояснить, в каких формах возможно обращение индивида со своими правами. Гоббс прорабатывает несколько вариантов, при этом каждый из них является добровольным и осуществляется ради какого-нибудь другого блага. Во-первых, человек может сложить с себя право, что означает «лишиться свободы, помешать другому воспользоваться выгодой от того же самого права» [Hobbes, 1839, p. 118]. Во-вторых, человек может отречься от права, это означает, что «отказывающийся не интересуется тем, кто станет получателем блага от его права» [Hobbes, 1839, p. 118–119], либо перенести права на другое лицо, что значит передачу «блага от этого права определенному лицу или лицам (person or persons)» [Hobbes, 1839, p. 119]. Если передача прав осуществляется взаимно, то Гоббс называет это договором (contract) [Hobbes, 1839, p. 120]. Когда перенесение права осуществляется не взаимно, то это просто акт дарения (free gift). Особенно важным в этих двух случаях является то, что перенесения данного типа возможны только в прошлом или настоящем. Будущее выходит за рамки понятия договора и акта дарения.

Примечательно, что Гоббс является родоначальником и представителем традиции общественного договора в формулировке social contract. В то время как понятие договора, адресованного исключительно общественному соглашению, учреждающее государство, в самих сочинениях Гоббса обозначается отчетливым термином *covenant*, начиная с «The Elements», «De Cive» и продолжая в «Leviathan». С одной стороны, понятие *covenant* специально охватывает только будущее: «...когда одна сторона передает вещь, которую обещала по договору, и позволяет другой стороне выполнить обязательства к определенному сроку в будущем, оставаясь некоторое время должником, то тогда участие первой стороны в договоре называется пактом или соглашением (pact or covenant)... выполнение своих обязательств тем, кто должен их выполнить в будущем, называется сдержанием обещания (keeping of promise) или верностью, а в случае преднамеренного невыполнения — нарушением верности (violation of faith)» [Hobbes, 1839, p. 121]. Однако, с другой стороны, термин *covenant* имеет квазирелигиозный смысл, означающий принесение клятвы и актуализированный во время английской революции. Прочтение данного термина Гоббсом имеет полемическую направленность против договорной теологии (covenant theology) — направления в протестантизме и особенно в пре-

свитерианстве, в котором договор (covenant) заключался между человечеством и Богом. Гоббс был свидетелем создания движения в защиту пресвитерианской церкви — движения ковенантеров в Шотландии, которое на религиозной почве смогло вырвать авторитет из рук законного правителя, учредив договор между народом Шотландии и Богом о защите религии от притязаний Карла I. Более того, учреждение национального движения в Шотландии через договор было отнюдь не новым способом создания союзов: в 1581 и 1596 гг. шотландская знать и духовенство также заключали договоры с Богом о защите реформированной церкви [Martinich, 1992, p. 143].

А. Мартинич совершенно верно отмечает: «...нет сомнения, что Гоббс держал в голове шотландские договоры (covenant), когда писал “*De Cive*” и “*Leviathan*”. Договоры появились незадолго до работ Гоббса, и их формулировки способствовали краху основ правления Карла. Они были вызваны определенным типом дестабилизирующего политического использования религии, которому Гоббс так последовательно сопротивлялся» [Martinich, 1992, p. 146]. Далее Мартинич продолжает: «...для теологии ковенантизма ключевой идеей является репрезентация большинства или персоны. Согласно этой идее, с одной стороны, все люди согрешили через грех Адама, потому что он представлял все человечество, и с другой — все люди были спасены через Иисуса, так как он также представлял всех людей» [Martinich, 1992, p. 165]. Именно эта идея позволяет Гоббсу осуществить аналогичный перенос прав от конкретных людей на персону власти.

Здесь перед нами открывается возможность понять, почему Левиафан является «смертным Богом». Согласно значению термина *covenant*, Шмитт ближе всех подходит к описанию процесса появления государства: «...возрастающий страх индивидуумов, дрожащих за свою жизнь, конечно, вызывает появление Левиафана, некоей новой власти, но он скорее закликает появление нового Бога, а не творит его» [Шмитт, 2006, с. 153]. Действительно, по сути установление государства — т.е. выбор института всеобщего страха — происходит как дача клятвы: «...я уполномочиваю (authorize) этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия» [Hobbes, 1839, p. 158]. Но кем все же является эта искусственная персона, наделенная человеком нечеловеческой властью? Гоббс дает следующее определение: «...это одно лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного соглашения (covenant) между собой большое количество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет нужным для сохранения мира и общей защиты» [Hobbes, 1839, p. 158]. При этом очень важно то, что государство — седалище власти — воплощается не в реальной персоне того, кто является сувереном, и не в совокупности людей, которая его создала. По мнению К. Скиннера, в этом проявляется главное стремление Гоббса как теоретика политики: «...продемонстрировать, что если и есть какая-нибудь перспектива обретения гражданского мира, то наиболее полная верховная власть должна находиться не у народа и не у правителей, но всегда быть воплощена в фигуре “искусственного человека”» [Скиннер, 2002, с. 58].

Суверенитет не заключен ни в персоне правителя, ни в персоне управляемых: он трансцендентен и осязаем лишь до тех пор, пока остается сила в клятве, которая его породила. Тут проглядывается разительное отличие между дальнейшим ходом мысли Гоббса и прежних сторонников договорной теории государства: Гоббс настаивает, что суверен не является стороной общественного договора, в отличие от прежних теоретиков, считавших, что государство возникает из договора между сувереном и людьми. Гоббс сознательно избавляется от этой идеи, так как если суверен является стороной договора, то у него также возникнут обязательства, что, по мнению Гоббса, приведет к подрыву авторитета суверена [Martinich, 1992, p. 167].

Таким образом, «Левиафан возникает как мощное символическое снятие противоречий, возникающих между личинами участников договора» [Ямпольский, 2004, с. 380]. При этом Гоббс выражает акт создания государства в религиозном термине, имплицитно проводя аналогию между государством и Богом. Государство также трансцендентно своим подданным и естественной персоне суверена, как Бог трансцендентен совокупности верующих и церкви. Если подданные нарушают договор — клятву, данную при создании Левиафана, то смертный Бог покарает их так же, как Господь покарает грешника. Но почему этот Бог смертен? Ответ должен звучать так: он жив лишь потому, что подданные верят в его существование, верят в него как идею и соблюдают завет, данный в момент его создания. Поэтому государство есть не что иное, как идея, факт существования которой обоснован верой в нее граждан: сила же государства заключена в силе этой веры.

В погоне за легитимацией абсолютной власти суверена Гоббс доходит до архитектурных аспектов существования социального строя, запечатлев появление государства в современном смысле этого слова. Увидев в Левиафане действенный инструмент координации индивидуальных страстей посредством чувства страха за свою жизнь, он достиг пределов политической философии своего времени. Однако для него как теоретика государства не имеет особого значения рассмотрение конкретного институционального основания государственной власти. В предисловии к «De Cive» Гоббс признается: «...несмотря на то что в десятой главе я стремился убедить читателя, что именно монархия является лучшей формой правления, признаюсь, что этот тезис единственно не доказан, но только озвучен. Тем не менее я совершенно ясно заявляю, что любое государство (government) должно обладать верховной властью» [Hobbes, 1841, p. XXII]. Незамедлительным следствием этой идеи является то, что если любое государство происходит схожим образом и должно обладать верховной властью, то объем свободы для граждан при любой форме правления будет одинаковым. Данный тезис позволяет Гоббсу опровергнуть претензии своих неоримских оппонентов, идеи которых о том, что республика и смешанное правление — лучшие формы правления, нежели монархия, получили импульс к развитию после казни Карла I. Именно перенос вопроса о свободе граждан из классического конституционалистского дискурса о лучшей форме правления в более фундаментальный и абстрактный модус рассмотрения происхождения государства как такового позволяет Гоббсу вплотную подойти к современной идее государства как *state*.

Интересно также отметить, что Гоббс, по сути, выделяет два способа происхождения государства — посредством договора и посредством завоевания, — философ, судя по всему, думал, что договор также превращает множество в искусственное лицо с завоевателем в качестве его суверенного представителя. Но он ни разу не упоминает о представителе государства, когда анализирует завоевания суверенитета посредством приобретения или захвата [Skinner, 2002, p. 197]. Следовательно, настоящая сила суверена заключена не в действительной силе, с помощью которой он может насильственно заставлять людей подчиняться себе, а в определенной договоренности между управляющими и подчиняющимся, т. е. в легитимации собственной власти перед теми, кто является объектом этой власти.

Выражаясь в терминологии Гоббса, легитимация власти происходит тогда, когда граждане приписывают себе все действия своего представителя, т. е. государства. Все, что бы ни сделал суверен, должно относиться не к его собственным действиям, а к действиям тех, кого он представляет [Skinner, 2002, p. 200]. В этом плане Ямпольский совершенно верно отмечает, что «суверен возникает из вполне рационального общественного договора, сопровождающегося неожиданным переворачиванием ролей актера и актора. Но сам этот момент оказывается столь противоречащим его рациональным предпосылкам, что Бог вновь возникает в книге, правда уже как смертный Бог, как сотворенное чудовище Левиафан» [Ямпольский, 2004, с. 382]. Следовательно, в аргументации можно выделить две противоречащие друг другу тенденции мысли: с одной стороны, суверен создан людьми, но с другой — люди должны принимать его действия как само собой разумеющиеся и не могут вносить корректировки в осуществляемую им политику. Гоббс пишет: «...тот, кто уже установил государство и по соглашению обязался признавать действия и суждения другого как свои, не имеет права без его разрешения заключать новое соглашение, согласно которому они были бы обязаны подчиняться другому. Поэтому подданные монарха не могут без его разрешения ни разрушить монархию и вернуться к разобщенному состоянию, ни перенести полномочия на другого человека или собрание людей, так как они обязались каждый перед каждым признавать именно его действия своими и быть ответственными за все то, что суверен сочтет нужным сделать» [Hobbes, 1839, p. 160]. Судя по всему, тут мы подходим к ключевой проблеме: предпосылки, на которых основан Левиафан, вступают в противоречие со следствием, которое Гоббс выводит из этих предпосылок. Перед тем как рассмотреть этот аспект, необходимо более тщательно изучить обязательства суверена и гражданина.

Человек отказывается от своих прав в пользу суверена лишь с одной целью — чтобы установить мир. В этом плане суверен, по замечанию Шмитта, «не является “защитником” мира и спокойствия, исходящего от Бога (*defensor pacis*); он является творцом земного — и никакого другого — мира и спокойствия (*creator pacis*)» [Шмитт, 2006, с. 150]. Установление мира — его первоочередная задача, ради которой он концентрирует в своих руках абсолютную и неделимую власть. В том числе и власть устанавливать право, так как «до государства и вне государства никакого права не существует и ценность го-

сударства заключается как раз в том, что оно создает право, разрешая споры о праве» [Шмитт, 2005, с. 40]. Ради сохранения мира Гоббс предлагает отдать в пользу суверена свободу слова, власть над официальным религиозным культом, но самое важное — то, что его власть неделима и не может быть ограничена. «Если же суверен переносит на другого право управления войсками (the militia), то сохранение за собой права судебной власти будет бесполезным, ибо суверен не сможет привести законы в исполнение. Если суверен уступит кому-нибудь право взимать налоги, то пустым становится его право распоряжаться военными силами. Если суверен отказывается от права направлять те или иные учения, то страх перед потусторонним может толкнуть людей на восстание» [Hobbes, 1839, p. 167–168]. Таким образом, Гоббс противопоставляет мощь Левиафана идеалу смешанной конституции, который становится актуальным во время революции.

Обязанность гражданина имеет несколько аспектов. С одной стороны, это аспект, который раскрывает сам Гоббс, перечисляя, что гражданин должен и чего не должен делать, а с другой стороны, обязанности, вытекающие из того факта, что гражданин является человеком, который стремится к самосохранению. Фактически суверен отнимает у граждан все позитивные права, но тем не менее право на самосохранение в любой ситуации сохраняется уже не у гражданина, но у естественного лица, которое заключало договор. Поэтому Штраус справедливо отмечал, что у Гоббса «государство несет функцию не порождения или поддержки добродетельной жизни, но сохранения права каждого» [Штраус, 2007, с. 174]. Так как факт существования права на самосохранение предшествует государству и обосновывает его существование, можно сказать, что власть суверена ограничена именно этим правом. Импликации этого утверждения лучше всего раскрываются в полемике Штрауса со Шмиттом: «...право на сохранение голой жизни, в котором состоит естественное право Гоббса, в полной мере обладает характером неотъемлемого права человека, т. е. предшествующего государству, определяющего цель и границы государства, притязание индивидов; Гоббсово обоснование естественно-правового притязания на обеспечение голой жизни неизбежно ведет нас к созданию всей системы прав человека в смысле либерализма, если вообще не требует его» [Майер, 2012, с. 122]. Парадоксальность связи между всевластным Левиафаном и либерализмом прослеживается в том факте, что основной предпосылкой политической теории Гоббса является индивидуализм, с помощью которого отдельный человек рассматривается как естественное тело, предшествующее телу искусственному, т. е. социуму или государству. Таким образом, права индивида предшествуют государству, которое создается только с той целью, чтобы защитить базовое право для всех индивидов — право на жизнь. Гражданин вправе защищать свою жизнь всеми возможными способами, если этого не делает суверен, с которым он заключил договор, и в тот момент, когда он сам обеспечивает свою защиту, он вновь впадает в естественное состояние и расторгает общественный договор.

Таким образом, возникает парадокс, который получит широкий отклик в дальнейшей истории мысли. С одной стороны, права индивида предшествуют

обязанностям гражданина, что подразумевает ограничение власти суверена, а с другой стороны, идея политического договора у Гоббса сама по себе не является средством ограничения власти, скорее она призвана обосновывать то, что власть суверена искусственна и вообще не имеет границ [Skipper, 2002, p. 208]. Именно «лазейка» в виде сохранения права на защиту собственной жизни порождает единственное возможное ограничение власти Левиафана. Последующее развитие договорной традиции покажет, что основная линия пересмотра будет касаться вопроса расширения набора прав, ограничивающих власть Левиафана. Можно сказать, что Гоббс посеял семена для своих идей уже на базе основной сентенции философии модерна и идей либерализма — отвоевывание незыблемого жизненного пространства индивидуализмом у внеличных социальных институтов и структур.

Можно заключить, что понятие политического в философии Гоббса имеет четко выраженную гносеологическую природу. Гоббс одним из первых отверг политическое как природную само собой разумеющуюся данность, что позволило ему выстроить целый мысленный путь к пониманию сути политического. Как мы убедились, философ начинает с создания научного метода рассуждения, который позволит эгоистичным и властолюбивым индивидам прийти к разумному пониманию необходимости политического состояния с целью самосохранения. Высшей точкой этого рассуждения является момент наделения индивидами, познавшими политическую истину, правосубъектностью внеличной властной структуры — Левиафана, являющегося как проводником общества в политическое состояние, так и его демиургом.

Литература

- Гоббс Т.* О человеке // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 219–270.
- Дильтей В.* Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 464 с.
- Майер Х.* Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М.: Издательская группа «Скимень», 2012. 192 с.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
- Оукшотт М.* Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. 288 с.
- Робин К.* Страх. История политической идеи. М.: Прогресс-традиция; Территория будущего, 2007. 368 с.
- Скиннер К.* The State // Понятие государства в четырех языках / под ред. О. В. Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2002. С. 12–74.
- Филиппов А. Ф.* Актуальность философии Томаса Гоббса (1) // Полития. 2009. № 2 (53). С. 141–157.
- Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. 326 с.
- Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006. 300 с.
- Штраус Л.* Естественное право и история. М.: Водолей, 2007. 312 с.
- Ямпольский М.* Физиология символического. Кн. 1: Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец старого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 800 с.

Bileztki A. Talking Wolves. Thomas Hobbes on the Language of Politics and the Politics of Language. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. 225 p.

Danford J. W. The Problem of Language in Hobbes's Political Science // *The Journal of Politics*. 1980. Vol. 42. P. 102–134.

Gauthier D. P. The logic of Leviathan. The moral and political theory of Thomas Hobbes. Oxford: Clarendon Press, 2000. 227 p.

Gert B. Hobbes's psychology // *The Cambridge companion to Hobbes* / ed. by T. Sorell. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 157–174.

Hobbes T. Behemoth: The History of the Causes of the Civil Wars in England // *The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury* / ed. by Sir William Molesworth, Bart. London: Henrietta street, Covent garden, 1840. Vol. 6. P. 165–419.

Hobbes T. Elements of Philosophy: The First section concerning Body // *The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury* / ed. by Sir William Molesworth, Bart. London: Henrietta street, Covent garden, 1849. Vol. 1. 557 p.

Hobbes T. Human nature, or the Fundamental Elements of policy // *The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury* / ed. by Sir William Molesworth, Bart. London: Henrietta street, Covent garden, 1810. Vol. 4. P. 1–77.

Hobbes T. Leviathan // *The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury* / ed. by Sir William Molesworth, Bart. London: Henrietta street, Covent garden, 1839. Vol. 3. 732 p.

Hobbes T. On the Life and History of Thucydides // *The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury* / ed. by Sir William Molesworth, Bart. London: Henrietta street, Covent garden, 1843. Vol. 8. P. XIII–XXXII.

Hobbes T. Philosophical Rudiments concerning Government and Society // *The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury* / ed. by Sir William Molesworth, Bart. London: Henrietta street, Covent garden, 1841. Vol. 2. 355 p.

Lovejoy A. O. Primitivism and related ideas in antiquity / ed. by A. O. Lovejoy, G. Boas. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1935. 482 p.

Martinich A. P. The Two Gods of Leviathan. Thomas Hobbes on religion and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 454 p.

Oakeshott M. Hobbes on civil association. Indianapolis: Liberty Fund, 1975. 192 p.

Pitkin F. H. The concept of representation. Berkeley: University of California Press, 1972. 330 p.

Scott J. *The peace of silence: Thucydides and the English Civil War*. London; New York: Routledge, 2003. 191 p.

Skinner Q. Hobbes on Representation // *European Journal of Philosophy*. 2005. Vol. 13, iss. 2. P. 155–184.

Skinner Q. Visions of Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Vol. 3: Hobbes and Civil Science. 400 p.

Strauss L. The Political Philosophy of Hobbes. Its Basis and Its Genesis. Chicago: The University of Chicago Press, 1952. 186 p.

Taylor A. E. The Ethical Doctrine of Hobbes // *Philosophy*. 1938. Vol. 13. P. 406–424.

Цанова Бачуки Зурабиевич — аспирант; Tsanova.bach@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 3 июля 2020 г.;

рекомендована в печать: 21 августа 2020 г.

Для цитирования: *Цанова Б. З.* Понятие политического в философии Т. Гоббса // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2020. Т. 16, № 3. С. 375–396.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.305>

THE CONCEPT OF THE POLITICAL IN THE PHILOSOPHY OF THOMAS HOBBS

Bachuki Z. Tsanova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
Tsanava.bach@gmail.com

The article is devoted to the concept of the political in the philosophy of English thinker Thomas Hobbes (1588–1679). The author points out the key concepts for understanding the concept of the political in Hobbes's philosophy, such as the method of his philosophy, anthropological views, and the idea of the state of nature. The author describes the philosopher's thought path toward the concept of the political, beginning from his attempt to overcome the shortcomings of contemporary philosophy and the desire to create a science of politics, based on rational deliberation. Hobbes contrasts elocution with his method of searching for political truth based on reason because there is more harm than good done to the state by elocution. In the hands of selfish and vain individuals, elocution turns into an instrument for achieving personal goals rather than the common good. Hobbes's anthropological views allow him to describe all the horror and injustice in the state of nature, in which any selfish, but reasonable person, using the right method will come to the idea of the need to establish a state. The author notes that the concepts of vanity and fear occupied a particularly important place in Hobbes's philosophy, since they are the reasons for the collapse and creation of states. Thus, the concept of the political in Hobbes's philosophy is inseparable from deliberation based on reason, since without it selfish individuals cannot hear the voice of reason, establish the Leviathan, and proceed to the political condition. The social contract, obtained as a result of rational deliberation of egoistic individuals, represents the pinnacle of the political because neither the political condition nor citizens existed before it.

Keywords: Hobbes, state of nature, Leviathan, anthropological pessimism, social contract.

References

- Bileztki A. *Talking Wolves. Thomas Hobbes on the Language of Politics and the Politics of Language*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1997, 225 p.
- Corey R. *Fear: The history of political idea*. Moscow, Progress-traditsia Publ., 2007, 368 p. (In Russian)
- Danford J.W. The Problem of Language in Hobbes's Political Science. *The Journal of Politics*, 1980, vol. 42, pp. 102–134.
- Diltey V. *Views in world and study of human since Renaissance and Reformation*. Moscow, Centr Gumanitarnuch Initsiativ Publ., 2013, 464 p. (in Russian)
- Filippov A. F. The actuality of Hobbes's philosophy (1). *Politia*, 2009, no. 2 (53), pp. 141–157. (In Russian)
- Gauthier D. P. *The logic of Leviathan. The moral and political theory of Thomas Hobbes*. Oxford, Clarendon Press, 2000, 227 p.
- Gert B. Hobbes's psychology. *The Cambridge companion to Hobbes*, ed. by T. Sorell. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, pp. 157–174.
- Hobbes T. Behemoth: The History of the Causes of the Civil Wars in England. *The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury*, ed. by Sir William Molesworth, Bart. Vol. 6. London, Henrietta street, Covent garden, 1840, pp. 165–419.
- Hobbes T. Elements of Philosophy: The First section concerning Body. *The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury*, ed. by Sir William Molesworth, Bart. Vol. 1. London, Henrietta street, Covent garden, 1849, 557 p.
- Hobbes T. Human nature, or the Fundamental Elements of policy. *The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury*, ed. by Sir William Molesworth, Bart. Vol. 4. London, Henrietta street, Covent garden, 1810, pp. 1–77.

Hobbes T. *Leviathan. The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury*, ed. by Sir William Molesworth, Bart. Vol. 3. London, Henrietta street, Covent garden, 1839, 732 p.

Hobbes T. On human nature. Hobbes T. *Sochineniia*, in 2 vols., vol 1. Moscow, Muisl Publ., 1989, pp. 219–270. (In Russian)

Hobbes T. On the Life and History of Thucydides. *The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury*, ed. by Sir William Molesworth, Bart. Vol. 8. London, Henrietta street, Covent garden, 1843, pp. XIII–XXXII.

Hobbes T. Philosophical Rudiments concerning Government and Society. *The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury*, ed. by Sir William Molesworth, Bart. Vol. 2. London, Henrietta street, Covent garden, 1841, 355 p.

Iampolski M. *Physiology of the symbolic. Return of Leviathan: political theology, representation of power and the end of the old regime*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2004, 800 p. (In Russian)

Lovejoy A. O. *Primitivism and related ideas in antiquity*, ed. by A. O. Lovejoy, G. Boas. Baltimore, Johns Hopkins Press, 1935, 482 p.

Martinich A. P. *The Two Gods of Leviathan. Thomas Hobbes on religion and Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1992, 454 p.

Mayer H. *Carl Schmitt, Leo Strauss and the concept of the Political. On dialogue of absentees*. Moscow, Skimen Publ., 2012, 192 p. (In Russian)

North D., Wallis J., Barry R. *Violence and social order. A Conceptual framework for interpreting recorded human history*. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2011, 480 p. (In Russian)

Oakeshott M. *Hobbes on civil association*. Indianapolis, Liberty Fund, 1975, 192 p.

Oakeshott M. *Rationalism in politics and other essays*. Moscow, Idea-Press Publ., 2002, 288 p. (In Russian)

Pitkin F. H. *The concept of representation*. Berkeley, University of California Press, 1972, 330 p.

Schmitt C. *Dictatorship. From origins of modern idea of sovereignty till proletarian class struggle*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, 326 p. (In Russian)

Schmitt C. *The Leviathan in the state theory of Thomas Hobbes*. St. Petersburg, Vladimir Dahl Publ., 2006, 300 p. (In Russian)

Scott J. *The peace of silence: Thucydides and the English Civil War*. London and New York, Routledge, 2003, 191 p.

Skinner Q. Hobbes on Representation. *European Journal of Philosophy*, 2005, vol. 13, iss. 2, pp. 155–184.

Skinner Q. The State. *Ponyatie gosudarstva v chetyrech yazikach*. St. Petersburg, Izdatelstvo EU v Sankt-Peterburge Publ., 2002, pp. 12–74. (In Russian)

Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 3: Hobbes and Civil Science*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, 400 p.

Strauss L. *Natural right and history*. Moscow, Vodoley Publishers Publ., 2007, 312 p. (In Russian)

Strauss L. *The Political Philosophy of Hobbes. Its Basis and Its Genesis*. Chicago, The University of Chicago Press, 1952, 186 p.

Taylor A. E. The Ethical Doctrine of Hobbes. *Philosophy*, 1938, vol. 13, pp. 406–424.

Received: July 3, 2020

Accepted: August 21, 2020

For citation: Tsanova B. Z. The concept of the political in the philosophy of Thomas Hobbes. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 375–396.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.305> (In Russian)

МАЙКЛ ОУКШОТТ И ОБРАЗОВАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

К. М. Федорищев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Активные структурные изменения, затрагивающие современный университет, служат благоприятной почвой для большого количества дискуссий на тему организации высшей школы. Полемика о будущем образования существует, пожалуй, на всех уровнях коммуникации: определяются фундаментальные проблемы образовательных учреждений, формируется существенное количество предложений о реформировании и модернизации системы образования. Одни наблюдатели обуславливают необходимость создания системы свободного обучения, отрицая нормативный характер образования; другие стараются определить список канонических дисциплин и великих книг, которыми следует ограничиваться студентам и преподавателям; третьи полагают, что усилия по превращению университета в эффективную образовательную организацию постепенно сводят процесс преподавания до набора технических функций, создавая угрозу возможности подлинного обучения. В процессе реформ идея университета оказалась если не потеряна, то как минимум затемнена современной модой на поиск скрытых целей образования и программ их достижения. Поскольку мир переполнен целями и программами, для академических учреждений становится все более непреодолимым искушение подчиняться неизбежно противоречивым передовым практикам. В связи с этим вновь возникает спрос на исследование форм организации высшего образования, разработанных величайшими теоретиками современности. В статье рассматриваются актуальные аспекты дискуссии о концепции образования в политической философии Майкла Оукшотта (1901–1990). Автор предпринимает попытку прочитать политическую теорию М. Оукшотта как форму политического образования.

Ключевые слова: Майкл Оукшотт, политическое образование, идея университета, гражданское образование, политическая теория.

В последние два десятилетия философы и политические теоретики все чаще участвуют в разработке государственной политики. Однако последствия их работы все еще трудно оценить. Вместо того чтобы пытаться определить, как философские аргументы влияют выбор конкретной политики, представляется важным рассмотреть роль, которую играет гражданское образование в процессе конструирования политического пространства.

Исследователи творчества Оукшотта часто отмечают существенную роль крупных западных философов в развитии политико-философских идей автора. Сам Оукшотт рассматривал свою деятельность как часть традиции, идущей от Паскаля и Монтеня, а большинство комментаторов справедливо ставят его в ряд с величайшими представителями британского идеализма (см.: [Boucher,

1984; Tregenza, 1997; Nardin, 2001; Campbell, 2006; Meadcroft, 2009; Franco, 2012]).

Одной из самых объемных современных политико-теоретических дискуссий является понимание сущности либерализма. Как верно замечает Майкл Оукшотт, «идентичность либерализма вряд ли существует до того момента, когда рефлексирующий историк приступает к работе. К этому времени его “идентичность” и его “история” становятся неразличимыми» [Oakeshott, 2004, p. 411]. В общепринятом понимании *либерализм*¹ представляет собой наиболее значимое наследие политико-философской традиции Запада. Политическое образование в либерально-демократических обществах не ограничивается лишь политической социализацией и нравственным воспитанием, охватывая более серьезный спектр вопросов, таких как обучение граждан тому, как генерировать политическую власть, развитие навыков гражданского взаимодействия в условиях неравенства. Такой процесс формирования личности включает нравственное воспитание и освоение разнообразных коммуникативных практик.

Майкл Оукшотт представляет *университет* как *оплот либерального образования*, посредством которого истинный либерализм способен защищаться от внешних угроз. По мнению философа, современное либеральное образование восходит к XII в., когда ученые Западной Европы вновь открыли для себя античное наследие. Для понимания взглядов Оукшотта необходимо подчеркнуть важную роль истории в его политической философии. Как отмечает Э.Подоксик, Оукшотт разрабатывает собственную концепцию либерального образования в соответствии с тенденциями современности, добавляя в нее параметры множественности [Podoksik, 2003, p. 227–229]. Однако отправной точкой в изучении образовательной традиции в философии Оукшотта является его позиция, согласно которой «*обучение начинается не по невежеству, а по ошибке*» [Oakeshott, 1989, p. 57]. Тем не менее обучение трактуется как процесс, посредством которого индивид становится человеком — «никто из нас не рождается человеком; каждый становится тем, что он изучает» [Fuller, 1989, p. 6]. В противовес позиции оппонентов Оукшотт представляет точку зрения, которая косвенно отрицает максимум «добродетель — это знание». Оукшотт, ссылаясь на китайскую традицию даосизма, полагает, что мастерство ремесленника является высшим способом практического бытия [Wendell, 2017].

Таким образом, Оукшотт не разделяет представлений о наивысшем особом образе жизни философа, по его мнению, все человеческие жизни являются выражением особого образа жизни. В этом смысле интересна полемика М. Оукшотта и Л. Штрауса. Оба по-разному признавали, что либеральное образование подразумевает досуг свободного человека, причем этот досуг должен быть надежно защищен от погони за утилитарным знанием. Развитие технологий и структуры общества сделало возможным расширение досуга для большого числа людей, однако ни Оукшотт, ни Штраус не были готовы принять интеллектуальные последствия такого технологического прорыва. К началу 1970-х гг. Оукшотт заключает, что мир, если он будет продолжать развитие в том же

¹ В совокупности с теорией демократии.

направлении, скорее вступит в «темный век, посвященный варварскому изобилию» [Fuller, 1989, p. 99]. Немногом ранее, в 1949 г., он замечает, что мир, «движимый правдоподобной на первый взгляд этикой продуктивности, готов обеспечивать университеты только для того, чтобы они могли сослужить хорошую работу в перемещении кризиса на шаг назад», что противоречит, по его мнению, с одной стороны, самому духу либерального образования, которое требует в первую очередь досуга, с другой — принципу общей мобилизации общества с целью извлечения практической выгоды [Fuller, 1989, p. 126]. Таким образом, «либеральное» в образовании подразумевает «освобождение от отвлекающих занятий, связанных с удовлетворением условных потребностей» [Fuller, 1989, p. 6].

В рассуждениях о человечестве Оукшотт формулирует центральную для своей теории категорию — *беседа* (conversation). Его представление о коммуникации основывалось на образе процесса высшего образования в средневековых университетах Западной Европы. Эссе Оукшотта «Education: The Engagement and It's Frustrations» [Oakeshott, 1971] стоит рядом с его более откровенными политическими и историческими эссе, такими как «Массы в представительной демократии» [Oakeshott, 1961] и «О характере современного европейского государства» [Oakeshott, 1975]. Центральная часть работы 1971 г. представляет собой историческое исследование угроз средневековой традиции либеральному образованию XVII в., когда современность оказалась под влиянием мыслей Ф. Бэкона и его последователей, а подход к образованию подвергся пересмотру в пользу представления о знании как силе. «Things, not words» (дословно: «Вещи, а не слова!») стал официальным девизом для тех, кто хотел отменить идею школы в широком смысле слова, таким образом вернувшись к свободному нравственному состоянию первых людей [Strauss, 1995, p. 225]. После технологической осады либерального образования во имя новой науки образовательная система пришла к идее реформативного переформатирования практик обучения в пользу удовлетворения конкретных «социальных» требований обновленных государств Западной Европы [Fuller, 1989, p. 104]. Оукшотт отмечает: подобно тому, как массы выходят на политическую арену в связи повышением ценности морали и индивидуальности, которое возникает на рубеже позднего Средневековья и эпохи Возрождения, современные правительства начинают оказывать давление на университеты, заставляя последние принимать участие в процессе социализации граждан, превращая их в «эффективных членов единого, всеобъемлющего общества» [Fuller, 1989, p. 64].

Таким образом, Оукшотт интересно определяет проблему реформаторов, которые действуют в большей степени не ради достижения социальной мобильности граждан, а скорее вследствие собственных разочарований в возможности вынести что-либо для себя из древней традиции либерального образования, за исключением, возможно, лишь одного отрицательного урока — понимания идентичности прошлых лет, которая должна быть преодолена или преобразована. Важно заметить, что университеты конца 1960-х гг. представили обновленный пример этого феномена, тем не менее Оукшотт в своих рассуждениях критикует армию «часто трудолюбивых, технически мыслящих

и профессиональных людей, которые ответственны в своей публичной и частной жизни, но тем не менее наносят большой урон гуманитарному образованию, требуя полезной подготовки» [Fuller, 1989, p. 116].

Публикации послевоенного периода Оукшотта об образовании показывают: он слишком хорошо осознавал, что страх призыва технически невежественных и некомпетентных солдат был основным стимулом для появления массового образования в европейских государствах раннего современного периода. Более широкая проблема социальной мобилизации оставалась проблемой и во времена Оукшотта. Таким образом, раскрываются суть его концепции практической политики и то, насколько тесно она взаимодействует с его взглядами на классическое образование.

Оукшотт осуждал и критиковал энтузиазм по поводу мобилизации в мирное время, ставший весьма популярным в размышлениях послевоенных политиков, в своей работе об университетах: «...война предлагает наименее плодотворную возможность для выгодных перемен: война — слепое руководство к цивилизованной жизни. На войне все самое поверхностное в нашей культуре поощряется только потому, что оно полезно, даже необходимо для победы...»; и далее: «...мало того, что общество, только что вышедшее из разрушительной войны, находится в худшем положении для проведения полезных реформ в университетах, само вдохновение войной является наиболее вводящей в заблуждение из всех идей такого рода» [Fuller, 1989, p. 117]. Оукшотт сопротивлялся этой тенденции военного времени, считая, что именно она привела к кризису в университетах.

В работе «A place of Learning» Оукшотт выступает с критикой терминов «социальный» и «общество» [Fuller, 1989, p. 23–25]. Он обнаруживает, что термин «социальный» представляет собой варварские ориентации, предполагающие отнесение подлинной культуры в область предрассудков, в пользу концепта «рационального общества», придуманного как своего рода панацея для создания эффективных граждан и правительств. В этом смысле политическая теория Оукшотта представляется рациональной: голос либерального знания, являясь центральным в философии, открывает возможности для получения либерального образования одаренными индивидами вне зависимости от их социального и экономического положения. Оукшотт считал, что система обучения правящего класса привела к упадку всего либерального образования в XVIII в. Далеко не стремясь воплотить или пережить взгляды дворянства этой эпохи, Оукшотт отмечает несостоятельность акцента на формирование специализаций в структуре образования. По его мнению, те, кто посещал элитные курсы армии, предлагаемые в государственных школах Англии, были готовы удовлетворить потребности нации в той же степени, что и те, кто оказался вовлечен в образовательную инфраструктуру, оформившуюся и развивающуюся исключительно в интересах торговли и подготовки профессий [Fuller, 1989, p. 89]. Признавая, что демократия обеспечила исчезновение сакрального в природе правящего класса, Оукшотт призывал университеты сопротивляться растущему требованию практических результатов и измеримых навыков в образовании. Важно заметить, что аргументация Оукшотта тесно соприкасается со сферой политики.

Защищая либеральное образование, он формирует политический проект от имени либеральной демократии, желая освободить университеты от практических задач, которыми они скованы.

Проследившая отголоски либерализма в античной традиции, вполне вероятно прийти к выводу, что он неотделим от критики «утилитарной» концепции справедливости. Оукшотт рассматривает западноевропейскую традицию либерального образования, которая берет свое начало в римской традиции². Таким образом, суть политики отражается в образе античного города, где государство и общество составляют единое целое. Различия между демократическими, либеральными или аристократическими добродетелями менее значительны, чем контраст между этим древним городом-государством (с добродетельными целями для его граждан) и современной гражданской ассоциацией как сферой частного выбора. Оукшотт определяет важность того, что древние римляне оформили правовое различие между публичным и частным, сформировав таким образом республиканскую традицию в качестве заботы об общественном — свободе [McIlwain, 2019, p. 57]. Подчеркивая значимость римской правовой традиции, Оукшотт не допускал в своих работах утверждений о том, что личная жизнь конкретного человека изображается просто как моральный результат «собственнического индивидуализма». Синтез современности и античности в работах Оукшотта был любопытно определен Д. Боучером как «классическая республиканская консервативная склонность, подходящим образом адаптированная к политическому климату, в котором она модифицировалась» [Boucher, 2005, p. 81]. Таким образом, латинская терминология в работе «О человеческом поведении» [Oakeshott, 1986] не случайна: Оукшотту было важно подчеркнуть республиканскую преемственность собственной политической теории. Такая римская форма классического республиканизма определила ключевой характер отношения Оукшотта к политической традиции, которую он назвал «рациональная воля».

Существуют споры, сосредоточенные на вопросе, ориентировался Оукшотт в своих рассуждениях больше на Гоббса или Гегеля. Возвращение к классической республиканской традиции со стороны Оукшотта — факт, который позволяет сформировать более детальное представление о его преемственности к Гоббсу и Августину.

Res Publica определяется сохранением так называемой общей воли в рамках верховенства закона. В своем стремлении избежать дальнейшего размывания границ между государственным и частным Оукшотт использует римскую политико-философскую мысль, чтобы попытаться исправить гражданскую теорию Гоббса, которая не смогла предоставить «удовлетворительную или последовательную теорию воли» [Boucher, 2005, p. 92]. Таким образом, философское наследие Гоббса представлялось Оукшотту своего рода аналогом римлян, прославляемых им за практические разработки в установлении политической жизни [Oakeshott, 2006, p. 176]. Тем самым Оукшотт старается соотнести свою теорию британского консерватизма с республиканской традицией верховенства

² Речь идет о *Studia liberalis*.

закона. По его мнению, право не вытекает из революционных практик применения теоретических принципов, напротив, оно существует в обществе изначально. Классическая концепция свободы и британская традиция в известной степени преемственны. Важно отметить, что в своем стремлении обосновать и расставить приоритеты в отношении прав на неприкосновенность частной жизни и личности Оукшотт старается избежать гегелевской диалектики истории, в которой отвлеченное сознание постепенно реализует абстрактный идеал свободы.

Оукшоттовское понимание возвышения личности заключается в предположении, что общественные интересы лучше обслуживают частные, а не политические (публичные) занятия. Это позиция, которую Штраус определил бы с точки зрения принципа современной политической экономии, согласно которому «общее благо является продуктом деятельности, которая сама по себе не направлена на общее благо» [Strauss, 1965, p. 326]. Как остроумно подмечает Д. Боучер, по мнению Оукшотта, «деятельность артиста в мюзик-холле не менее связана с общественной жизнью, чем деятельность премьер-министра» [Boucher, 2005, p. 93]. Вместе с тем в этой позиции кроется сложность интерпретации его философии и сравнения с идеями республиканской традиции, так как последние в известной степени предъявляли существенные требования к своим гражданам в осуществлении их публичной деятельности. Оукшотт разделял консервативную традицию классического республиканизма, которая отражала желание проследить генезис либеральной теории со времен его предшественников.

Публикации на тему современной образовательной традиции, бурный всплеск которых можно наблюдать в последнее время, указывают на непрекращающийся интерес к этому аспекту политической философии (см.: [Weymann, 2014; Transforming Understandings..., 2016; Roberts, Saeverot, 2018; Гуров, 2019]). Особую важность имеет определение ключевых взглядов Майкла Оукшотта на университетское образование, именно поэтому далее мы рассмотрим различия между *университетским* и *профессиональным образованием*, определим общие черты университета как особой корпорации и проанализируем рассуждения Оукшотта по поводу методологических оснований университетской традиции.

Далеко не все знания, полученные путем теоретизации, являются практико-ориентированными. Согласно рассуждениям Оукшотта, рефлексия может быть отделена от практических задач, может ориентироваться лишь на объяснительный характер теории. Таким образом, Майкл Оукшотт выделяет две формы, которые может принимать объяснительная рефлексия: научное и историческое исследование. На протяжении всего творчества Оукшотт осуществляет попытку определить, как научное и историческое знание связаны друг с другом. Иными словами, он пытается ответить на вопрос, каковы предпосылки науки и истории. Чтобы определить взгляды Оукшотта на философию социальных наук, представляется необходимым сопоставить их с позициями его предшественников в этом вопросе. В работе «Опыт и его методы» [Oakshott, 1986] философ анализирует предпосылки науки и особо отмечает вклад специалистов

в области психологии и экономики в развитие исследований, затрагивающих человеческое поведение.

С возникновением в XIX в. истории как самостоятельной дисциплины у философов появилась возможность рассмотреть эпистемологический статус исторического исследования и его связь с естественными науками. Однако исследования в этом направлении столкнулись с многообразием подходов к пониманию терминов «история» и «наука». История означала не только тщательное изучение прошлого, но и многие другие исследования человеческого поведения, убеждений, обычаев, артефактов и институтов. Таким образом, вопросы, которые к началу XX в. были коллективно определены как «исторические», «антропоцентрические» или «культурные», в наше время принято подразделять на гуманитарные и социальные науки. Важно отметить, что наука предполагает под собой не только изучение природных явлений, но и любое исследование, требующее общих и систематических знаний, независимо от того, на какой предмет она направлена.

Главная отличительная черта научного знания, как подчеркивает Оукшотт, состоит в том, что его идеи являются количественными. Наука подменяет точно определенные понятия категориями здравого смысла, а точные измерения — прямым сенсорным опытом. Теоремы устанавливают математические отношения между понятиями, наблюдения представляют собой измерения, собранные, исправленные и стабилизированные в статистических обобщениях. Научные наблюдения и теоретизирование по своей сути являются количественными, потому что общие и воспроизводимые теоремы зависят от однозначных и инвариантных понятий, а также от точно измеренных наблюдений. Ученые иногда используют неточные концепции и измерения, но это обусловливается целесообразностью, а не стремлением к идеалу. Идеал в научном исследовании — сделать наблюдение независимым от наблюдателя и сформулировать теоремы с математической точностью. И это не просто случайная особенность науки. Научное знание определяется безличностью, единообразием, точностью и коммуникабельностью.

Согласно философским рассуждениям Оукшотта, наука — это не просто строгая версия здравого смысла. «Наука начинается только тогда, когда мир “вещей”, открытый для нас нашими чувствами и восприятием, забыт» [Oakeshott, 1986, p. 186]. Исследование не является научным, если оно опирается на грубые классификации, которые помогают нам организовать мир обычного человеческого опыта, но не выводят за пределы этого мира. Таким образом, науку следует отличать от *технологии*, которая, как и здравый смысл, занимается решением практических задач. «Мир научного обобщения — это мир, несведущий как о прошлом, так и о будущем, он ничего не знает об историческом времени и признает время только в своем мире в качестве средства связи своих собственных концепций» [Oakeshott, 1986, p. 228]. Реальность, которая утверждается в научной теории, является реальностью вечных «законов природы», а не временных событий. Чтобы наблюдаемое событие служило целям науки, оно должно быть преобразовано в пример общего правила, которое достигается только тогда, когда события становятся числами, а историче-

ский нарратив уступает место абстрактным, количественным отношениям. Но наблюдаемые события перестают быть отдельными историческими фактами ровно в тот момент, когда они становятся примерами общего правила: «...путь научного мышления начинается там, где заканчивается исторический путь» [Oakeshott, 1936, p. 80].

Таким образом, согласно Оукшотту, научное знание является абстрактным и гипотетическим. Наука как способ понимания не начинается с данных («естественных» или «материальных» объектов), которые она старается объяснить. Объекты науки определяются научными теориями, они являются «продуктом, а не основой научной мысли» [Oakeshott, 1986, p. 190]. Мир таких объектов — не «физический мир» общепринятого понимания, а мир абстрактных и часто нелогичных идей, математических конструкций: «...мир чистого количественного, абстракции, которые нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни представить» [Oakeshott, 1986, p. 195].

Можно утверждать, что наука — это не целое, а множество совокупностей, не способ исследования, а множество отдельных методов. Разнообразие объяснительных парадигм, которые характеризуют физику, химию и биологические науки, психологию, экономику, более очевидно, чем единство, обусловленное общей приверженностью объективности и научному методу. Однако, по мнению Оукшотта, различия между научными дисциплинами не являются необходимыми или категоричными, они отражают различие их предметных областей. Наука как способ не определяется своим предметом более, чем история, но разные науки, как и разные отрасли истории, могут развиваться по-своему в соответствии с требованиями материала. Эти различия также обусловлены историческими обстоятельствами. Главным среди этих обстоятельств является искажение научных исследований в соответствии с практическими соображениями: на них влияют приоритеты финансирования, институциональные ограничения и другие проблемы, не связанные с наукой, научные дисциплины редко организуются в соответствии с их собственными теоретическими принципами. Часто такие обстоятельства подвижны «полунауками» [Fuller, 1989, p. 33]. В каждой науке следует отличать поиск абстрактного теоретического понимания от усилий по решению практических задач. Практические проблемы могут как мотивировать поиск знаний, так и препятствовать ему. Например, физиология «стала наукой не благодаря своей связи с медициной, а вопреки ей» [Oakeshott, 1986, p. 233]. Хотя научное знание и медицина во многом связаны, их цели различны: наука стремится к теоретической согласованности, клиническая медицина — к достижению того, что работает на практике, даже если теории, лежащие в основе этого, ей не совсем понятны. Но, несмотря на непредвиденные обстоятельства, которые формируют конкретные дисциплины, науки объединяются, поскольку они основаны на предположении, что мир может быть понят в терминах, которые являются абстрактными, общими, объективными, количественными, гипотетическими и ясно передаваемыми, т.е. подчиняющимися математической логике. Это рассуждение определяет научное мышление как методологическое обязательство и приверженность идее науки как «единому, однородному, случайно разделенному целому» [Oakeshott,

1986, p. 243]. Согласно М. Оукшотту, именно цель, суть или обоснование прикладных, а не фундаментальных исследований устанавливают различие между профессиональным и университетским образованием.

Цель профессионального образования состоит в том, чтобы использовать знания в процессе приобретения практического опыта: изученное обязательно должно быть полезным, таким образом автор подводит к идее инструментального обучения. Университетское образование, напротив, не имеет внешней цели, знания получаются ради интереса и способствуют дальнейшему развитию индивида. «Доктрины, идеи, факты и теории, которые применяются в любом другом месте, чтобы извлечь практическую прибыль... в университете признаются временными достижениями, которые ценятся исключительно за их объяснительную ценность и основаны на понимании, которое бесконечно и автономно» [Oakeshott, 1967, p. 137]. Важность этих достижений заключается в том, что называется их «реинвестиционной ценностью»: в стремлении индивида к дальнейшему обучению. Вместе с тем профессиональное образование имеет дело со специфическим и «строго ограниченным объемом знаний, который в известной степени не выходит за рамки самого себя» [Oakeshott, 1991, p. 311]. И хотя, вероятно, в развитии профессиональных навыков есть «компонент обучения», основная задача обучения в таком случае заканчивается, как только мы способны применить полученное умение на практике [Fuller, 1989, p. 45].

Рассуждая о природе профессионального и университетского образования, Оукшотт использует свое хорошо известное различие между *языком* и *литературой* (текстом) как способами мышления [Oakeshott, 1991, p. 308–309]. Под языком автор подразумевает «манеру мышления», соответствующую определенной дисциплине или образу мышления, а литературная интерпретация характеризуется как «то, что время от времени говорилось на этом “языке”» [Oakeshott, 1991, p. 308]. Литература состоит из фактов, информации, заключений, открытий, предоставленных соответствующей дисциплиной или пояснительным языком. Например, учебник по политологии содержит некоторую часть знаний, которыми располагает современная политическая наука, но в нем нет необходимости ссылаться на то, как политологи пришли к этим знаниям. Учебник представляет собой определенный свод знаний, в то время как исследовательские процедуры, посредством которых получены эти знания, — язык дисциплины. В процессе профессионального образования студенты учатся только читать литературу, чаще всего научные публикации, тогда как, получая образование фундаментальное, университетское, они учатся мыслить с научной точки зрения. К сожалению, Оукшотт не раскрывает это различие глубже, но следующий пример К. Уилиамса, вероятно, соответствует его рассуждениям: «...при проектировании моста инженеры используют данные о прочности различных материалов, которые были установлены учеными. Инженерам не нужно знать, каким методом были получены эти выводы, им также не нужно знать, почему именно эти материалы приобретают особые качества. Таким образом, инженеры учатся читать только язык, представленный в определенных текстах, они не учатся писать или говорить на соответствующем языке» [Williams, 1989, p. 15].

В отличие от профессионального и университетского образования, различия между понятиями языка и литературы имеют определенные аспекты. Во-первых, не вся литература, которая применяется в профессиональном образовании, состоит из выводов или заключений. Большинство профессиональных навыков основываются, по мнению Оукшотта, на так называемой технической литературе, под которой он подразумевает тексты, содержащие практические теории или руководства для начинающих практиков. Такая техническая литература состоит из индуктивных обобщений, полученных путем успешной практики в рамках соответствующих видов деятельности. Тексты технической литературы могут называться «искусство обучения», «искусство медицины», «бухгалтерская практика» или «инженерные навыки». Таким образом, целью технической литературы является помощь в индивидуальной практике конкретного навыка (или совокупности навыков). В противовес этому целью теоретизирования является создание истинных положений.

Важно заметить, что внутренние связи между профессионально-технической литературой и «пояснительными языками» в зависимости от профессии имеют различную степень прочности. Например, техническая литература, используемая инженером, прямо опирается на объяснительный язык науки, в особенности физики. В то же самое время техническая литература косвенно связана с языками истории, социологии и психологии. Позднее, в статье «Определение университета» [Oakeshott, 1967, p. 136], Оукшотт незначительно корректирует различия между языком и литературой. Он отмечает, что студенты профессиональных направлений могут прийти к логичному выводу, что используемая ими литература в своей глобальной цели призвана расширить их понимание самих себя и мира. Однако такая трактовка представляется расплывчатой. Обучение, связанное с профессиональной подготовкой, требует гораздо большего, нежели простое признание зависимости заключений в литературе от достижений теории. Чтение и понимание предметной литературы предполагают существенный уровень владения дисциплинарным языком. Таким образом, информация, содержащаяся в большей части профессиональной литературы, непонятна тем, кто не освоил специального языка, на котором она написана. Например, без глубоких познаний языка физики человек не сможет в полной мере понять учебник, который направлен на освоение технических знаний. Более того, сложно представить, чтобы кто-то смог стать хорошим инженером, не зная языка физики. Тем не менее конкретный инженер может продемонстрировать куда более расширенное владение предметным языком, нежели выпускник со степенью [Wall, 1967, p. 55]. Согласно рассуждению Оукшотта, смысл, или обоснование, деятельности определяет существенное различие между профессиональным и университетским образованием.

Как уже отмечалось выше, отличительной чертой университетского образования является обучение, мотивированное исключительно интересом. Таким образом, Оукшотт определяет собственную методологическую структуру подготовки. Университет, подобно школе, изолирован от проблем мира практического опыта [Fuller, 1989, p. 69]. Оукшотт отвергает утверждение, согласно которому историческая функция университетов сводилась лишь к подготовке

профессиональных кадров для духовенства и правящего класса. Он не разделяет идею, согласно которой цель современного университета — обучение продвинутым или особенно сложным навыкам. По образу школьного образования начального и среднего уровня, университетское образование не ставит перед собой определенной функции, его конечной целью является вовлечение студентов в «образовательную беседу» [Fuller, 1989, p. 96]. Оукшотт утверждает, что практики университетского образования были разработаны не для того, чтобы соответствовать определенному заданному плану или преднамеренной цели. На протяжении своего развития университеты акцентировали внимание в большей степени на практике организации образовательного процесса — методике. Согласно рассуждениям Оукшотта, профессиональная ориентация студентов в дальнейшем не имеет значения для университета: несмотря на то что можно теоретически определить необходимое количество профессиональных кадров, которые могут потребоваться обществу и государству, неуместно уточнять, сколько людей должно получать университетское (или школьное) образование. Иными словами, для общества было бы неправильным ограничивать количество образованных людей.

Оукшотт не считает, что университет — единственная организация, способная обеспечить образование. Индивид может получать образовательную выгоду от частного репетитора, культурного тура под руководством информированного и образованного гида, посещения библиотеки [Oakeshott, 1991, p. 311–312]. Однако именно университет предлагает человеку полный образовательный опыт, исходя из методологического плана и особой атмосферы коллективного образовательного процесса³. Таким образом, Оукшотт в очередной раз подчеркивает уникальный институциональный характер университета как особого, локализованного сообщества, принадлежать к которому — все равно что быть частью любой другой социальной структуры, такой как институты государственной власти или даже семья [Fuller, 1989, p. 99]. Посредством общения, в буквальном смысле слова, преподаватели и студенты вносят свой вклад в особый метафорический разговор человечества, который состоит из различных фрагментов человеческой культуры [Fuller, 1989, p. 38–39]. В обучении участвуют и студенты, и преподаватели: часть ученых посвящают все свое время исследованиям и поиску знаний, так как им не хватает *сочувствия*, столь необходимого для того, чтобы стать учителем. Они рассказывают коллегам о результатах своей исследовательской деятельности при помощи *бесед* — взаимодействия *голосов* (voices) — совокупности точек зрения и аргументаций, отправляя готовое знание во внешний мир посредством публикаций [Fuller, 1989, p. 97]. Преподаватели в университете сами изучают некоторые аспекты своей дисциплины, но не используют то, что изучают, в качестве предмета своего обучения. Существует различие между ролью ученого как исследователя на передовых границах знания и его деятельностью в качестве преподавателя: «...как исследователи, они занимаются поиском знаний, но их главная задача

³ Заголовки работ Оукшотта «Идея университета» и «Определение университета» возвращают к рассмотрению классической идеи университета Ньюмена [Newman, 1901; Pelikan, 1992].

как учителей — не обучать потенциальных преемников себе в мире науки, а скорее приобщать студентов к способу мышления, характерному для конкретной дисциплины или области знания» [Oakeshott, 1991, p. 312–313].

Следовательно, обучающийся в университете, согласно Оукшотту, не является учеником, поскольку большинство обучающихся не станут историками, философами, учеными или литературоведами. Тем не менее образование будущего дипломата, государственного служащего, профсоюзного работника или школьного учителя не отличается от образования будущего ученого. Период обучения в университете — это «дар перерыва» (the gift of an interval), возможность «насладиться досугом перед тем, как начать зарабатывать на жизнь, на мгновение освободиться от проклятия Адама, обременительного различия между работой и игрой, чтобы участвовать в образовательной беседе» [Fuller, 1989, p. 102]. Современные представления об образовании предполагают приобретение тех практических навыков и способностей, которые позволяют индивиду зарабатывать на жизнь или удовлетворять свои социальные потребности, но такое обучение следует отличать от либерального обучения. Это различие не подразумевает бездействия. Напротив, научиться участвовать в этих действиях и говорить с умом на разных языках человеческого знания означает прилагать непрерывные усилия. Тем не менее позже в своих эссе М. Оукшотт предлагает выйти за рамки идеи игры, потому что, «в то время как игровые занятия прекращаются всякий раз, когда они перестают приносить немедленное удовлетворение, обучение является задачей, которую следует продолжать...» [Fuller, 1989, p. 69]. Такой подход требует развития определенных привычек, дисциплин и добродетелей: концентрации, внимания и интеллектуальной честности.

Как уже указывалось ранее, университетское образование отличается от профессионального за счет характерного именно для университета обоснования учебной программы. То, что изучается в университете, изучается ради интереса. Даже богословие, право, медицина и другие направления, непосредственно связанные с профессиями, включены в образовательную программу лишь потому, что они представляют отрасли науки. Университетское образование — это образование, основанное на великих объяснительных языках человеческого знания. Студент университета совершенствует навык владения этими языками, развивая самое важное качество — мышление. В отличие от студента, получающего профессиональное образование, студент классического университета не просто учится читать литературу, чтобы использовать полученные результаты в какой-либо практической деятельности, — в первую очередь он изучает объяснительную силу языка, учится мыслить в терминах, соответствующих этому языку. Тексты, которые он изучает, не являются хранилищами полезной информации или советов сами по себе: университетская программа знакомит ученика с текстами таких авторов, как Аристотель, Декарт или А. Смит, не для того, чтобы студент использовал наработки авторов прямо на практике, а скорее для того, чтобы понять, как философы, ученые и экономисты думали в прошлом. Таким образом, посредством изучения культуры языка студенты учатся использовать язык конкретной, выбранной ими дисциплины. Язык изучается посредством приобщения к соответствующей литературе или

иную тексту в широком понимании. Однако сам текст рассматривается не как организованная информация профессионального знания, а как уникальная языковая парадигма. В университетском образовании текст считается выражением функции конкретного объяснительного языка.

Оукшотт разрабатывает собственный подход к определению необходимого набора дисциплин в рамках базового уровня университетского образования (бакалавриат). Согласно его мнению, не следует использовать текущие академические или исследовательские задачи преподавателей по причине того, что такие задачи зачастую не находятся в надлежащем состоянии для обучения на этом уровне. Автор предлагает обращать внимание на тексты, которые представляют собой оформившиеся парадигмы способа мышления. Таким образом, академическая программа Оукшотта включает в себя, например, изучение гражданской войны в Англии, творчества Аристотеля — иными словами, общим формальным свойством любых текстов является их свобода от соображений полезности при удовлетворении потребностей практической жизни.

Оукшотт предполагает, что существуют два способа организации такого рода обучения в университете. *Первый* определяется множественностью способов мышления, выраженных в различных литературных, исторических, философских и юридических текстах — наследии античной Греции и Древнего Рима. *Второй* включает изучение определенного дисциплинарного языка — истории, науки, математики или философии — с помощью любых текстов, доступных и подходящих для обучения в университете. Гуманитарные науки, такие как социология и антропология, признаются несколько ослабленными направлениями исторического знания. В то же самое время психология (поскольку она связана с количественно определяемыми процессами) является естественной, а не гуманитарной наукой. Тем не менее независимо от формы обучения основные цели образовательной программы университета неизменны.

Согласно рассуждениям Оукшотта, первая цель учебной программы университета состоит в том, чтобы научить студента распознавать и отличать различные языки и «разбираться в существующей дискуссии» [Fuller, 1989, p. 26]. Второй целью методологического плана является создание возможности для практики полученных навыков языка путем выражения своих мыслей в русле характерной языковой логики. Таким образом определяется «подлинный уровень понимания языка, на котором они говорят» [Fuller, 1989, p. 27]. Оукшотт с пренебрежением отвергает проект расширения учебных программ посредством включения курсов «интегрирующих» лекций. Ориентация таких курсов на доступность для неспециалистов в конечном итоге сделала бы их посредственными и тривиальными. Он утверждает, что культура состоит не из «набора абстрактных способностей», а скорее из «мысли, выраженной материально»: точно так же, как невозможно говорить без использования определенного языка, невозможно мыслить вне условий индивидуального языка определенной дискурсивной вселенной. Для Оукшотта не существует «идеальной, неидиоматической манеры говорить», следовательно, люди не могут присоединиться к *образовательной беседе*, если они сами не говорят на одном из языков этой беседы. Поэтому, согласно Оукшотту, интегрированные курсы или общие

культурные курсы — это ошибочные попытки научить «искусству разговора тех, кому нечего сказать» [Fuller, 1989, p. 133–134].

Оукшотт полагает, что детальное изучение студентом одной конкретной дисциплины сформирует некоторый взгляд на другие дисциплины в силу того, что каждая дисциплина обязательно обнаружит «пределы» и «предпосылки», если ее изучать должным образом [Fuller 1989, p. 134]. На основе этого можно предположить, что Оукшотт в данном случае показывает: любое исследование, проводимое детально, так или иначе приведет к определению предмета, оформлению метода и установке критериев релевантности, правдивости и обоснованности. Такая процедура неизбежно потребует исследования различных контекстов знания. В результате студенты обретают понимание места своей дисциплины на общей карте человеческого знания [Fuller, 1989, p. 132]. Аналогичную точку зрения высказывает М. Мидгли, утверждая, что глубокое понимание предпосылок любой дисциплины позволит студенту «связать» эти предпосылки с «теми, которые необходимы для других задач» [Midgley, 2002, p. 23]. Именно по этой причине Оукшотт считает, что каждая дисциплина, отрасль науки или язык человеческого понимания «имеет внутри себя способность обучать» [Fuller, 1989, p. 100–101]. Прежде чем приступить к определенному курсу обучения, ученик уже из своего школьного образования узнает что-то определенное не только о выбранной дисциплине, но и о других областях науки.

Оукшотт, представляя свою концепцию образования, описывает образование как «социализацию в данной интеллектуальной идентичности» [Inglis, 1975, p. 41]. Культура, пишет Оукшотт, не является «доктриной или набором последовательных учений или выводов о человеческой жизни». Скорее это «разговорная встреча», состоящая из «чувств, восприятий, идей, обязательств, отношений и т. д., часто критически расходящихся в ориентациях по отношению друг к другу» [Fuller, 1989, p. 28–29].

Задача университета — защищать и продвигать многочисленные *голоса* (voices)⁴, противостоять вездесущему искушению оправдать свою деятельность в терминах полезности. Хотя деятельность университета неизменно будет зависеть от его отношения с окружающим миром, она «должна осуществляться таким образом, чтобы не потерять университетскую идентичность» [Fuller, 1989, p. 112].

«Университет, — пишет Оукшотт, — не машина для достижения определенной цели или получения определенного результата; это манера человеческой деятельности». Хотя университеты, возможно, не очень хорошо понимают, в чем заключается их «функция» или «миссия», они знают нечто «гораздо более важное, а именно — как вести себя как университет. Это знание не дар природы; это знание традиции, оно должно быть усвоено, и при этом оно всегда может сопровождаться ошибками и невежеством и даже может быть потеряно. Но только благодаря изучению такого рода знаний мы можем надеяться обнаружить то, что можно назвать “идеей” университета» [Fuller, 1989, p. 106–107].

⁴ В политической философии Оукшотта термин *голос* (voice) определяется как точка зрения, позиция и, как следствие, аргументация.

Угрозы либеральному образованию проявляются во многих формах, и иногда они выглядят привлекательно и проистекают из, казалось бы, благих мотивов, например желания быть «актуальным» или стремления к источникам финансирования, что часто проявляется в программах, которые имеют сомнительную научную ценность. Главная угроза для традиции либерального обучения, считает Оукшотт, исходит из веры в то, что он называет «социализацией», — из идеи, что обучение в основном связано с наделением студентов навыками и способностями, позволяющими им выполнять определенную роль в «социальной системе» или заниматься предписанной социальной целью. Это занятие не только наносит удар по либеральному образованию, но и предвещает упразднение человека. Таким образом, *либеральное образование* бросает вызов идее, что обучение должно способствовать социальной цели.

Литература/References

- Boucher D. Oakeshott, Freedom and Republicanism. *The British Journal of Politics and International Relations*, 2005, vol. 7, pp. 81–96.
- Boucher D. The Creation of the Past: British Idealism and Michael Oakeshott's Philosophy of History. *History and Theory*, 1984, vol. 23, no. 2, pp. 193–214.
- Campbell E. *Michael Oakeshott on Religion, Aesthetics and Politics*. Columbia, University of Missouri Press, 2006, 211 p.
- Franco P. *A Companion to Michael Oakeshott*. Pennsylvania, Pennsylvania State University Press, 2012, 346 p.
- Fuller T. *The Voice of Liberal Learning: Michael Oakeshott on Education*. New Haven, London, 1989, 169 p.
- Gutorov V. A. Education in Modern Political Theory Discourse (Bibliographic Review). *Polis. Political Studies*, 2019, no. 3, pp. 107–126. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.07>. (In Russian)
- Inglis F. *Ideology and the Curriculum: The Value Assumptions of System Builders*. London, Open University Press, 1975, pp. 3–14.
- McIlwain D. *Michael Oakeshott and Leo Strauss: The Politics of Renaissance and Enlightenment*. Cham, Palgrave Macmillan, 2019, 222 p.
- Meadcroft J. *Major Conservative and Libertarian Thinkers*. Bloomsbury Academic, 2009, 176 p.
- Midgley M. *Beast and Man: The Roots of Human Nature*. London, Methuen, 2002, 480 p.
- Nardin T. *The Philosophy of Michael Oakeshott*. University Park, State University of Pennsylvania Press, 2001, 255 p.
- Newman J. H. *The Idea of a University*. London, New York, Bombay, Longman, Green and Co., 1901, 523 p.
- Oakeshott M. Education: The Engagement and its Frustration. *Journal of Philosophy of Education*, 1971, vol. 5, pp. 43–76.
- Oakeshott M. *Experience and its Modes*. Cambridge, Cambridge University Press, 1986, 368 p.
- Oakeshott M. *History and the Social Sciences*. An exchange with M. M. Postan, in *The Institute of Sociology, The Social Sciences*. London, Le Play House Press, 1936, pp. 71–81.
- Oakeshott M. Lectures in the History of Political Thought. *Selected Writings*, vol. II, eds T. Nardin and L. O'Sullivan. Exeter, Imprint Academic, 2006, 550 p.
- Oakeshott M. *On Human Conduct*. Oxford, Clarendon Press, 1986, 344 p.
- Oakeshott M. Political Thought as a Subject of Historical Enquiry. *What is History? and other essays, Selected Writings*, vol. I, ed. by L. O'Sullivan. Exeter, Imprint Academic, 2004, 411 p.
- Oakeshott M. *Rationalism in Politics and Other Essays*. Indianapolis, Liberty Press, 1991, 479 p.
- Oakeshott M. *Rationalism in Politics and Other Essays*. Rus. Ed. Moscow, Ideya-Press Publ., 2002, 288 p. (In Russian)

- Oakeshott M. The Activity of Being an Historian. *Historical Studies*, vol. 1. London, 1958, pp. 1–19.
- Oakeshott M. The Definition of a University. *Journal of Educational Thought*, 1967, no. 1 (3), pp. 129–142.
- Oakeshott M. The Masses in Representative Democracy. *Freedom and Serfdom: an Anthology of Western Thought*. Dordrecht, 1961, pp. 151–170.
- Oakeshott M. The Vocabulary of a Modern European State. *Political Studies*, 1975, no. 23, pp. 319–341.
- Pelikan J. *The Idea of the University. A Reexamination*. New Haven; London, Yale University Press, 1992. 238 p.
- Podoksik E. *In Defence of Modernity: Vision and Philosophy in Michael Oakeshott*. Exeter, Imprint Academic, 2003, pp. 227–229.
- Roberts P., Saeverot H. *Education and the Limits of Reason. Reading Dostoevsky, Tolstoy and Nabokov*. London; New York, Routledge, 2018, 143 p.
- Strauss L. *Liberalism Ancient and Modern*. Chicago, University of Chicago Press, 1995, 283 p.
- Strauss L. *Natural Right and History*. Chicago, University of Chicago Press, 1965, 326 p.
- Transforming Understandings of Diversity in Higher Education: Demography, Democracy, and Discourse*, eds P.A. Pasque, N. Ortega, J. C. Burkhardt, M. P. Ting. Sterling, Virginia, Stylus Publishing, 2016, 260 p.
- Wall G. I. The concept of vocational Education. *Philosophy of educational society of Great Britain*, 1967, vol. 2, pp. 51–65.
- Wendell J. C. Jr. Michael Oakeshott as Philosopher of the Creative. *The Place of Michael Oakeshott in Contemporary Western and Non-Western Thought*, ed. by N. O'Sullivan. Exeter, Imprint Academic, 2017, 162 p.
- Weymann A. *States, Markets and Education. The Rise and Limits of the Education State*. New York; London, Palgrave Macmillan, 2014, 190 p.
- Williams K. The Gift of an interval: Michael Oakeshott's idea of a university education. *British Journal of Educational Studies*, 1989, vol. 37, iss. 4, pp. 384–397.

Федорищев Кирилл Максимович — аспирант; homo.historiarum@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 6 августа 2020 г.;

рекомендована в печать: 21 августа 2020 г.

Для цитирования: Федорищев К. М. Майкл Оукшотт и образование: современные интерпретации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16, № 3. С. 397–413. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.306>

MICHAEL OAKESHOTT AND EDUCATION: MODERN INTERPRETATIONS

Kirill M. Fedorishchev

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
homo.historiarum@gmail.com

The dynamic structural changes affecting the modern university provide fertile ground for a large number of discussions on the organization of higher education. Controversy about the future of education exists, perhaps, at all levels of communication: the fundamental problems of educational institutions are determined and a significant number of proposals for reforming and modernizing the education system are being developed. Some observers determine the need to create a system of free learning, denying the normative nature of education, while others are trying to determine the list of canonical disciplines and great books that should be limited to students and teachers. Additional observers believe that efforts to transform the university into an effective educational organization gradually reduce the teaching process to a set of technical functions,

threatening genuine learning opportunities. In the process of reforms, the idea of a university was, if not lost, then at least obscured by the modern trend for the search for hidden goals of education and programs to achieve them. As the world is replete with goals and programs, it becomes an increasingly irresistible temptation for academic institutions to submit to inevitably conflicting best practices. In this regard there is again a demand for the study of the forms of organizing higher education developed by the greatest theorists of our time. The article examines the current aspects of the discussion about the concept of education in the political philosophy of Michael Oakeshott (1901–1990). The author attempts to interpret the political theory of M. Oakeshott as a form of political education.

Keywords: Michael Oakeshott, political education, civil education, the idea of university, political theory.

Received: August 6, 2020

Accepted: August 21, 2020

For citation: Fedorishchev K. M. Michael Oakeshott and education: Modern interpretations. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 397–413. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.306> (In Russian)

РОССИЯ — ЭТО ИМПЕРИЯ ИЛИ НАЦИЯ-ГОСУДАРСТВО?*

Н. А. Баранов

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В рецензии на книгу В. А. Ачкасова, посвященную исследованиям этнополитических процессов в России с момента ее превращения в империю и до наших дней, предпринята попытка осмысления взглядов как автора, так и других исследователей на значимые этнополитические проблемы соотношения империи и национального государства, формирования российской нации и русского имперского национализма, влияния русской революции на национальную политику, а также советского опыта национального строительства. По мнению рецензента, автор убедительно раскрыл причины кризиса национальной идентичности в современной России и специфику региональных идентичностей, обусловленных особенностями статуса региона как составной части национального государства. Вызывает научный интерес авторская позиция, ставящая под сомнение ориентацию российского посткоммунистического государства на продуцирование демократических и гражданских идентичностей, а также аргументирующая поощрение и актуализацию идентичностей, как этнических, так и ориентированных на принцип лояльности государству. Представляются важными выводы В. А. Ачкасова о необходимости замены модели межэтнического взаимодействия на гражданско-политическую модель национальной интеграции и о том, что Россия находится в процессе формирования нации-государства, выступающего как конечный результат развития социальной интеграции.

Ключевые слова: Ачкасов, этнополитика, этнополитология, этническая идентичность, нация-государство, русский национализм, российская нация.

Завершается второе десятилетие XXI в. и третье десятилетие существования государства под названием Российская Федерация (25 декабря 1991 г.). Однако до сих пор не утихают споры и дискуссии о сущности Российского государства, оптимальной форме территориально-государственного устройства, основных направлениях государственной национальной политики. Poleмические дебаты о влиянии имперского прошлого на политическое устройство современной России с завидной регулярностью вспыхивают с новой силой. Историки и этнологи, политологи и социологи постоянно возвращают научный

* Рецензия на книгу: Ачкасов В. А. Российская дилемма: империя или нация-государство: монография. М.: Юрайт, 2019. 373 с.

дискурс к теме империи и национального государства в поисках ответа на ставший сакраментальным вопрос: Россия — это империя или нация-государство?

Существенный вклад в научную дискуссию на обозначенную тему вносит известный российский политолог Валерий Алексеевич Ачкасов — автор многочисленных трудов по этнополитической проблематике, один из ведущих российских специалистов в вопросах этнополитики, член Экспертного совета ВАК, Научного совета по межэтническим отношениям РАН, заведующий кафедрой этнополитологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Возрождению интереса к исследованию этнополитических процессов в современной России способствуют принятые официальные документы, а также заявления главы государства на тему становления российской нации и проводимой государственной национальной политики. О поиске оптимальных способов решения проблем в этой области свидетельствуют два варианта Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: первый вариант стратегии был утвержден Президентом России 19 декабря 2012 г., а второй — существенно измененный — 6 декабря 2018 г.

В последнем варианте документа вводится понятие общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания), под которым понимаются осознание гражданами России их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества [Стратегия, 2018]. Термин «российская гражданская идентичность» был использован в предыдущей версии стратегии один раз. В новой же редакции термин «общероссийская гражданская идентичность» упоминается десять раз. Таким образом, идет активный поиск объединяющего начала для полиэтничного населения страны.

В российской академической среде также регулярно появляются научные работы по этнической проблематике. Существенное влияние на осмысление национальной политики в стране оказывают работы и рекомендации В. А. Тишкова и возглавляемого им Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, труды об этничности в социально-политическом пространстве одной из основателей этносоциологии в российской науке Л. М. Дробижевой. Конфликтологическая проблематика в этнической среде анализируется в работах А. В. Авксентьева, З. В. Сикевич, И. Д. Звягельской, влиянию политики памяти на национальные отношения посвящены работы О. Ю. Малиновой, А. И. Миллера, о влиянии имперского прошлого на современное развитие страны пишут Е. Ю. Мелешкина, А. И. Миллер, Н. В. Петров, А. М. Эткинд, вопросы национализма рассматриваются в работах В. С. Малахова, Н. С. Мухаметшиной, С. М. Сергеева, В. Д. и Т. Д. Соловей.

Широко известны работы Э. А. Паина о национальной политике и управлении культурным разнообразием, В. Ю. Зорина, М. А. Аствацатуровой, Ю. П. Шабаева о государственной национальной политике. Российский федерализм рассматривается в работах С. Д. Валентея, А. А. Захарова, В. Г. Миронюка, М. Х. Фарукшина, В. Р. Филиппова, экономические аспекты этнических регионов анализируются в трудах Н. В. Зубаревич.

На этом фоне работа В. А. Ачкасова выделяется комплексностью исследования, широтой и глубиной поставленных и реализованных задач, убедительностью доказательной базы, смелостью научной мысли, четкой логикой повествования.

Для автора вопрос отношения к империи представляется крайне важным, так же как и тот факт, что характерные черты политического устройства постсоветской России неверно объяснять исключительно наследием имперского прошлого (с. 10). Поиском ответа на вопрос, вынесенный в название рецензии, на мой взгляд, успешно занимается В. А. Ачкасов.

Структура монографии включает шесть глав. В первой главе «Империя и национальное государство: общее и особенное» рассматриваются теоретические основания категорий «империя» и «национальное государство». Выделяя особенности имперских систем, автор солидаризируется как с зарубежными, так и с отечественными исследователями — Ч. Тилли, А. Мотылем, Е. Мелешкиной, Э. Паиным, М. Манном, Э. Смитом, Г. Мюнклером и другими, делая вывод о том, что «речь идет о сложном историческом феномене, принимавшем в разные периоды и для разных народов разные формы» (с. 25), при этом являясь, наравне с нацией, категорией практики. Данный тезис автор объясняет применением этих понятий различными политическими акторами, стремящимися к достижению несовпадающих целей и вкладывающих в понятия «империя» и «нация» разное содержание.

Характеризуя процессы трансформации империй в национальные государства, В. А. Ачкасов отрицает наличие единого пути, аргументированно полагая, что «оба типа организации государственной власти создают как сложности, так и преимущества для реализации политических и иных целей, и каждый проект государственности может перенимать некоторые формы, свойственные другому» (с. 30).

Исследовательский интерес представляют размышления автора на тему «Была ли Российская империя “тюрьмой народов”»? Сравнивая западные империи с Российской, Валерий Алексеевич склоняется к известной формуле, характеризующей российскую имперскость, — «империя минус империализм» (с. 43), в то же время признавая непоследовательные попытки ассимиляции и унификации имперского пространства, предпринимавшиеся в конце XIX — начале XX в., которые привели к радикализации окраинных этнонационализмов.

Вторая глава «Проблемы формирования российской нации и русский имперский национализм» посвящена анализу государственной рефлексии присоединения огромных территорий с этнически чуждыми народами и политико-идеологических факторов как реакции на возникающий русский национализм. Обосновывая данное явление, автор рассматривает политический национализм как реактивную идеологию, легитимирующую спасение и сохранение империи. Национализм, в свою очередь, «требовал включения в законные “национальные интересы” России ее присутствия или обеспечения контроля над рядом территорий Восточной и Юго-Восточной Европы» (с. 68).

Автор анализирует отношение к Западу, ставшее точкой идейного раскола российского образованного класса на западников и славянофилов и нашедшее

свое выражение в процессе становления национального самосознания. Заслуживают научного внимания позиция автора об отсутствии в русской культуре идеи нации как автономной от государства и религии гражданской целостности и утверждение, что «главным противоречием русского национализма является противоречие между императивами сохранения империи и повышения политического статуса русского народа» (с. 71). Сложно также не согласиться с тем, что национальная идентификация на массовом уровне не была доминирующей на протяжении практически всей истории Российской империи, так как, не отделив православия от государства, империя не создала светской системы обязательного начального образования на русском языке на всей территории страны.

В третьей главе «Русская революция и национализм» автор вслед за Р. Лахманом, Т. Скочпол, Дж. Голдстоуном, Г. Федотовым, С. Степановым ищет ответы на вопрос, почему оказалось возможно то, что В. Розанов, говоря о Февральской революции, описал метафорически: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три» [Розанов, 2000, с. 6]. Представляются научно обоснованными три выделенных обстоятельства:

- 1) «старая выдохшаяся утопия “официальной народности”, которой руководствовались национал-патриоты начала XX в.» и которая не могла предложить решения ни одной насущно важной проблемы страны и прежде всего «вопроса о земле» (с. 86);
- 2) неудовлетворенность православной церкви действиями монархической власти, которая после революции 1905 г. лишила РПЦ исключительного положения, сохранив контроль за ней со стороны государства;
- 3) отсутствие массовой поддержки в крестьянской среде столыпинской земельной реформы, что способствовало дискредитации политического режима и потере крестьянства как опоры монархической власти.

Кроме того, по убеждению автора, русский национализм начала XX в. приобрел антиимперское измерение, так как ускорил процессы становления национализмов этнических меньшинств и подорвал их традиционную лояльность к имперской власти (с. 98).

Первая мировая война углубила раскол в российском обществе, в результате чего его «политические, экономические, культурные институты... были либо уничтожены, либо истощены потребностями империи, тогда как государство слабело в условиях разрушения традиционной формы легитимации власти и неспособности сохранить лояльность своих подданных в новых условиях социальной модернизации» (с. 103). В.А. Ачкасов выделяет различные виды национализмов, возникших в этот период: либеральный (П. Б. Струве), расистский — этноцентричный или «интегральный» (М. О. Меньшиков), традиционалистский (Л. А. Тихомиров, С. Ф. Шарапов). Но наиболее важным представляется объяснение, с которым солидаризируется В.А. Ачкасов: российский народ к концу существования империи так и не сумел превратиться в нацию, так как идентификационное единство обеспечивалось не через построение нации-государства и формирование гражданской нации, а через всеобщее подданство царю и православию (с. 107).

В четвертой главе «Советская “национальная” политика и формирование “социалистических наций”, или был ли Советский Союз империей?» подробно, аргументированно, логично, со ссылкой на большое количество источников предпринята успешная, на мой взгляд, попытка ответа на поставленный в названии главы вопрос. В данном контексте следует выделить следующие наиболее значимые аргументы.

Навязывание большевистской властью этнических / национальных категорий в качестве официально признанных государством и их регулярное воспроизводство в административной практике постепенно привели к реальному осознанию принадлежности к этим новым институализированным группам (с. 128), в результате чего в 1920-е гг. появилось понятие «русский», которое заменило понятие «великоросс».

Автономии в государстве создавались директивным путем в имперском стиле, а не в результате актов самоопределения. Следствием большевистской национальной политики и политики «коренизации» стало формирование этнических наций, а не территориальных сообществ, объединенных гражданской солидарностью, общими ценностями и интересами (с. 131).

Автор солидаризируется с мнением Терри Мартина, назвавшего данный курс «политикой позитивной дискриминации», являвшейся радикальным оформлением политики мультикультурализма, которая осуществлялась на пятьдесят лет раньше, чем в Канаде и США. Суть этой политики, ярко выраженная Н. И. Бухариным, заключалась в том, что русские как великодержавная нация должны были поставить и поставили себя в неравное положение, более низкое по сравнению с другими, прежде угнетенными нациями (с. 134).

В. А. Ачкасов делает вывод о том, что пролетарская революция не изменила природу государственной власти, так как вместо империи не было построено национальное государство: «Сменился суверен. Место царя и космополитической по составу имперской знати заняли генеральный секретарь и партийная номенклатура, т. е. коммунистическая элита» (с. 141). В то же время изменились основания для обеспечения имперской идентичности: в царское время — подданство царю и православие, в эпоху СССР — советский патриотизм и дружба народов.

Советское государство «навязывало этничность» своим гражданам в качестве важнейшего маркера и институализировало ее. В результате возник симбиоз ментальности широких слоев населения и коммунистической идеологии, который называют советским сознанием, до сих пор проявляющимся в ностальгии по советскому прошлому.

Характерной чертой советской национальной политики стало умышленное смешение русской и советской идентичностей для закрепления в сознании русских граждан представления о том, что они прежде всего граждане Советского Союза, или советские люди (данный феномен Э. Паин назвал «этническим нигилизмом») (с. 162). Последствия такой политики оказались двойственными: способствуя становлению и развитию этнонаций в союзных и автономных республиках, она создавала институциональные предпосылки для размывания легитимности и крушения советской системы, однако ее направленность на раз-

мывание русской идентичности и подмену ее советской придавали первой имперские черты (с. 167).

Пятая глава «Кризис национальной идентичности и проблемы обеспечения безопасности современной России» стала развитием авторских идей политики идентичности, частично сформулированных в монографии «Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности» [Ачкасов, 2012].

Распад некогда могучей державы в новой России, по справедливому замечанию автора, не воспринимался как повод для национального возрождения. Более того, радикальное изменение коллективных представлений о переменных в обществе привело к разрушению русской идентичности (с. 183). Распаду социума способствовали катастрофическая ситуация в российском обществе 1990-х гг., неудовлетворенность ряда социальных и духовных потребностей большинства россиян, следствием чего стали распад социальных связей, кризис личных ценностных ориентаций, утрата приобретенных идентичностей. Разрушение традиционных общностей, связей, механизмов социализации привело к усилению конфликтов между различными способами идентификации и росту напряженности в обществе. В связи с данными тенденциями автор выделяет, во-первых, естественное стремление россиян удержать прежние идентификации и привычные формы солидарности, что приводит к поддержанию политических сил, являющихся символами прошлого; во-вторых, «подъем этнонационализмов, которые могут сыграть роль утопии, указывающей иллюзорный выход из тупика, служить иллюзорным средством преодоления болезненного раскола социума, восполнения пустоты, образованной распадом реальных сообществ и инструментов традиционного контроля» (с. 187).

В результате, как справедливо отмечается в работе, в течение более двух десятилетий интенсивно идет процесс этнизации и даже расиализации все более широких сфер социального пространства и вытеснения гражданских идеалов солидарности и лояльности своему государству. «Действительно, — сокрушается автор — трудно найти в мире государство, в котором бы, как в России, отсутствовал консенсус по столь широкому кругу общезначимых ценностей и базовых проблем. И представители политических и интеллектуальных элит, и граждане серьезно расходятся между собой в понимании геополитической, социально-экономической, культурной специфики и роли своей Родины в мире, в оценке практически всех “знаковых” исторических событий и годовщин» (с. 203–204). В сложившихся условиях очевидно, что российское посткоммунистическое государство все еще не ориентировано на продуцирование демократических и гражданских идентичностей, а государственная национальная политика в основном воплощается «в невольном поощрении и актуализации идентичностей этнических, а также в попытках формирования и поддержания идентичностей, ориентированных на принцип лояльности к государству, точнее, лояльности к носителям власти» (с. 208).

Поэтому, обоснованно полагает автор, «перед Россией по-прежнему остро стоит сложнейшая проблема создания и “укоренения” легитимных и эффективных политических институтов и формирования национальной идентичности,

которые смогут обеспечивать политическую консолидацию общества и сохранение единства страны» (с. 245).

В шестой главе «Региональные идентичности и нациестроительство в современной России» автор размышляет о специфике региональных политик идентичности, обусловленных особенностями статуса региона как составной части национального государства. В данном контексте речь идет преимущественно об этническом характере процессов регионализации в постсоветской России, которые способствовали политической мобилизации в 1990-е гг. Политическая практика, по мнению В. А. Ачкасова, указывает не только на тесную связь между регионализмом и этничностью, «но и на то, что идеология регионализма, регионалистские движения могут с успехом трансформироваться в идеологию этнического национализма и этнополитические движения. В свою очередь, мобилизация местными властями ресурса движений, выступающих с позиций этнического национализма, нередко заканчивается тем, что на этой основе происходит формирование неких этнорегионалистских идей и идеологий или их суррогатов и происходит этнизация региональной идентичности» (с. 294).

Автор обеспокоен распространением русского национализма, основой которого являются массовое обеднение населения, рост социального неравенства и несправедливости, на конкретных примерах подтверждая свой тезис. Модель межэтнического общежития, доставшаяся России от советского прошлого, по его аргументированному мнению, «должна быть заменена гражданско-политической моделью национальной интеграции, одной из базовых преимуществ которой является способность к саморазвитию, к перенастройке и, тем самым, к оперативным ответам на вызовы» (с. 318–319).

В заключении автор пишет об обратимости процессов этнополитической мобилизации на основе конструирования этнокультурных идентичностей и их политизации, придавая решающее значение фактору времени и субъективному фактору. Социокультурная интеграция, необходимая для переориентации с этнических характеристик на общегражданскую солидарность, может способствовать формированию национальной гражданской идентичности через модернизацию не только технологической инфраструктуры, но и ее политической системы, которая должна представлять интересы всех социальных групп, этнических сообществ и регионов страны (с. 322).

Ответ на поставленный в начале монографии вопрос: «...является ли сегодняшняя Россия империей, или она — нация-государство?» (с. 10), мы находим в конце заключения. В. А. Ачкасов пишет: «Процесс социальной интеграции, результатом которого и является нация-государство, фактически продолжается на протяжении всей его истории, иными словами, оно постоянно находится в процессе “формирования”, постоянно возникают и с большим или меньшим успехом разрешаются кризисы идентичности, а этнонационализм и этносепагатизм являются вызовом практически для всех государств со сложным составом населения» (с. 325).

В монографии использована современная научная литература (695 наименований), труды авторитетных ученых по обозначенным проблемам, нормативно-правовые документы, ресурсы Интернета, поэтому достоверность основных

положений и выводов не вызывает сомнений. Вместе с тем автором убедительно и ярко заявлена самостоятельная научная позиция.

Таким образом, очередная монография профессора В. А. Ачкасова по этнополитической проблематике вносит весомый вклад в исследование этнополитических процессов в России, выяснение причин неэффективности современной российской этнополитики и неудач в формировании российской гражданской нации и является важной вехой для развития этнополитологии.

Литература

Ачкасов В. А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. 232 с.

Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. 429 с.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в ред. от 06.12.2018 № 703). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.7421340926572590307629267393734> (дата обращения: 04.05.2020).

Баранов Николай Алексеевич — д-р полит. наук, проф.; nicbar@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 11 мая 2020 г.;

рекомендована в печать: 21 августа 2020 г.

Для цитирования: *Баранов Н. А.* Россия — это империя или нация-государство? (Рецензия на книгу: *Ачкасов В. А.* Российская дилемма: империя или нация-государство: монография. М.: Юрайт, 2019. 373 с.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 3. С. 414–422. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.307>

IS RUSSIA AN EMPIRE OR A NATION-STATE?*

Nikolai A. Baranov

North-Western Institute of Management of the Russian presidential Academy of National Economy and Public Administration, 57/43, Sredny pr., V. O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; nicbar@mail.ru

In the review of the book by Valery Achkasov, devoted to the study of ethno-political processes in Russia from the moment of its transformation into an empire to the present day, an attempt is made to comprehend the views of both the author and other scholars on significant ethno-political problems in regard to the correlation of an empire and a nation state, the formation of the Russian nation and Russian imperial nationalism, the influence of the Russian revolution on national politics, as well as on the Soviet experience of nation building. According to the reviewer, the author convincingly revealed the causes of the crisis of national identity in modern Russia and the peculiarities of regional identities, due to the characteristics of the status of the region as an integral part of the nation state. The author's position, which casts doubt on the orientation of the Russian post-communist state towards the production of democratic and civic identities is of scientific interest as well as arguing for the promotion and actualization of identities, both ethnic and those oriented on the principle of loyalty to the state. Valery Achkasov's conclusions are sig-

* Book Review: Achkasov V. A. *Russian Dilemma: Empire or Nation State: Monograph*. Moscow, Yurayt Publishing House, 2019, 373 p.

nificant concerning the need to replace the model of interethnic interaction with the civil-political model of national integration and that Russia is in the process of forming a nation-state, which acts as the final result of the development of social integration.

Keywords: Achkasov, ethnopolitics, ethnopolitology, ethnic identity, nation-state, Russian nationalism, Russian nation.

References

Achkasov V.A. *Identity policy of multi-ethnic states in the context of solving the security problem*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2012, 232 p. (In Russian)

Rozanov V.V. *Apocalypse of our time*. Moscow, Respublika Publ., 2000, 429 p. (In Russian)

Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025 (as amended on December 6, 2018 N 703). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.7421340926572590307629267393734> (accessed: 04.05.2020). (In Russian)

Received: May 11, 2020

Accepted: August 21, 2020

For citation: Baranov N. A. Is Russia an empire or a nation-state? (Book review: Achkasov V. A. Russian dilemma: Empire or nation-state: Monograph. Moscow, Yurayt Publishing House, 2019, 373 p.). *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 414–422. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.307> (In Russian)

Contents

Modern political processes and technologies

<i>Zavershinskiy K. F.</i> Political socialization of children as a symbolic representation of the “politics of children”	308
<i>Vaisla S.</i> Conflict of interpretations of Latgalian ethno-political identity in modern Latvian society	329
<i>Onopko O. V.</i> Public sector institutions of foreign policy expertise in Ukraine: An analytical overview	340
<i>Feenstra C. M.</i> Back to the beginning of the future: Comparing digital policies of the Netherlands and Germany	360

The theory of political science

<i>Tsanava B. Z.</i> The concept of the political in the philosophy of Thomas Hobbes	375
<i>Fedorishchev K. M.</i> Michael Oakeshott and education: Modern interpretations	397

Review

<i>Baranov N. A.</i> Is Russia an empire or a nation-state?	414
---	-----

**На журнал «Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС»
можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 71934**

Главный редактор *А. В. Курочкин*, д-р полит. наук, проф.
Редактор *Е. Е. Жирнова*
Корректор *Т. В. Никифорова*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Дата выхода в свет . Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Усл.-печ. л. 9,7. Тираж — 40 экз. Заказ № . Цена свободная.
Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.
Издательство СПбГУ. С.-Петербург, 6-я линия В.О., д. 11.
Тел./факс: +7 (812) 328-44-22.
publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

Книги Издательства СПбГУ можно приобрести в Доме университетской книги, Менделеевская линия, д. 5;
тел.: +7 (812) 329-24-71;
часы работы: 10.00–20.00 пн. — сб., а также на сайте publishing.spbu.ru

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.